

Александр Дима

Принципы сравнительного литературоведения

Перевод с румынского

Издательство «Прогресс», Москва 1977

Сканирование:

Кафедра русской классической литературы
и теоретического литературоведения
Елецкого государственного университета
<http://narrativ.boom.ru/library.htm>
(Библиотека «Narrativ»)
narrativ@list.ru

Перевод и комментарий М. В. Фридмана Предисловие В. И. Кулешова Редактор Г.И.Насекина

Крупный литературовед из социалистической Румынии, член-корреспондент Академии наук СРР, Александр Дима известен своими трудами в области философии культуры, истории эстетики, теории и истории литературы. Автор — видный специалист в области компаративистики, член руководящего комитета Международной ассоциации по сравнительному литературоведению.

В предлагаемой работе дается системное изложение проблем мировой и румынской компаративистики, сущности этой науки и перспектив ее развития. В центре внимания автора — влияния и заимствования, типологические схождения и специфические особенности национальных литератур, выявляемые при помощи литературных сопоставлений.

Редакция литературоведения и искусствознания

© Перевод на русский язык, предисловие, комментарий, библиография. Издательство «Прогресс», 1977

70202 — 108
Д ————— 134-76
006(01) — 77

Содержание

На важном направлении исканий ...	5
Предисловие ...	21
Место сравнительного литературоведения среди других дисциплин науки о литературе ...	25
Развитие мировой компаративистики ...	40
Развитие сравнительного литературоведения в Румынии ...	66
О названии науки и её предмете ...	89
Содержание международных литературных связей ...	98
Формы и типы международных литературных отношений ...	121
К вопросу об истории создания европейской литературы ...	179
Теоретическое и практическое значение сравнительного литературоведения ...	190
Задачи, стоящие перед румынской компаративистикой ...	197
Комментарий ...	201

На важном направлении искании

Предлагаемая советскому, читателю книга написана видным современным румынским ученым Александром Димой. Первое ее издание в Бухаресте (1969) вызвало живой интерес, и книга быстро разошлась, Возникла необходимость во втором издании, которое и было осуществлено в 1972 году. С этого издания и сделан предлагаемый русский перевод.

А. Дима излагает основные теоретические вопросы одной из областей современного литературоведения — сравнительного изучения литератур, — освещает специфический предмет и методику этой научной дисциплины в сопоставлении ее с историей и теорией литературы, литературной критикой.

В основу книги положена определенная концепция, опирающаяся на детерминистическое понимание литературы, как социального явления. У автора имеется свое четкое понятие о предмете как литературной науки в целом, так и сравнительного литературоведения. Живой стиль изложения также в немалой степени повышает достоинство этого труда.

Важнейшую работу, связанную с анализом понятий и терминов в их системной взаимосвязанности и расслоении на более частные значения, с многообразными оттенками, а иногда и смещениями, трудно объяснимыми логически, но исторически сложившимися и опирающимися на определенные свойства того или иного языка, автор книги проделывает на подлинно научном уровне и вместе с тем без педантизма

и сухости, пробуждая живой интерес к предмету даже у непосвященных. А. Дима бережно относится к сложившейся научной терминологии, справедливо полагая, что при всех своих недостатках она меньше вносит путаницы, чем частые перемены в обозначениях, охотников до которых всегда было предостаточно. Так, отдавая дань сложившейся традиции, следует оставить оба наименования интересующей нас научной дисциплины, одно из которых восходит к французскому обозначению «*littérature comparée*», а другое к немецкому «*Die vergleichende Literaturwissenschaft*», хотя давно замечено, как указывает А. Дима (а перед ним не так давно на это обращали внимание А. Руссо, К. Пишуа, В. Жирмунский), что французский пассив неточно передает суть дела: ведь речь идет не о «сравниваемой литературе», а о «сравнении литератур». Именно это значение адекватно передает немецкий название, акцент падает на самое науку, занимающуюся сравнением, а литератур как объектов изучения предполагается несколько.

Тем не менее оба термина сосуществуют, и А. Дима приводит кальки с них на многих языках. Видимо, благодаря своей броской краткости, а также давней традиции употребления, ведущей начало от Сент-Бёва, неточный французский термин полноправно уживается рядом с другими, хотя за ним уже теперь всегда как тень следуют необходимые поправки. Вот почему, между прочим, термин «компаративистика» у нас не прижился, советские ученые, как правило, избегают его, предпочитая более точный — «сравнительное литературоведение».

Углубленная разработка принципов сравнительного литературоведения — одна из актуальных задач и советской науки. Пристальное внимание к этим проблемам вполне понятно. Ведь русская классическая литература, литература Толстого, Достоевского, Чехова — давно приобрела всемирное значение. Современная советская литература, ее передовой творческий метод — социалистический реализм — оказывают влияние на весь мировой литературный процесс. Сама советская литература, многонациональная по составу, может быть понята во всем своем разнообразии и единстве лишь через сравнение особенностей каждой

из составляющих ее частей. Наконец, в послевоенные десятилетия образовалась литература стран социалистического содружества. Все это требует обстоятельной разработки теории и методики сравнительного изучения литератур, или компаративистики (как принято говорить преимущественно в ученых кругах Запада).

Ученые СССР внесли значительный вклад в развитие сравнительного литературоведения, и особенно в разработку его ведущих методологических принципов. Труды крупнейших советских компаративистов В. М. Жирмунского, М. П. Алексеева, Н. И. Конрада пользуются заслуженной известностью в кругах мировой научной общественности. Советская наука наследует все ценное в трудах А. Веселовского и многих других дореволюционных русских ученых. Важным этапом осмысления современных проблем в этой области явилась научная конференция о взаимосвязях и взаимодействии национальных литератур, состоявшаяся в Институте мировой литературы им. Горького в 1960 году. Материалы конференции, изданные через год и составившие объемистый том, прочно вошли в научный обиход не только у нас, но и за рубежом.

Все явления познаются через сравнение. И сравнительное изучение литератур продолжает оставаться объективной потребностью современной науки, оно существует и развивается, в какие бы тупики ни пыталась увлечь его за собой буржуазная компаративистика, как бы ни компрометировала она своей классово-эгоистической сущностью, своим бескрылым фактографизмом самую идею сопоставления тех или иных явлений в различных национальных литературах.

К. Маркс писал в предисловии к «Капиталу»: «Всякая нация может и должна учиться у других»¹. В наш век интенсивных международных общений с особой ясностью раскрывается истина: чем выше культура народа, тем интенсивнее становятся его контакты и взаимодействия с другими народами; общения способствуют повышению уровня своей собственной

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, с. 10.

национальной культуры. Но общения, влияния, взаимодействия, схождения и расхождения — это не отвлеченные вопросы: они имеют исторически-конкретный, классовый характер. Все это крайне усложняет проблему развития сравнительного литературоведения сегодня.

Привлекательной стороной книги А. Димы является попытка увязать в единое целое теоретические и практические задачи рассматриваемой научной дисциплины, сообщить читателю как можно больше полезных сведений из области теории и истории компаративистики, фактов конкретных проявлений межнациональных общений в их определенной иерархии и соподчиненности по отношению к общему мировому литературному процессу. Следует признать, что в советском литературоведении еще нет такой систематизирующей разнообразный материал работы, и книга А. Димы как своими достоинствами, так и недостатками лишний раз напоминает о необходимости появления фундаментальной советской монографии на эту тему.

Структура книги А. Димы продуманна и оригинальна: она позволяет как бы концентрическими кругами вращаться в трудный предмет. После вступительного общего очерка о месте сравнительного литературоведения среди других разделов науки о литературе автор в двух последующих главах знакомит читателей с историей мировой компаративистики, с трудами целого ряда крупнейших ее представителей: М. Познетта, Ф. Брюнетьера, Г. Брандеса, особенно Ф. Бальдансперже, П. Азара, П. ван Тигема М.-Ф. Гюйяра, Р. Уэллека и других, а также с работами румынских компаративистов: Б. П. Хашдеу, Дж. Кэлинеску, Н. И. Попа, П. Константинеску-Яшь, Т. Виану, Д. Поповича, Н. Йорги, Т. Николеску и других. А затем он сосредоточивается на системе понятий и терминов сравнительного литературоведения, его специфическом содержании, формах и типах международных литературных связей. В конце книги А. Дима намечает актуальные проблемы науки, в частности румынской компаративистики.

Композиция книги хорошо обособляет предмет сравнительного литературоведения и в то же время

выявляет его неразрывную связь с историей литературы, «поставляющей» ему конкретный материал, с ценностными суждениями критики, столь необходимыми для сравнения явлений по качеству, с теорией литературы, помогающей делать широкие выводы общеэстетического характера.

Если суммировать выводы А. Димы, то специфика сравнительного литературоведения заключается в следующем. Его задача — изучать три рода явлений: прямые связи между литературами, то есть переводы, влияния, заимствования; типологические схождения, которые не предполагают генетического родства, но проявляются в разработке определенных тем, мифов, образов, жанров, наличии сходных литературных течений; и, наконец, специфические черты национальных литератур «осознаваемые как отношения независимости».

А. Дима справедливо считает, что сравнительное литературоведение не особая «наука в науке», а только одна из ее частей. Она имеет лишь свою методику подхода к литературным явлениям, а не обособленную методологию. В методологическом отношении различные направления в компаративистике восходят к тем или иным общетеоретическим концепциям, которые вошли в историю литературоведения как такового. Среди них особое место занимает марксистское сравнительное литературоведение. Именно оно, как и во всех других случаях, когда речь идет о методологии марксизма, выступает в качестве подлинной науки, способной решить стоящие перед познанием задачи и объективно оценить достоинства и недостатки любой теории, господствовавшей в свое время в компаративистике или же выступающей с определенными притязаниями сегодня.

Автор книги ведет спор с Ф. Бальдансперже, П. Азаром, М.-Ф. Гюйяром, которые считали химерическим сравнительное изучение литератур в тех случаях, когда между произведениями нет прямых текстовых совпадений. Он напоминает, что существует и такая разновидность оснований для сравнения, как типологическая общность. С другой стороны, возвращаясь к вопросу о прямых связях, А. Дима оспаривает мнение современного американского ученого

Р. Уэллека, будто «изучение влияний — бесцельная охота», не заслуживающая труда. А. Дима остается, таким образом, в русле научной традиции, справедливо полагая, что нет оснований отбрасывать ни один из объектов сравнительного изучения.

Сопротивляется А. Дима попыткам, идущим еще от П. ван Тигема, растворить сравнительное литературоведение в изучении «всеобщей литературы», тогда как на самом деле эти научные дисциплины имеют разные предметы и цели изучения. Всемирная литература складывается из ценностей мирового значения, таких универсальных явлений, как ренессанс, барокко, реализм, охватывающих ряд литератур. Цель сравнительного изучения литератур другая — выявление закономерностей и путей распространения этих ценностей.

А. Дима выступает также против чрезмерного расширения сферы сравнительных исследований, против аннексирования «комплексной» компаративистикой смежных областей. Такие пожелания высказывал в свое время П. ван Тигем, в своеобразной форме они представлены и в концепциях современного венгерского ученого академика И. Шётера. Конечно, эти широкие связи и соотношения также надо изучать, но при этом важно не утратить свой специфический предмет — литературу.

Ценными являются и многочисленные другие уточнения А. Димы. В компаративистике и в исследованиях по всемирной литературе свое место должны занять литературы разных наций. В этой связи читатель с благодарностью воспримет весь румынский материал, содержащийся в книге, и извлечет из него для себя ценную информацию, без которой теперь уже трудно представить себе картину развития мировой науки. Автор выступает за то, чтобы сравнительное изучение не страдало «европоцентризмом», чтобы оно на равных правах занималось литературами Ближнего Востока и Азии. В то же время он отстаивает полную правомерность такого понятия, как «европейская литература», которое четко осознается в своих границах, в своей исторической реальности, когда мы сравниваем европейскую литературу, например, с литературой персидской, арабской (послед-

няя охватывает ряд стран: Египет, Сирию, Алжир, Марокко, Тунис, Ливан, Иорданию). У литератур, входящих в состав «европейской литературы», есть свои общие исходные начала — экономические, социально-политические, культурно-идеологические (греко-римская культура, христианство). Они и обусловили собой уже на ранних стадиях обособление ее в самостоятельную группу процессов. В другом случае А. Дима ведет полемику сразу на два фронта: с одной стороны, против Б. Кроче, П. Азара, Н. Бальдансперже, которые не рекомендовали включать «тематику», эту «сухую материю», в предмет сравнительного литературоведения, поскольку, по их мнению, нас должны интересовать только «интерпретации», а с другой — против П. ван Тигема, который настаивал на том, что сравнительное изучение «должно быть освобождено от эстетической нагрузки», что его задача — лишь изучение «смысла» явлений. Во всем этом А. Дима справедливо усматривает покушение на сам предмет сравнительного литературоведения, который он хотел бы сохранить во всей гармонической полноте.

В книге предлагается своя классификация компонентов содержания сравнительного литературоведения. Тут многое делается автором на свой страх и риск, и в чьих-то глазах он, пожалуй, может заслужить упрек в субъективности и произвольности принципов деления. Тем не менее его надо поддержать в этой крайне нужной работе. Далеко не всякий исследователь берется разом оглядеть все поле исследований, то есть многочисленные точки пересечений национальных литератур — эти как бы от века существующие «безличные ситуации», миллиарды раз повторяющиеся в историко-литературной практике, в которых, однако, каждый раз проглядывают свои конкретные «действующие лица». Действительно, по литературам разных времен и народов проходят образы пророков и подвижников, образы-символы определенных профессий и страстей — Прометеев, Фаустов, Гефестов и Дон-Жуанов. И эти широкие выходы в область «бродячих сюжетов» и образов дают повод автору книги продемонстрировать незаурядную эрудицию.

К области содержания сравнительного литературоведения А. Дима относит и движение литературных жанров и видов, художественных структур. Здесь тоже есть свои точки пересечения во всемирном взаимодействии литератур. А между тем Ф. Брюнетьер и Б. Кроче вовсе отрицали какое-либо содержательное значение жанров: это якобы не более чем «ярлыки», помогающие отличать одно произведение от другого. То, что А. Дима видит в жанрах их содержательную сущность — большое достоинство его концепции; он закрывает путь формалистическому выхолащиванию этих понятий. Автор выступает также и против искусственных интерпретаций сюжета, допускаемых П. ван Тигемом, усматривая в этом обмеление жанрового содержания.

Знакомя читателей с историей науки и определенным образом фиксируя современный этап сравнительного литературоведения, книга А. Димы сама оказывается в потоке продолжающихся живых исканий, позволяющих ощутить некоторую неполноту его аргументации, досадные элементы релятивизма автора в подходе к важным методологическим проблемам. Книга А. Димы могла бы быть менее описательной и более целеустремленной, если бы она острее и принципиальнее схватывала складывающиеся в компаративистике ситуации. А в этой области не только наблюдаются вариации сходных суждений по тем или иным вопросам, но идет и идеологическая борьба. Автор констатирует определенные сдвиги в понимании тех или иных проблем, однако в его рассуждениях происходит иногда размывание методологических противоречий в мнениях ученых.

Повышенный интерес к методологическим проблемам в области сравнительного литературоведения, осознание того, что изучение межнациональных литературных общений без «философии вопроса» уже невозможно, формировались в последние годы по разным линиям.

То, что буржуазная компаративистика, с ее узким фактографизмом и искусственными схемами односторонних «влияний», зашла в тупик, стали уже признавать и некоторые литературоведы западного мира, как, например, Р. Уэллек (Иельский университет,

США). Именно Р. Уэллек на конгрессе Международной ассоциации по сравнительному литературоведению, проходившем в Университете Северной Каролины в 1958 году, подверг резкой критике «традиционную» компаративистику, показав, что она до сих пор бессильна сколько-нибудь удовлетворительно определить свой предмет и методологические задачи, что она отстала от духа времени. Кстати, как раз в это время произошла «перемена погоды» в западной компаративистике. Традиционному французскому влиянию пришлось потесниться. Именно с этого момента США заняли прочные позиции в международной ассоциации, и английский язык стал наряду с французским равноправным рабочим языком конгрессов, а американские ученые приняли на себя миссию формулировать общетеоретические доктрины буржуазной компаративистики. Рядом с неоднократно упоминаемым А. Димой французским журналом «*Revue de littérature comparée*», основанным еще в 1921 году, после войны появились два американских журнала «*University of North Carolina Studies in Comparative Literature*» и «*Yearbook of Comparative and General Literature*». Об этих журналах А. Дима почему-то вовсе не упоминает, хотя их влияние в западной компаративистике значительно и продолжает расти.

Важным фактором международной научной жизни, значение которого остается в книге А. Димы не до конца раскрытым, явилось вхождение в Международную ассоциацию с 1967 года ученых СССР, когда советская делегация впервые приняла участие в ее работе на Белградском конгрессе. Советские ученые были избраны в руководящие органы ассоциации, в ее редакционные коллективы, а русский язык стал рабочим языком на последующих конгрессах — в Бордо (1970), Монреале (1973) и Будапеште (1976).

В своей книге А. Дима недостаточно подчеркнул приоритет и выдающийся вклад советских ученых в поиски наиболее плодотворной руководящей теории для сравнительного литературоведения на современном этапе. Предлагаемое А. Димой разграничение прямых связей и типологических схождений уже давно вынашивалось в работах В. М. Жирмунского,

Н. И. Конрада. Особенно четко такой подход был сформулирован В. М. Жирмунским в докладе «Проблемы сравнительно-исторического изучения литератур» на упомянутой конференции в 1960 году, состоявшейся в Москве, а также в его докладе «Литературные течения как явление международное», прочитанном на Белградском конгрессе Международной ассоциации в 1967 году.

А. Дима прав в своем утверждении, что при изучении европейских литератур нужно найти объединяющий, синтетический подход. Белградский конгресс как раз и примет решение: создать коллективными усилиями курс истории европейской литературы. (Координировать эту работу поручено соответствующему институту Венгерской Академии наук.) А. Дима указывает, что территориальные и временные принципы, как таковые, не могут быть положены в основу построения названного курса. Литература — явление социальное. Европейская литература не простая сумма национальных литератур. А. Дима с удовлетворением отмечает, что наконец был найден выход: изложение материалов по литературным направлениям. Подчеркнем, что выход был найден именно на Белградском конгрессе в результате коллективных усилий. В этой связи следовало бы упомянуть, что самый глубокий концептуальный доклад на эту тему был сделан советским ученым В. М. Жирмунским. (Доклад был сделан в первый день работы конгресса на утреннем пленарном заседании.) Все основные его положения оказались приемлемыми для большинства участников.

А. Дима многократно говорит о необходимости создания курса всемирной литературы, подчеркивая, что это — ближайшее будущее науки, и отмечая на данном пути трудности, ожидающие исследователей. В этой связи мы напомним, что уже много лет Институт мировой литературы им. А. М. Горького Академии наук СССР ведет работу по созданию десяти томной «Истории всемирной литературы», проспект которой был доложен также на Белградском конгрессе. Ныне эта работа в самом разгаре, подготовлены и обсуждены макеты ряда томов.

В развитие сравнительного литературоведения все больший вклад вносят ученые стран социалистического содружества. При этом широкое признание получают концепции, в главных своих чертах предложенные советскими учеными. Применение и развитие их мы видим в работах словацкого исследователя Д. Дюришина, автора книги по теории литературной компаративистики, болгарского исследователя В. Велчева, выпустившего свой итоговый труд по болгарско-русским литературным взаимоотношениям периода XIX — XX веков¹. Чрезвычайно интенсивно протекает теоретическая и практическая разработка сравнительного изучения литератур в ГДР (работы Г. Цигенгейста, Х. Грасхофа, Э. Рейснера, М. Вегнера и др.). Опыт коллективных усилий ученых стран социалистического содружества нашел свое воплощение в сборнике, вышедшем на немецком языке, «Актуальные проблемы сравнительного литературоведения»². В нем представлены не только методологические работы В. М. Жирмунского, М. Б. Храпченко, И. Г. Неупокоевой, но и посвященные другим актуальным проблемам статьи Ю. Доланского (Прага), М. Вайды, Л. Иллеша (Будапешт), А. Флакера (Загреб), Г. Марковича (Краков) и других ученых. Многие румынские ученые старших поколений сформировались под преобладающим влиянием французской школы сравнительного литературоведения. Исторически это вполне понятно: тут сказались и приоритет французской компаративистики и родственность языков. Заметное влияние французской школы чувствуется и в работе А. Димы — в отборе имен, в ссылках на авторитеты, в приемах научной аргументации. Тем менее оправданными представляются пробелы, допущенные автором при освещении достижений французской компаративистики. А между тем французскими компаративистами уже давно признано значение русской литературы, и она по праву считается достойным объектом сравнительного изучения. Так, в «большую»

¹ См. Ďionýz Ďurišin. Z dejín a teórie literárnej komparatistiky. Bratislava, 1970; В. Велчев. Българо-руски литературни взаимоотношения прав XIX — XX в., София, 1974.

² См. «Aktuelle Probleme der vergleichenden Literaturforschung». Bratislava, 1968.

компаративистику входит совсем не упоминаемый А. Димой капитальный труд М. Вогюе «Русский роман» (1886), осветивший фигуры Достоевского и Толстого и вообще значение русского романа в литературе XIX столетия. Работа Э. Омана «Французская культура в России» (1910), отразившая все особенности методологии своего времени, также не упомянута автором. Заслуживали внимания и вышедшие недавно сравнительные работы Ш. Корбе и М. Кадо о франко-русских литературных и общекультурных отношениях¹, более того, у Димы были особые поводы обратиться к этим работам, они характеризуют собой сегодняшний уровень французской компаративистики, разделяя как ее достоинства, так и коренные методологические недостатки,

Есть смысл поспорить с А. Димой по поводу ряда его заявлений и интерпретаций научных проблем.

Очень нечетко в разных местах книги говорит он о языковом, чисто лингвистическом подходе к понятию «литература». В ходе авторского изложения языковой принцип то выглядит нейтральным и «разноязыкие» литературы оказываются в составе одной литературы (скажем, румынской), то вдруг приобретает все же существенное значение и, следовательно, важно охватить изучением литературы не только Старого Света, но и Австралии, Северной и Южной Америки, где также можно обнаружить «владения» европейских литератур. Затем снова проводится мысль, что языковой признак не может быть решающим: хотя в Австралии литература на английском языке, она тем не менее австралийская, в Канаде есть литература на французском и английском языках, но она — канадская. Как справедливо замечает А. Дима, их «невозможно смешивать с европейскими, поскольку они развивались в другой среде и положили начало иным традициям».

Показательно, что первоначальные предложения относительно истории создания европейской литературы Фрибургского конгресса Международной ассо-

¹ См. Charles Corbet. A l'ère des nationalismes l'opinion Française face à l'inconnue Russe (1799 — 1894), P., 1967. Michel Cadot, La Russie dans la vie intellectuelle française 1839 — 1856., P., 1967.

циации (1964) подверглись существенной коррекции в Белграде. Мне помнится, как участнику конгресса, оживленная дискуссия по этому вопросу.

Часть делегаций соглашалась с включением в понятие «европейская литература» литератур других континентов, исходя из языкового признака, а другая часть делегаций почувствовала в таком подходе ущемление их национального престижа; были и колеблющиеся.

Советская делегация настаивала на том, что австралийскую и канадскую литературы неоправданно включать в «европейскую» литературу. Как известно, победила именно эта точка зрения.

Есть в книге интересное место о критериях универсальности, на основании которых те или иные явления национальных литератур могут рассматриваться как законное достояние всемирной литературы. Таковы «схожие структуры» произведений, масштаб «личности» писателя и, наконец, «высокое художественное качество» произведения (думается, этот последний, третий критерий, по существу двойник второго: ведь только в связи с «качеством» творений мы и говорим о «личности» художника). В конце концов, хочет того или не хочет А. Дима, всемирная литература оказывается у него просто суммой оцененных шедевров, хотя есть заявления, что она не их механическая сумма. Всемирная литература у него лишена идеологической мерки, из его концепции выпала категория «художественный метод». Между тем история знает ситуации, когда во всемирной, всеобщей литературе решающая роль может какое-то время принадлежать той или иной отдельной лидирующей национальной литературе, которая формирует ее лицо. Такова была роль во всеобщей литературе французской литературы XVII — XVIII веков. В наше время роль социалистического реализма во всемирной литературе расценивается вовсе не на правах одной из ее составных частей, хотя бы и по «качеству», а как тенденция всего процесса, как будущее искусства. Из сказанного следует, что понятие всеобщей литературы еще нуждается в дальнейшей теоретической доработке. Тут важен диалектический подход, более углубленное понимание «качества» литературы.

У А. Димы есть несколько заявлений такого рода: причины «схождений» далеко отстоящих друг от друга во времени и пространстве литератур лежат вне истории; в качестве предпосылки таких явлений якобы существует «внеисторическая психология». Не слишком ли наш автор полагается на психологию, переставая быть историком и социологом? Ведь и сама психология в своем реальном человеческом содержании — плод истории, и только из истории она может быть объяснена. Самые устойчивые в житейской практике ситуации у самых различных народов и в разные времена всегда исторически конкретны, они имеют свой социальный генезис и функции, и как таковые питают литературу, входят в круг интересов научного исследования. Трудность — в постижении системы опосредований, утраченных историей звеньев.

Думается, А. Дима слишком произвольно трактует слова К. Маркса о непреходящей ценности греческого искусства. К. Маркс вовсе не возводит эту ценность к некой общечеловеческой психологии. Он говорит о греческом искусстве как «норме» и «недостижимом образце», но при этом задает важную задачу науке: как связать это высокое развитие искусства с незрелой стадией греческого производства и общественных отношений. Здесь, видимо, действует закон непрямого соответствия уровней или даже их несоответствия. К. Маркс предупреждает, что тут есть своя сложная диалектика и, следовательно, нельзя вульгарно-материалистически толковать связь между базисом и надстройкой. И когда К. Маркс говорит о «нормальности» греков как детей человечества, то опять же это объясняется особенностями их общественного уклада, в отличие, например, от египтян. Кажущаяся необъяснимость типологических параллелей на далеких пространствах все же имеет свое историческое объяснение. Исторически надо объяснять и «повторение» и «неповторимость».

Мы не видим убедительной внутренней логики в следующем итоговом заявлении А. Димы: «Итак, у нас нет основания говорить о единстве процесса развития нашей науки даже в общих чертах. Именно это разнообразие позиций и точек зрения свидетель-

ствуется о сложности дисциплины, о лихорадочности характеризующих ее поисков, о «болезни роста»... Казалось бы, это заявление направлено против теории «единого потока». На самом же деле оно переоценивает частные расхождения ученых, игнорируя подлинную борьбу и подлинное, выстраданное в этой борьбе совпадение точек зрения по коренным вопросам. Ведь не существует же разнообразие мнений ради самого разнообразия. Есть и поступательный процесс овладения предметом, хотя он отнюдь не плавный. А. Дима сам блестящим образом показывает, что, несмотря на разнообразие точек зрения по конкретным вопросам, сравнительное литературоведение утвердилось как научная дисциплина; найдено соотношение его с сопредельными разделами науки о литературе; осознаны типы связей; осмыслена роль литературных течений, соотношение национального и общечеловеческого; намечены конкретные задачи на ближайшее время.

Книга А. Димы дает поводы к важным размышлениям. Главные проблемы поставлены в ней правильно и интересно. Она сообщает множество полезных сведений из области румынской компаративистики. Советский читатель, несомненно, проявит к ней живейший интерес и прочтет с большой для себя пользой.

Дискуссионный обмен мнениями по проблемам сравнительного литературоведения крайне необходим. Эта научная дисциплина имеет большое будущее. Она отвечает потребностям времени — интенсивному росту межнациональных культурных общений, расширяющемуся сотрудничеству между народами. Большую роль должны сыграть научные контакты, обмен научной информацией между социалистическими странами, в частности между советскими и румынскими учеными. Книга А. Димы откроет возможность углубить наши давние контакты и взаимное понимание.

В. Кулешов

ПРЕДИСЛОВИЕ

Цели настоящего труда — первого исследования такого рода в румынской специальной литературе — обозначены уже в самом его названии.

Как известно, слово «принцип» этимологически восходит к понятию «начало», то есть введение в суть той или иной науки. Такое посвящение в сложную, порой чрезвычайно запутанную, по-разному трактуемую учеными, проблематику науки всегда представляло задачу первостепенной важности.

Но это еще не все. «Принципы» обычно охватывают сумму основополагающих идей, которые и составляют каркас той или иной науки. Здесь и наиболее значимые ее проблемы, и определение предмета и областей исследования, и системное расположение этих областей, и основная концепция. И наконец, в «принципах» обычно дается обоснование важнейших направлений развития науки, перспектив ее дальнейшей эволюции, идей, которые завтра станут стимулом для новых исследований.

В этом смысле предлагаемые вниманию читателей «Принципы сравнительного литературоведения» тоже призваны стать неким «началом», введением, попыткой внести ясность в сложную проблематику нашей бурно развивающейся науки, различные аспекты которой — от самых простых до самых сложных — вызывают по-прежнему горячие дискуссии. Кроме того, в предлагаемом труде дано определение предмета и разделов сравнительного литературоведения,

предложено новое — по сравнению с прежними — системное построение этих разделов, охватывающее области: междисциплинарные контактные связи, типологические схождения и специфические особенности каждой литературы в сравнительно-историческом освещении.

Как известно, в других, более ранних трактовках сфера сравнительного литературоведения ограничивалась изучением непосредственных междисциплинарных связей, в первую очередь влияний и заимствований; мы же примыкаем к тем, кто придает все большее значение литературным типологическим аналогиям, однако считаем необходимым при этом уделять все большее внимание изучению проблемы «национальной специфики» каждой литературы и ее выявлению с помощью историко-сравнительных исследований. Такие познания крайне необходимы в любой области сравнительного литературоведения. Что же касается того нормативного аспекта, тех «указаний на будущее», которые тоже заложены в понятии «принципы», то в настоящем труде не только предложен общий обзор того, что уже сделано, но и указаны возможные пути развития и направления будущих работ. Подробно изложены также задачи румынского сравнительного литературоведения. Оно, имея на своем счету значительные, весьма убедительные достижения, должно, вместе с тем, умножить их число. Словом, в настоящих «принципах» намечены и некоторые отправные моменты для будущих исследований, которые составят завтрашний день сравнительного литературоведения.

Основной части книги, в которой дано систематическое изложение материала, предпосланы две вводные главы, два взаимодополняющих друг друга обзора развития мировой и румынской компаративистики, назначение которых — представить не только ход этих процессов, но и формы решения основных проблем и состояние науки в настоящее время.

В сравнении с другими трудами подобного типа, появившимися преимущественно во Франции — Паула ван Тигема в 1931 г., Мариуса Франсуа Гюйяра в 1965 г. и Клода Пишуа и Андре М. Руссо в 1967 г., — наша работа предлагает читателю обновленную кон-

цепцию, преследуя при этом тройную цель: предложить широкий, научно достоверный исторический обзор того, что уже сделано, внести ясность в проблематику нашей науки, описав одновременно ее современное состояние, и, наконец, всячески содействовать активизации сравнительно-исторических исследований, прежде всего в нашей стране.

Ал. Дима

МЕСТО СРАВНИТЕЛЬНОГО ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ СРЕДИ ДРУГИХ ДИСЦИПЛИН НАУКИ О ЛИТЕРАТУРЕ

Сравнительное литературоведение как историко-литературная дисциплина входит в состав более широкой науки — науки о литературе, трактуемой в самом общем смысле этого термина. Здесь оно соприкасается с историей литературы, критикой и теорией литературы, а также — прямо или косвенно, как мы попытаемся показать в дальнейшем, — со всемирной литературой. Следовательно, прежде чем приступить к изложению сути нашего исследования, необходимо предварительно разграничить названные выше дисциплины и таким образом выявить отличительные особенности данной науки. И так как мы заговорили о науке, о литературе, то следует высказать некоторые соображения и относительно самого понятия «наука» применительно к литературе.

Как известно, понятие это широко использовалось еще в прошлом веке представителями различных направлений — от позитивистского до метафизического. У нас, в Румынии, например, Михаил Драгомиреску на основе метафизической концепции разработал литературно-эстетическую систему, названную им «литературной наукой» и содержащую все же отдельные элементы научной методологии.

Подчинение гуманитарных — и в частности, литературных — дисциплин всеобщей тенденции превращения в науку обусловлено распространением еще во второй половине минувшего столетия понятия «наука» не только на область природы, но и на

область «духа». Тогда-то и были заложены основы социологии, психологии, физиологии, фольклористики, истории и т. д., не без помощи некоторых методов естественных наук. В литературной науке использовался опыт не только лингвистики, что было вполне естественно, психологии — у Сент-Бёва и социологии — сперва у госпожи де Сталь, еще до окончательного утверждения этой дисциплины, а позднее у Тэна и Брандеса, но и непосредственно естественных наук, например у Брюнетьера. У нас, в Румынии, этот интерес к естественным наукам проявился под непосредственным влиянием натурализма уже в первых трудах Гарабета Ибразиану даже в его критической терминологии.

Поэтому представляется важным выяснить — пусть в самой приближенной форме, — в какой мере понятие «наука» применимо к изучению литературы.

Еще в древнюю пору под наукой подразумевали процесс приобретения знаний. Много позднее Кант уточнил, что речь при этом идет о точных, неопровержимых знаниях, более того, об организации этих знаний согласно определенным принципам. Затем Спенсер предложил свою знаменитую формулу о трех различных видах познания: грубых, разрозненных, эмпирических знаниях; затем частично унифицированных знаниях, которые, собственно, и соответствуют понятию «наука»; и наконец, полностью унифицированных знаниях, то есть философии.

В свете подобных определений литературоведение можно рассматривать как процесс приобретения достоверных знаний, как некий комплекс знаний, сгруппированных вокруг определенных «ведущих» опор, или, согласно формуле Спенсера, как систему частично унифицированных знаний, в том смысле, что они относятся к узкой области литературы, где преобладает художественный аспект.

Само собой разумеется, что каждая дисциплина литературоведения имеет свое собственное содержание. Так, например, литературная критика изучает отдельные явления литературы, стремясь определить их художественную ценность и оригинальность. История литературы изучает процессы развития мировой и от-

дельных национальных литератур, выявляя их своеобразие, а также анализирует творческий путь тех или иных деятелей литературы и определяет их место в процессах эпохи, следовательно, делает особый упор на эпоху, некоторые ее моменты. Наконец, теория литературы ставит перед собой задачу изучить законы развития литературы, ее методы, течения, жанры, роды и виды, структурные особенности построения произведений, язык и другие изобразительно-выразительные средства. Что же касается сравнительного литературоведения и всеобщей литературы, которые мы в данном случае рассматриваем вместе, то их предметом являются разнообразные литературные явления (отдельные либо группы явлений), соотнесенные с определенными моментами развития и принадлежащие к четко разграниченным лингвистическим либо историческим сферам.

Литературоведение, будучи наукой, отвергает ненаучное толкование явлений на основе чисто импрессионистских впечатлений. Так как нет и не может быть познания в себе, то, например, литературная критика не может ограничиваться результатами изолированного исследования: ведь, в сущности, всякое определение предполагает соотнесение, сравнение с аналогичными явлениями.

Следовательно, какая-то, система наблюдается во всех дисциплинах литературоведения, и именно она и составляет ядро той науки, к которой мы все стремимся.

Наиболее высокой формой систематизации в науке являются законы или, согласно старой дефиниции Монтескье, «необходимые отношения, вытекающие из природы вещей»: в этом смысле у каждого предмета науки свои законы (то есть свои связи и взаимосвязи) явлений. Как известно, некоторые ученые, прежде всего историки литературы, полагали, что литературные дисциплины — это всего лишь последовательное изложение фактов, в лучшем случае серий фактов, и несовместимы с любым понятием закона. Так их понимал и наш Ксенопол, и школа Риккерта и Виндельбанда. Однако многие ученые, даже в пору философского идеализма, точнее постгегельянской эстетики, высказались за существование законов литературной

эстетики. Так, Фр. Т. Фишер, который всегда стремился оставаться вне социальной проблематики, считал, что «законом поэзии можно назвать ее способность быть синтезом всех искусств» (чисто воображаемым синтезом, разумеется). При таком подходе композиция произведения представляет ее архитектурный аспект, зрительные образы — живописный аспект, звуковые — музыкальный, отдельные трехмерные показатели — скульптурный. Некоторые литературные направления и стремились развивать отдельные аспекты этого синтеза: импрессионизм — зрительную, живописную образность, парнасизм — скульптурные возможности, символизм — музыкальность, классицизм — архитектурные возможности и т. д. Разумеется, закон в таком понимании не может быть точным и всеобъемлющим: стоит вспомнить, что воображаемый нами процесс ощутимо меняет структуру искусств, перенесенных в поэзию, ибо формула «ut pictura poesis» основана на весьма относительном уподоблении: музыкальность стихотворения это еще не музыка, а поэтические барельефы — не скульптура. Но нас здесь интересует не столько истинность закона, сколько тенденция к его выявлению, да еще с идеалистической позиции.

Только марксизм ввел в литературоведческий обиход понятие «закон» и сделал это не прямолинейно, не грубо, как происходит, когда законы обосновывают жесткой, натуралистической причинностью. Ведь литературное явление — это не прямой, «неизменно и необусловленно последовательный» результат какого-то прецедента или комплекса прецедентов, которые составляют некую «причину». Таких механических соотношений в литературоведении не может быть, ибо между так называемыми «причинами» и «следствиями» всегда имеется целый ряд непредвиденных факторов. Уэллек и Уоррен в «Теории литературы» отмечали с полным на то основанием, что, сколько бы мы ни изучали «среду», «фон» действия, «детерминанты» литературного произведения, этим мы никогда не исчерпаем до конца всех элементов чрезвычайно сложного литературного явления. Мы помним, что в прошлом столетии литературоведение подходило крайне однобоко и к вопросу о причин-

ности: Сент-Бёв свел ее к биографии писателя, Тэн и Брандес — к социологии, Брюнетьер — к социологии и биологии.

Только марксистское понимание литературного процесса дает возможность широкого охвата всех достойных внимания факторов при выявлении всеохватной причинности. Марксизм ввел литературное явление в систему взаимоотношений между базисом и надстройкой, открыл опосредованный характер связей литературы с общественно-экономическими условиями. При таком подходе «причинность» предполагает подробный, комплексный учет общественно-экономических условий, с которыми столь органически связано литературное явление. К этому следует добавить, что речь идет не о чисто описательном методе, что он включает и соответствующие ценностные суждения и что в конечном итоге социальный детерминизм сочетается здесь с эстетическими оценками и эстетической иерархизацией.

Что же касается *сравнительного литературоведения* как области науки о литературе, то предметом ее последовательных и систематических исследований является частный аспект литературных явлений, а именно не их изучение по отдельности или в неких группах в пределах соответствующего исторического периода, а соотнесение этих явлений — как мы уже указывали выше — с аналогичными в другой национальной сфере. При этом надо заметить, что языковые различия при таком соотнесении хотя и имеют большое значение, но не являются достаточным основанием для такого рода исследований, ибо компаративистский подход применим и к одноязычным литературам. Общеизвестно, что литературы на английском, немецком, французском или испанском языках развивались в разных районах земного шара и в различные исторические периоды: на английском — в Англии и Америке, французском — не только во Франции, но в Бельгии и Канаде, немецком — в Австрии и Швейцарии. Как и любая другая дисциплина науки о литературе, сравнительное литературоведение стремится выявить общие закономерности межлитературных связей, учитывая прежде всего общественно-экономические факторы при научной характеристике явления.

Настала пора обратиться к вопросу о соотношении сравнительного литературоведения и прочих дисциплин науки о литературе.

На первый взгляд может показаться, что взаимоотношения между сравнительным литературоведением и литературной критикой крайне эфемерны. В этой связи нелишне напомнить, что ученые-компаративисты не раз игнорировали или, наоборот, придавали чрезмерное значение исследованию литературных явлений как специфических художественных структур. Паулван Тигем, например, придерживался одно время мнения, что «понятие «сравнительное» надо освободить от любой эстетической нагрузки, оставив ему лишь исторический смысл».

Именно поэтому-то столь необходима помощь литературной критики, которая позволяет выявить — предварительно или в процессе исследования — эстетико-литературное сходство обсуждаемых явлений. Без этого сравнительное литературоведение превращается в сравнительное культуроведение, сравнительную историю, сравнительную философию и т. д. Конечно, и подобные исследования имеют свой смысл, а порой они соприкасаются и с компаративистскими изысканиями (в области древней литературы, например), но при этом границы наук должны быть четко обозначены.

Другая, очень важная для нашей дисциплины задача литературной критики состоит в выявлении возможных форм и аспектов литературных произведений, например композиции, стиля, стихосложения, родов и видов произведений и т. д.

К тому же сама художественная ценность произведения, которую нам помогает понять литературная критика, во многих случаях оказывается причиной взаимовлияний произведений различных культурных ареалов, то есть представляет собой фактор международных связей. Огромное, решающее влияние Бодлера на европейскую поэзию второй половины XIX в., да и нашего столетия, обусловлено, конечно, и нравственными поисками эпохи, но в еще большей мере высокой художественностью его произведений. Более того, можно с полным основанием утверждать, что развитию различных философских

и социальных учений во многих странах мира решительное содействие всегда оказывала литература, и, наоборот, отсутствие такой поддержки затрудняло их распространение.

Что касается точек соприкосновения сравнительного литературоведения с теорией литературы, то их значительно меньше. Теория литературы носит, в сущности, философский характер, так как постоянно стремится повысить уровень своих обобщений, в то же время сравнительное литературоведение добивается конкретного анализа явлений, соотнесенных друг с другом, следовательно, моменты общности двух дисциплин носят чаще всего случайный характер. И все же мы должны заметить, что наша дисциплина, как и любая другая гуманитарная наука, отнюдь не лишена теоретической базы. Ее исследования, несомненно, углубляют анализ литературных явлений, получивших международное распространение, более того, они нацелены на выявление их сущности, что особенно наглядно при изучении неисторических типологических схождений. В этих случаях сравнительное литературоведение затрагивает проблемы всеобщей поэтики, и даже всеобщей эстетики, соприкасаясь тем самым с теорией литературы.

Более тесны и органичны, естественно, связи сравнительного литературоведения с историей литературы.

Задачи истории литературы разнообразны и вообще хорошо известны. Прежде всего она изучает истоки литературных явлений (источники, влияния, связь с действительностью — природой и обществом), их внутренний генезис, то есть этапы создания произведения в тесной связи с эпохой (так изучался, например, Аленом Гильерму внутренний генезис стихотворений Эминеску), фактологический аспект произведения, идеи и чувства, содержащиеся в нем, на фоне идей и чувств эпохи или предшествующих исторических этапов; далее, эволюцию литературного искусства и его современное состояние, преемственность литературных явлений в процессе развития жанров и видов. Наконец, история литературы интересуется судьбой произведений после их выхода в свет, причинами успеха или неудач, постигших их на протяжении времени в литературах разных народов.

Все эти интересы близки и сравнительному литературоведению. Оно тоже исследует внешние факторы, относящиеся к другим литературам или культурам и сыгравшие ту или иную роль при создании произведения (истоки, влияния), а также генезис литературных явлений, этапы их развития вплоть до окончательного оформления, выявляя одновременно стилистическое воздействие возможных национальных образцов. Далее, оно изучает соотношения между различными аспектами структуры произведения и их возможные зарубежные модели, а также истоки идей и чувств, содержащихся в произведении, стремясь найти точки соприкосновения с «передатчиками», принадлежащими к иным лингвистическим и историческим сферам. В не меньшей мере уделяется внимание определению места некоторых литературных явлений в мировой литературе (типологических схождений, например), и, наконец, судьбе произведений на протяжении веков и в различных районах земного шара. Отсюда следует, что сравнительное литературоведение тесно соприкасается с историей литературы и историей методологии, о чем в дальнейшем будет сказано подробнее.

В заключение считаю необходимым коснуться еще одного вопроса; является ли сравнительное литературоведение исключительно историко-литературной дисциплиной или — хотя бы отдельными своими аспектами — выходит за пределы собственно исторических задач?

Говоря об отношениях между сравнительным литературоведением и теорией литературы, мы уже отчасти коснулись и этого вопроса. Так как основные цели науки сводятся к изучению проблем влияний, параллелизмов, выявлению специфики каждой литературы в сравнении с другими литературами, то ясно, что структура сравнительного литературоведения должна быть преимущественно исторической. Взаимовлияния невозможно рассматривать вне связи с эпохой; типологические схождения, например великие литературные течения — Возрождение, барокко, классицизм, реализм и романтизм, — всегда изучаются в контексте эпохи, конкретных условиях общественной и идеологической действительности. И наконец, выявление специфики национальной литературы

путем сопоставления с другими литературами, также предполагает сравнение конкретных условий эпохи с общественно-политическими условиями различных эпох в целях определения постоянно действующих факторов, а также диалектических изменений, происходящих в водовороте времен.

Однако, несмотря на эту очевидную и неоспоримую историческую направленность предмета, определенный аспект исследований — некоторые типологические схождения — остается при этом неохваченным. Столь знаменательные порой схождения между произведениями, весьма далекими как по времени, так и по месту их появления, иногда невозможно объяснить даже самыми отдаленными общественно-политическими аналогиями, и это свидетельствует о существовании явно внеисторической типологии, построенной на общепсихологической основе и носящей, несомненно, систематический характер. Впрочем, как и другие гуманитарные дисциплины, сравнительное литературоведение тоже стремится к философской определенности, оно вносит свой вклад в разработку великих проблем, касающихся сущности литературы и всеобщей эстетики.

Рассмотрим также вопрос о взаимоотношениях двух родственных дисциплин — всемирной литературы и сравнительного литературоведения, которые соприкасаются самым теснейшим образом, но границы между ними не стираются даже относительно.

Обратимся прежде всего к понятию «всемирная литература», вызвавшему в свое время горячие споры. В полной мере дисциплина эта утвердилась лишь в прошлом столетии. Уже в начале этого столетия прозвучало знаменитое, часто цитируемое выражение Гёте «Weltliteratur» («мировая литература»), означавшее, что теперь на первый план выдвинулась всемирная литература, в то время как национальные литературы утрачивают свое значение.

Конечно, в первой своей части утверждение Гёте было совершенно справедливым: в XIX веке происходил усиленный обмен материальными и духовными ценностями; в этот процесс оказались втянутыми и страны Восточной Европы, включая Дунайские княжества. Но абсолютно не соответствовала действи-

тельности вторая часть гётевского утверждения об утрате значения национальными литературами. А ведь это была пора бурного развития национальной идеологии, четкой дифференциации европейских литератур в ходе формирования и развития буржуазных наций. В действительности, тогда происходил процесс одновременного развития всемирного, но и национального литературного сознания, сближения, но и четкого разграничения литератур.

Конечно, нельзя утверждать, что процесс универсализации литератур совпадает с процессом зарождения универсального сознания. Первый можно проследить во времени начиная с античности. На Дальнем и Ближнем Востоке и в Европе уже тогда существовали огромные области, внутри которых шел весьма оживленный обмен культурными ценностями. По всей Азии, вплоть до ее дальневосточных окраин, были широко распространены произведения не только фольклорного характера, но и литературные. Такое же широкое передвижение культурных ценностей происходило и в странах Ближнего Востока — от Египта до Палестины. Что же касается всей Южной Европы, то здесь полновластно господствовала древнегреческая литература, а после нее, следуя греческим образцам, но сохраняя при этом свое неповторимое своеобразие, появится латинская литература. Средневековье — с его прочной католической базой на западе и православной на востоке, с широко распространенным латинским языком на западе и славянским и греческим на востоке — несомненная пора универсализации литератур. Великие литературные и общекультурные направления, следовавшие после Возрождения, — барокко, классицизм, просветительство, романтизм и реализм, затем новые школы и течения второй половины минувшего столетия и нашего века — от парнасизма и символизма до сюрреализма и экспрессионизма, — все были универсальными по своему характеру.

Однако эта универсальность, как показало развитие культуры, была неодинаковой в различные эпохи — античную, средние века и в наше время, и только отдельные черты повторялись из эпохи в эпоху. На

страницах данной работы сделаем попытку обобщить эти черты.

Возникновение «всемирной литературы» ознаменовало качественно новую ступень по сравнению с национальными литературами. Мы уже говорили, правда в другой связи¹, что не следует противопоставлять всеобщее национальному. В таком случае мы бы не смогли охватить все явления литературного процесса, например литературу античности, не имеющую национального аспекта. Мы полагаем уместным заменить упомянутое выше противопоставление более общим, а именно всеобщего частному, применимым к любой эпохе.

Далее. Всемирная литература не является, и это, впрочем, неоднократно подчеркивалось, простой суммой местных или национальных литератур. Между тем, такая точка зрения весьма живуча, ее нетрудно обнаружить во многих трудах, начиная с курса В. Шлегеля (1801 — 1804) и кончая работами по истории литератур О. Вальцеля или К. Вайса (1939), причем сюда можно отнести все немецкие исследования этого плана с 1894 г. (Юлиус Харт) до 1914 г. (П. Виглер) и даже историю литературы Джакомо Прамполини (*Storia universale della letteratura*) и «Энциклопедию „Плеяды”», изданную под руководством Раймона Кено (1955). С таким пониманием всемирной литературы встречаемся мы и в наши дни, прежде всего в различных работах по истории европейских литератур. При этом дают о себе знать следы старой европоцентристской концепции, хотя ни для кого не секрет, что наша эпоха носит всемирно-исторический характер. На Белградском международном конгрессе по сравнительному литературоведению (1967) было предложено разработать новую историю европейских литератур на этот раз более широко, то есть историю литератур на европейских языках, что, разумеется, предполагает охват литератур Северной и Южной Америки, а также частично Африки и Азии.

¹ А. Dima, *Conceptul de literatură universală și comparată*, București, Editura Academiei R. S. Romania, 1967, p. 13

Всемирная литература объединяет не только литературы так называемых «великих» (то есть наиболее многочисленных) народов, обладающих прочными и давними культурными традициями, но и — в соответствии с новейшей, самой верной концепцией — литературы «малых» наций, чей вклад в мировую сокровищницу литературы был также значителен благодаря творениям Ленау, Андерсена, Петефи, Эминеску и многих других. В этой связи нельзя не заметить, что европейская компаративистика проявляет растущий интерес к литературному вкладу «малых» народов. На Утрехтском международном конгрессе по компаративистике (1961) «литература малых народов на языках неширокого распространения» была одной из тем, включенных в официальную программу.

Мы уже подчеркивали, что всеобщая литература — качественно новая ступень по сравнению с национальными, местными литературами. Что это означает? Во всяком случае, не то, что можно игнорировать особенности местных литератур, ибо, в сущности, на них-то и строится всеобщность. Речь идет о других формах преодоления частного, а именно о переходе литературного явления из пределов одной лингвистической и стилевой сферы в другие, о его распространении, обусловленном оригинальными особенностями. Но здесь следует сделать одно уточнение. Рабле, де Костер или наш Крянгэ обрели мировую известность благодаря мастерскому использованию специфических ценностей национального искусства, однако злоупотребление спецификой может привести к обратным результатам. Это относится прежде всего к литературам на диалекте, слишком изолированным и специфичным в языковом и этнографическом планах, чтобы войти в мировой кругооборот литератур. Следовательно, нужно какое-то геометрически четкое определение соотношения частного и всеобщего для того, чтобы ценности, свойственные той или иной нации, получили международное признание.

Всемирная литература отличается также высокой идейной направленностью произведений, насыщенных духом действенной социальной критики. Вот почему, чем «нейтральнее» художник, тем ниже уровень его известности, тем менее читаемы его творения.

Само собой разумеется, что достоинства всемирной литературы обусловлены художественной ценностью структур, ее составляющих. Занимательный сюжет, выразительный язык и стиль, выпуклые характеры, четкая композиция, блистательная новизна образов, оригинальность стихосложения значительно содействуют выходу произведения за пределы страны, в которой оно появилось.

Что же касается критериев, благодаря которым то или иное творение получает право на универсальность, то их можно, на наш взгляд, свести к трем группам. Универсальными являются или становятся схожие по структуре произведения, течения, а также творческие личности, которые появляются одновременно у нескольких народов в одну и ту же эпоху или в близкие по времени периоды в сходных общественно-экономических условиях. Мировое хождение получают затем явления, оказывающие значительное воздействие на другие литературы либо благодаря личности самого художника, либо идеям и чувствам, заложенным в произведениях, либо художественной ценности самого произведения. Универсальными, наконец, становятся явления, которые получают распространение за пределами своей лингвистической зоны не только в силу самих процессов распространения, но и благодаря своему высокому идейно-художественному уровню.

Конечно, в конкретно-исторической обстановке эти критерии чаще всего переплетаются между собой: так, всемирные литературные направления порождаются в равной мере и сходными общественно-историческими условиями, и взаимными влияниями, и широким распространением произведений. Однако история литературы знает случаи, когда упомянутые выше предпосылки для универсализации можно выделить в «чистом виде». Примеры такого рода явлений мы приведем в ходе дальнейшего изложения.

Понятие «всемирная литература» часто ставится в один ряд с понятием «сравнительное литературоведение». Рассмотрим вопрос о сходствах и различиях между ними.

Среди важнейших проблем всемирной литературы, которые изучаются одновременно и сравнитель-

ным литературоведением, особое место принадлежит влияниям и типологическим схождениям. Оговорим, однако, сразу, что подход к ним двух дисциплин совершенно различен. В рамках всемирной литературы влияния и типологические схождения рассматриваются лишь в качестве критерия универсальности. Мы говорим, что то или иное литературное явление универсально (например, Возрождение, барокко), если оно возникает в различных странах либо одновременно, либо с небольшими промежутками времени, или в том случае, когда оно оказывает воздействие на другие литературы (петраркизм, руссоизм и др.). Следовательно, в данном случае речь идет всего лишь о простом средстве определения универсальности.

Иная роль типологической общности и влияния в сравнительном литературоведении. Здесь они изучаются как процессы развития и устанавливаются закономерности, выявляются их соответствующие оперативные функции.

Что же касается распространения литературных явлений, то оно интересует компаративистику в меньшей мере: к нему обращаются как к второстепенному количественному показателю, который подтверждает наличие параллелизмов или влияний статистическими данными.

Но различия двух дисциплин этим не исчерпываются. Так, во всемирной литературе национальное своеобразие литератур рассматривается как один из возможных аспектов универсальности. В сравнительном литературоведении методами сопоставления выявляются специфические особенности национальных литератур, а также их художественная ценность на фоне достижений мировой литературы. В отличие от всемирной литературы, которая обращается преимущественно к общим аспектам различных литератур, в поле зрения нашей дисциплины всегда остаются и частные стороны всемирно известных явлений. Сравнительное литературоведение интересует не только Возрождение, барокко или европейский романтизм в целом, но и своеобразие этих течений в различных странах, а также в какой мере отразились в них конкретные условия жизни народов или наций в тот или иной период исторического развития.

Далее. В круг интересов компаративистики входят проблемы, которыми всемирная литература не занимается, хотя и располагает необходимыми данными. Назовем в качестве примера проблему родственности тем, в частности вопрос о социогонических мотивах в мировой литературе и философии, столь всеобъемлюще разработанный Тудором Виану от Гесиода, Эсхила, Протагора, Плотина и Демокрита до Лукреция, Вергилия и Овидия, затем от Данте, Вольтера и Руссо до Гюго и дальше в пределах румынской литературы — от Элиаде и Эминеску до Тудора Аргези. В таких случаях всемирная литература является лишь сценой, на которой разворачивается социогонический процесс, между тем как сравнительное литературоведение дает характеристику основных действующих лиц, четко определяет их роль, изучает формы решения общей темы в свете соответствующих исторических эпох — словом, постоянно оперирует сопоставлениями, изучая взаимоотношения явлений в рамках определенной эпохи.

Развитие мировой компаративистики

Как известно, развитие собственно сравнительного литературоведения начинается во второй половине XIX в., точнее, к концу столетия, и продолжается в условиях непрерывного разветвления науки и уточнения ее целей и по сей день. Общий обзор проделанного ею пути представляется необходимым не только с точки зрения истории предмета, но и потому, что он позволяет проследить эволюцию основных направлений развития науки с первых дней их возникновения и до настоящего времени.

В этой связи небезынтересно ознакомиться — хотя бы кратко — с трудами исследователей — предтеч нашей дисциплины (о которых мы часто забываем), начиная с периода Возрождения и вплоть до создания науки как таковой. Большой интерес к античности в эпоху Возрождения способствовал появлению целого ряда исследований сравнительного характера. Вышло немало трудов, в которых сопоставлялось творчество греческих и латинских писателей, при этом подчеркивалось превосходство первых, ставших образцами для вторых, но не отвергалась и оригинальность последних. Особенно обращалось внимание на бережное сохранение Вергилием правил эпического искусства Гомера. Во многих трудах сравнивались творения Данте и Петрарки с произведениями писателей античности.

В эпоху классицизма при всей верности традициям античности проявляется все большая чуткость к собственной оригинальности в сравнении с различ-

ными литературными образцами, среди которых многие относились к средневековым или к непосредственно предшествовавшим ему периодам. О таком подходе свидетельствуют замечания, высказанные в адрес Пьера Корнеля относительно близости его «Сиды» (1636) к испанским источникам. Как известно, тема «Сиды», прозвучавшая впервые в XII в. и возобновленная в испанских Романсеро и «Поэме Родриго» (XIV в.), привлекла к себе пристальный интерес испанского театра начала XVII в. (Хуана де ла Куэвы и особенно Лопе де Веги). Более завершённую форму образ Сиды получил в двух пьесах Гильена де Кастро — к нему и обратился Корнель. Критики Корнеля, хотели они этого или нет, вынуждены были провести сравнительное исследование испанской и французской драматургии. Напомним, что в следующем столетии другое творение Корнеля, классическая мелодрама «Гераклид» (1646), также вызвало ряд нареканий, причем ставилась под сомнение именно его оригинальность.

XVIII в. с его космополитическими тенденциями значительно содействовал усилению интереса к инациональным литературам и к разработке обобщающих трудов по истории европейской литературы. Среда писателей, пристально следивших за достижениями зарубежной культуры, следует прежде всего назвать Вольтера, который в «Философских письмах» (или «Английских письмах», 1733), описывая свою ссылку в Англию, знакомит французов с английской литературой, точнее говоря, противопоставляет французской элегантности и чувству меры «отдающие варварством» повадки жителей Британских островов, всячески подчеркивает превосходство французской трагедии над творениями Шекспира, этого «автора чудовищных фарсов», насыщенных «гигантскими и странными идеями», и т. д. Обращаясь к давней мечте Петрарки и Эразма Роттердамского о «литературной республике», писатель Лодовико Антонио Муратори, автор обширной корреспонденции и ряда теоретических исследований в области поэзии, разрабатывает труд «О совершенной итальянской поэзии» (1706), в котором рассматривает и весь ансамбль западной поэзии. Один из первых историков итальянской литературы,

Франческо Саверио Квадрио публикует исследование «История и разум поэзии» (1752), в котором затрагивает и некоторые аспекты влияния провансальской поэзии на итальянскую. И наконец, можно назвать и Денина, автора обобщающего исследования по истории европейской литературы (1761).

Рационализм эпохи Просвещения, чуждый духу историзма, не мог благоприятствовать развитию сравнительно-исторических исследований, с их дифференцированным подходом к литературным явлениям. Лишь к концу XVIII в., в результате усилий литературоведа Лагарпа и историка Мармонтеля, постепенно утверждается новый климат, подходящий для компаративистских изысканий. В это время появляются труды Гердера, сделавшего очень много для обоснования исторической концепции культуры, а следовательно, и для перспективы сравнительных исследований.

Интенсивное политическое, общественное и культурное развитие в первой половине XIX в., вызванное распространением идей революции 1789 г. и влиянием наполеоновских войн, создало благоприятную атмосферу для оживленного обмена материальными и духовными ценностями эпохи. Как мы уже упоминали, Гёте открывает новую страницу в истории культуры, подчеркивая значение появления «Weltliteratur». В «Манифесте Коммунистической партии» Марксом и Энгельсом дается глубокое социологическое обоснование развития литератур в начале XIX в. «Национальная односторонность и ограниченность становятся все более и более невозможными, а из множества национальных и местных литератур образуется одна всемирная литература» (Соч., т. 4, стр. 428).

Интерес к зарубежным литературам, таким образом, все более усиливается, в нем четко обозначаются два направления: с одной стороны, в духе просветительских концепций минувшего столетия подчеркивается общность национальных литератур, с другой — все большее внимание уделяется различиям между ними, чему содействует романтизм, обретший полную силу в начале XIX в.

В это время братья Шлегели выступают за создание истории всемирной литературы, охваты-

вающей в равной мере и античность и современную эпоху. Широкую панораму всемирной литературы обрисовал, например, Фридрих Шлегель в своих знаменитых лекциях, прочитанных в Венском университете (1812)¹, а его брат Август Вильгельм обращает взор немецкого читателя к Шекспиру, к итальянской, испанской и португальской поэзии (1804)² и вместе с Фридрихом закладывает теоретические основы романтической школы. В это же время Фридрих Боутервек³, не являющийся сторонником романтической школы, создает за ее пределами широкую панораму итальянской, испанской, французской и португальской поэзии и ораторского искусства, начиная с XIII в. и кончая XIX в. Здесь же уместно назвать и госпожу де Сталь, которая познакомила Францию и весь западный мир с почти незнакомой культурой Германии эпохи «Бури и натиска», классицизма и романтизма, сопоставила литературу Севера, романтическую по своему характеру, с литературой Юга, почитаемого средоточием классицизма, при этом выявив специфические, по ее мнению, черты немецкой литературы: индивидуализм, дух самостоятельности, метафизичность, и представив читателям видных деятелей эпохи — от Виланда и Винкельмана до Лессинга, Гёте и Шиллера. Она всячески славит романтический идеал и противопоставляет — в свете своих либеральных взглядов — Германии Францию эпохи Наполеона.

Все эти пронизанные духом универсальности работы, стремившиеся осмыслить уже в начале XIX в. литературные и культурные явления в историко-сопоставительном плане, основательно подготовили ту благоприятную почву, на которой позднее возрастет компаративистская наука.

К этому времени возникают также благоприятные условия для становления компаративистики как исторической науки. Мы имеем в виду прежде всего развитие самой исторической науки, основы которой

¹ Fr. Schlegel, *Geschichte der alten und neuen Literatur*, Viena, 1812.

² A. W. Schlegel, *Blumensträusse italienischer, spanischer und portugiesischer Poesie*, Viena, 1804.

³ Fr. Bouterwek, *Geschichte der Poesie und Beredsamkeit seit dem Ende des XIII-e Jahrhunderts*, 1801 — 1819.

закладываются Франсуа Гизо и Огюстэном Тьерри, опубликовавшими в третьем и четвертом десятилетиях прошлого века большие работы по истории Франции и Европы, где на первый план выдвигаются общественно-политические аспекты истории, даже их антагонистические формы. Одновременно с развитием социальной истории в первых десятилетиях XIX в. происходит становление науки о литературе в форме истории литературы и литературной критики. Знаменитый профессор риторики Сорбонны Абель Франсуа Вильмен (1822) выступает со своими прославленными лекциями по истории французской литературы (1828 — 1829), а позднее (1846) с рядом трудов по античной и зарубежной литературе, в которых значительно расширяет пределы знаний о французской литературе и все решительнее применяет методы сопоставления, особенно при рассмотрении литератур латинских народов Средиземноморья¹. Он посвящает страницы своих исследований, ставших классическими, итальянской поэзии, особенно творениям Данте, а также испанской эпической литературе. При этом он обязательно обращается к эпохе создания произведения, в связи с чем мы вправе считать его основателем исторической литературной критики. Его современник Жан-Жак Ампер, а затем Филарет Шаль и Эдгар Кине также проводят исследования сравнительно-исторического характера. Здесь же уместно назвать и Сент-Бёва, никогда не забывавшего упомянуть о тех влияниях, которым подвергались творения изучаемых им писателей, хотя, как известно, основное внимание им уделялось самобытному, оригинальному характеру творчества писателей. Сам термин «сравнительное литературоведение», не очень удачный, с чем мы будем говорить позднее, впервые прозвучал в трудах именно этих исследователей. Так, например, Филарет Шаль опубликовал плоды своих изысканий в двадцати томах под общим заглавием «Исследования по сравнительному литературоведению» (1847 — 1864). Следовательно, есть все основания считать названных выше исследователей первыми компарати-

¹ A. Fr. Villernain, Cours de littérature française, Paris, 1830. Etudes de littérature ancienne et étrangère, Paris, 1848.

вистами, хотя нельзя еще говорить о наличии четкой методологии, ибо она появится лишь в конце столетия. Они остаются предтечами-энтузиастами, которые, хотя и представляют себе в общем виде будущую науку, пока что занимаются в основном простым сложением разрозненных знаний в области различных литератур.

В Швейцарии уже в первых десятилетиях XIX в. сторонники сравнительных исследований получают твердую поддержку. Вслед за Сисмонди¹ — автор работы о литературах Южной Европы (1813) — Йозеф Горнунг (специалист по сравнительному правоведению) получает предложение прочитать в Лозанне курс сравнительного литературоведения (1850). В Женевском университете на протяжении второй половины столетия сотрудничали такие известные компаративисты, как Ришар, Монье и Род.

Свой вклад в развитие науки в начале века вносят и итальянские исследователи. Среди них в первую очередь следует назвать Никколо Уго Фосколо, ставшего ненадолго профессором красноречия Павианского университета, где он и прочел вступительную лекцию на тему «О происхождении и функциях литературы» (1809), в которой затронул и ряд проблем сравнительного литературоведения. Позднее, в 1829г., он обратится к проблематике будущей европейской литературы.

Новые импульсы получает сравнительное литературоведение и от других наук, которые к этому времени все настойчивее обращаются к сопоставительному анализу. Это касается даже естественных наук: Жорж Кювье читает публичные лекции по сравнительной анатомии (1800 — 1805) и применяет сравнительный метод при изучении позвоночных. Заметное развитие получают (к 1833 г.) и сравнительная физиология, так же как и сравнительная эмбриология. Из гуманитарных дисциплин сравнительная мифология, а затем сравнительная лингвистика (труды Форьея, братьев Гримм, Дица и Боппа) и, наконец, фольклористика, где проводились первые компаративистские изыскания, касающиеся миграции

¹ Sismondi, De la littérature du Midi de L'Europe, 1813.

фольклорных тем, сюжетов, мотивов. Все эти исследования развиваются одновременно со сравнительным литературоведением, содействуют его становлению и в свою очередь используют его достижения.

Помимо этих импульсов, шедших со стороны различных наук, решающее воздействие на становление сравнительного литературоведения оказывала сама историческая действительность, то есть развитие международных литературных связей на протяжении минувших столетий и вплоть до XIX в. В эволюции этих связей обозначились три больших периода, внутри которых литературные явления слились в крупные всемирные единства, что стимулировало их комплексное изучение и давало повод для общих сопоставительных исследований. Речь идет прежде всего о средних веках, литературные единства которых в значительной мере были обусловлены единством веры, общей фольклорной основой (общие типы, мотивы, легенды) и общей культурой — латинской на западе, византийской и славянской на востоке. Затем следует Возрождение, единство литературных явлений которого зиждется на общем античном наследии и общегуманистических идеях эпохи. И наконец, просветительство XVIII в., выросшее на основе французской культуры и французского языка.

Культура средневековья была предметом пристального внимания ученого широкой эрудиции Эрнста Роберта Курциуса, который основательно исследовал следы античных влияний в латинском феодальном мире («Европейская литература и латинское средневековье», 1948), а эпохе Просвещения посвятил два фундаментальных комплексных исследования Поль Азар. В первом он раскрыл закономерности перехода от традиционалистского духа XVII в. к критицизму и индивидуализму XVIII в. («Кризис европейского сознания», 1935), во втором воссоздал широкий синтез европейской мысли XVIII в. («Европейская мысль 18 в. От Монтескье до Лессинга», 1946).

Развитие сравнительного литературоведения становится особенно заметным во второй половине XIX в., точнее, в период между седьмым и последним десятилетиями, когда направления его исследований

становятся все более разнообразными и на повестку дня выдвигается вопрос о становлении сравнительного литературоведения как самостоятельной науки. Целый ряд работ, посвященных проблеме влияний, появляется прежде всего во Франции, где традиции подобных изысканий восходят к концу предыдущего столетия. В центре внимания ученых романо-германские литературные связи: распространение творений Данте и Шекспира в Германии; литературные взаимоотношения между Англией, Германией, Италией и Францией. Появляются также работы, посвященные проблемам преемственности, особенно в связи с творчеством Гёте, Байрона, Мицкевича, свидетельствующие о более глубоком проникновении в будущие области новой науки. Одновременно публикуется и первое обобщающее исследование «Главные течения в европейской литературе 19 в.», принадлежащее перу Георга Брандеса, который вскоре станет одним из видных предшественников сравнительного литературоведения в сложной области общеевропейских синтезов. Его работа, вышедшая в шести томах на датском языке между 1872 и 1890 гг., была переведена затем на немецкий и другие языки. Помимо собственно литературных процессов (французский предромантизм, затем немецкий, которому автор критически противопоставляет датских романтиков, за ним английский натурализм, романтическая французская школа, «Молодая Германия»), в книге представлены также в либеральном освещении и некоторые политические события эпохи.

Работа представляет интерес и потому, что содержит описание главнейших европейских течений, и потому, что создает яркую картину датской и скандинавской культур конца прошлого века¹.

Среди деятелей этого периода, внесших — пусть косвенный — вклад в становление дисциплины, следует назвать Франческо де Санктиса, в заметках которого, опубликованных между шестым и восьмым десятилетиями, а также в знаменитой истории итальянской литературы (1870 — 1871) затрагиваются вопросы,

¹ Georg Brandes, *Hovedstrominger i det 19-e Aarhundredes europoeiske Litteratur* (нем. издание), Leipzig, 1897.

имеющие прямое отношение к данной науке. Он стремился содействовать развитию сравнительного литературоведения также путем создания специальной кафедры в Неапольском университете (1861). Артуро Граф пытался придать дисциплине больший научный характер для того, чтобы выявить «за пестрым и изменчивым внешним видом истинную сущность» явлений.

К этому времени, то есть в восьмом десятилетии, появляются первые предисловия и статьи, в которых содержатся элементы теоретических обобщений, свидетельствующие о том, что настает момент, когда дисциплина начинает осознавать существование самой себя. И действительно, после 1885 г. мы становимся свидетелями, если можно так выразиться, официального признания сравнительного литературоведения как самостоятельной науки. Выходит книга Хэтчисона Познетта «Сравнительное литературоведение» (1886), базирующаяся на материалах мировой литературы. Книга быстро распространилась в разных странах, что, несомненно, способствовало становлению нашей дисциплины. Автор, устанавливая аналогии литературных явлений, стремится выявить законы возникновения литературных жанров в сходных социальных условиях. Х. Познетт относится с восхищением к греко-латинской цивилизации, но в поисках явлений для сравнения выходит — и это весьма характерно для того времени — за пределы Европы, охватывая, например, Мексику, Индию, Китай. В это же время в Женеве читаются первые курсы лекций по сравнительной истории литературы, а в Германии в 1886 г. Макс Кох начинает издавать «*Zeitschrift für vergleichende Literaturgeschichte*» («Журнал сравнительной истории литературы»), первый журнал по специальности, который будет выходить до 1910 г. Снабженное передовыми статьями, содержащими программные концепции издателя, это периодическое издание превратилось в первый координирующий центр компаративистских исследований, и поэтому вклад его в развитие науки был, несомненно, решающим. Одновременно выходит ряд статей и работ, посвященных проблемам испанских и итальянских влияний в Англии или французских — в Италии и Германии.

Особенно следует отметить значительный вклад в развитие сравнительного литературоведения Фердинанда Брюнетьера, как его прославленными лекциями в Высшей педагогической школе (Ecole Normale Supérieure), так и статьями в журнале «Revue de deux mondes». Он всячески обосновывает необходимость широкого охвата явлений мировой литературы, предсказывая, что только таким путем (а не ограничиваясь национальными рамками) можно определить «кривую эволюции европейских литератур».

Идеи Брюнетьера получили конкретное развитие в трудах его учеников, особенно Жозефа Текста, автора — помимо прочих работ — полной энтузиазма декларации относительно перспектив сравнительного литературоведения: «Я верю в будущее сравнительного литературоведения, европейского литературоведения. Брандес, Макс Кох, Эрих Шмидт в Германии, Х. Познетт в Англии проложили путь, и мы последуем этим путем». И действительно, именно Ж. Текст опубликовал первое в истории молодой дисциплины крупное теоретическое исследование «Ж.-Ж. Руссо и истоки литературного космополитизма» (1895), после чего последовала серия исследований по европейской литературе (1898), главы трактата Пти де Жюльвиля (1896 — 1900), содержащие итоговый обзор иностранных влияний на французскую литературу, и особенно введение в обширную библиографию, собранную Луи Поль Бецем. Ж. Текст — первый штатный профессор кафедры сравнительного литературоведения во Франции, а именно в Лионе. В тесном сотрудничестве с ним развертывает свою деятельность Бец, автор диссертации «Гейне во Франции» (1895) и многочисленных компаративистских исследований, но прежде всего создатель крайне необходимого рабочего инструмента — методической библиографии (1897), которая выросла с 3000 названий в 1899 до 6000 в 1904 г. Работа эта будет продолжена Ф. Бальдансперже, который одновременно начинает писать свое знаменитое исследование «Гёте во Франции» (1904). Подобный же процесс, правда более замедленный, происходит и в Италии, где Артуро Фаринелли, Фламини и др. проводят широкие

изыскания в области литературных взаимосвязей Испании, Германии и Италии.

В конце века происходят еще два знаменательных события, благоприятно сказавшиеся на развитии сравнительного литературоведения. Мы имеем в виду оживленное обсуждение проблемы литературного космополитизма и его отношения к национальной специфике — обсуждение, в котором участвовали и Жюль Лемэтр и Эмиль Фаге и которое, хотя и нельзя считать научным вкладом в нашу дисциплину, все же заметно подогрело интерес к ней. Необходимо сказать и о деятельности секции историко-сравнительного литературоведения, руководимой Гастоном Парисом и Ф. Брюнетьером в рамках Международного конгресса по сравнительной истории, состоявшегося в Париже по случаю Первой всемирной выставки. Хотя по своим масштабам мероприятие это менее обширное, в этом историческом обзоре умолчать о нем не представляется возможным.

В результате разнообразных исследований, упомянутых и не упомянутых на страницах этой работы, развития методологии и создания библиографии в качестве вспомогательного инструмента исследования в конце XIX столетия были заложены основы новой дисциплины; свидетельство о ее рождении было подписано именно в эти годы.

С самого начала нового века сравнительное литературоведение развивается довольно быстро, уточняя цели своих исследований и постепенно осуществляя их. Этому содействует обновление методов историко-литературных исследований благодаря трудам видного ученого Гюстава Лансона, основателя французской филологической и исторической школы. В его лекциях в Высшей педагогической школе и Сорбонне, статьях и книгах, и особенно в «Истории французской литературы» (1894), было по-новому осмыслено наследие Сент-Бёва и Тэна, с одной стороны, и Брюнетьера — с другой, и применены впервые в истории европейских литератур новые важные методологические принципы: тщательность информации, ее основательность и разнообразие, рассмотрение произведений на историко-культурном фоне эпохи, тесное увязывание их с социальной жизнью, сущностный ана-

лиз, основанный на исчерпывающей документации. Авторы всех трактатов и учебных пособий от конца XIX в. и вплоть до работ Бедье и Азара (1923 — 1924) — Абри, Одик и Крузе, Гранжар, Морне и др. — следовали путем, открытым Лансоном. Естественно, что и сравнительное литературоведение использовало позитивистские достижения лансоновской методологии в своих изысканиях после 1910 г.

Затем эстафету принял Фернан Бальдансперже, заменивший Ж. Текста на Лионской кафедре, издатель, как указывалось выше, библиографии Беца. Диссертация Бальдансперже «Гёте во Франции» привлекает к нему внимание европейской компаративистики. Он выступает автором трудов «Исследования по истории литератур» (1907 — 1939), «Движение идей во французской эмиграции 1789 — 1815» (1924), в которых рассматриваются влияния иностранных литератур, преимущественно на французскую. Будучи профессором Лионского университета и Сорбонны, Бальдансперже становится самым активным пропагандистом идей европейского сравнительного литературоведения, особенно в академических кругах. Его труды посвящены как проблемам теории, например «Сравнительное литературоведение: название и предмет» (1921), так и практике. Кроме того, он начинает издавать в 1921 г. совместно с П. Азаром журнал «*Revue de litterature comparee*», руководство которым впоследствии перейдет к Жан-Мари Карре и, наконец, к Марселю Батайону. Журнал выходит и поныне при содействии Французского национального центра научных исследований. Была основана и журнальная библиотека, где хранились также исследования по зарубежной литературе и сравнительному литературоведению диссертационного плана.

Другой ведущей фигурой французской школы компаративизма был Поль Азар. Прославленный профессор кафедры сравнительного литературоведения Сорбонны и Коллеж де Франс, известный широким университетским кругам в различных странах, удостоенный ими множества почетных званий, Азар занимался преимущественно литературными, культурными и политическими связями Франции и Италии (от работы «Французская революция и итальянская

литература», 1910, до диссертации «Французское влияние в Италии XVIII в.», 1934, осуществленной совместно с А. Бедаридой).

В другой часто цитируемой работе П. Азара, «Кризис европейского сознания», им воссоздана интеллектуальная атмосфера, в которой вызревают черты нового мира XIX в. Особенное внимание уделяется автором «кризису» в момент перехода от идей классицизма, основанных на «стабильности», к новым идеям «прогресса и движения» по ступеням, называемым П. Азаром «великими психологическими сдвигами эпохи». Он имеет в виду борьбу с традиционными верованиями, попытки создания новых теорий, наконец, изменение психологии людей, глубоко затронувшее мир человека, его воображение и чувства. Значение работы состоит прежде всего в том, что в ней — в духе лучших традиций французской школы компаративизма — представлено общее состояние культуры Европы исследуемого периода.

В пределах той же школы рядом с П. Азаром следует назвать Паула ван Тигема, идейно сформировавшегося под влиянием Лансона и ставшего после 1931 г. одним из виднейших профессоров Сорбонны. Его диссертация «Оссиан во Франции» посвящена влиянию зарубежных литератур на литературу его родины и касается также роли журнала «*Année littéraire*» как французского посредника между зарубежными литературами и Францией. Вскоре после 1924 г. ван Тигем приступает к более обширным исследованиям литературного европейского процесса. До этого он занимался преимущественно теоретическими проблемами и опубликовал на страницах различных журналов следующие статьи: «Понятие сравнительного литературоведения» (1906), «Синтез в истории литературы», «Сравнительное литературоведение и всеобщая литература» (1920) и др. Его синтетическое исследование предромантизма¹ стало классическим. В это же время он пишет «Историю литературы Европы и Америки от эпохи Возрождения до наших дней» (1940), расширенный вариант более ранней книги

¹ Paul van Tieghem, *Le préromantisme. Etudes d'histoire littéraire européenne*, Paris, 1924 — 1948.

(1925). Здесь даны горизонтальные срезы великих европейских течений, их одновременное развитие в нескольких европейских странах. Эта работа получила широкое распространение. В 1928 г. вышла его книга «Великие зарубежные писатели», содержащая важнейшие сведения о писателях, которыми ван Тигем занимался ранее, отрывки из наиболее представительных произведений и их идейно-художественный анализ. Затем была издана книга «Романтизм в европейской литературе» (1948) и ряд других работ, например статьи об открытии Шекспира на материке. Его маленький учебник по сравнительному литературоведению, опубликованный в 1931 г. и выдержавший к 1951 г. четыре издания, был переведен на румынский язык и снабжен комментариями автором этих строк (1966).

В Италии развитие сравнительно-литературных исследований после 1900 г. продолжается на прежнем высокоэрудированном уровне, например, в работах Е. Маддалена, посвященных творческим взаимосвязям Лессинга и Гольдони (1906).

Самым значительным исследователем в Италии остается упомянутый выше Артуро Фаринелли, опубликовавший среди прочих работ и труд «Романтизм в латинском мире» (1927), в котором показаны особенности этого течения и приведены литературные образцы, характерные для всех стран романского ареала. В книге поочередно рассматриваются эстетика, философия и религия эпохи романтизма, характерные для нее влечение к средневековью, экзотизм, сентиментализм и, наконец, искусство слова.

Вклад Фаринелли в развитие науки обрел широкое европейское звучание — и тем удивительнее поэтому некоторые антикомпаративистские выступления в конце его блистательной карьеры. Впрочем, такой же позиции в это время в Италии придерживался и известный эстетик Бенедетто Кроче, хотя ранее он занимался проблемами сравнительного литературоведения, в частности вопросом о литературных итало-испанских связях в XVII в. В своей статье, опубликованной в возглавляемом им журнале «La critica» (1903), Кроче утверждал, что сравнительное литературоведение отнюдь не призвано решать основные проблемы литературного искусства, оно простой

инструмент исторического исследования, включения новых произведений в традиционные рамки, «критика, занимающаяся взаимоотношениями и схождениями», которая, хоть и может произвести сильное впечатление, в конечном счете оказывается «пустой и надуманной». Согласно концепции Кроче, назначение науки о литературе, и в частности критики, — выявить специфику, оригинальность произведения монографическими методами, такими, как «интуиция-выражение», а не сводить ее «к отдаленным и поверхностным соотношениям».

И все же, несмотря на эти возражения, сравнительно-литературные исследования в Италии продолжали появляться и порой достигали замечательных высот, как, например, труд Дж. Пелегрини «Английская дидактическая поэзия в Италии в XVII в.» (1958).

Как известно, в Германии усилиями Гёте всеобщая литература значительно шагнула вперед в своем развитии. В эпоху романтизма, как об этом упоминалось выше, большой вклад в становление науки внесли прежде всего братья Шлегели, а затем, в конце прошлого столетия и начале нашего века, исследователь Макс Кох своими трудами и деятельностью издаваемого им журнала. После войны компаративистские изыскания множатся: проводится сравнительное исследование европейских литератур, то есть выявляются их общие аспекты, и вместе с тем исследуется своеобразие каждой литературы на фоне мировой литературы. В центре внимания ученых (В. Мильха, Г. О. Бюргера, Г. В. Эппельсгеймера, автора библиографического пособия по всеобщей литературе, и др.) находятся преимущественно литературы западноевропейских стран, а именно общие пути развития этих литератур.

Среди немецких работ по компаративистике, эстетике и истории, вышедших после второй мировой войны, особенно выделяются две книги, получившие всеевропейскую известность. Это уже названное нами исследование Е. Р. Курциуса о европейской литературе и латинском средневековье (1948) и работа Ауэрбаха «Мимесис» (1946). Курциус — романист, историк литературы и философ культуры, был, несо-

менно, в период 1914 — 1930 гг. самым выдающимся специалистом по проблемам распространения и интерпретации французской культуры и литературы в Германии. Он автор многочисленных трудов в этой области, начиная с его диссертации на тему о месте Брюнетьера в истории французской критики¹ и до работы «Франция, введение во французскую культуру» (1930). Его исследования охватывали, в сущности, всю культуру Европы переходного периода от античности к средневековью, а также средних веков. При всей склонности к синтезу Курциус, однако, всегда основывался на исторических фактах, подчиняясь строгой дисциплине филолога-исследователя.

Работа Ауэрбаха «Мимесис»² — типичное стилистическое исследование, «*Stilforschung*», в котором путем детального, почти микроскопического анализа коротких литературных фрагментов воссоздается историческая панорама развития западноевропейской литературы по периодам — от средневековья до нашей эпохи. Автор выделяет две области (идеи и чувства, с одной стороны, «имитацию конкретной действительности» — с другой) и два стиля, выражающие их (высокий литературный стиль и стиль тривиальный, комический), и показывает, как они сливались дважды на протяжении истории — в средние века и в XIX в.

Значительную роль в развитии сравнительного литературоведения в Германии сыграл Курт Вайс, профессор Тюбингенского университета, неоднократно подчеркивавший значение данной дисциплины. Он опубликовал в 1939 г. коллективный сборник статей по современной европейской литературе, в котором применил метод сложения национальных литератур. Прославленный ученый ратовал не только за необходимость обращения к сравнительному литературоведению, но и отмечал его объективное наличие в любом исследовании по истории литературы, как, например, в собственной книге о Малларме, где говорится о связи немецкого символизма с французским романтизмом. Под его редакцией выходила также се-

¹ E. R. Curtius, Ferdinand Brunetière; ein Beitrag zur Geschichte der französischen Kritik, 1914.

² Русск пер. М., изд-во «Прогресс». 1976. — *Прим. ред.*

рия «Проблемы исследований историко-сравнительного литературоведения» (1951). Воспитанник романской филологической школы и французского компаративизма (Бальдансперже) Курт Вайс неоднократно обращался к литературной проблематике западного средневековья, в частности к взаимоотношениям западноевропейской эпики и «*Nibelungenlied*» («Песнь о Нибелунгах»). Затем он изучал французскую лирику от Маро до Валери, а также творчество латиноамериканских поэтов Ромуло Гальегоса и Габриелы Мистраль. Значительным явлением следует считать теоретические работы Фрица Штриха, например его исследования по «Мировой литературе и сравнительно-историческому литературоведению», опубликованные в сборнике «Философия науки о литературе», изданном Эрматингером (1930), а также конкретные, как, например, «Гёте и всемирная литература» (1946), получившие широкий отклик. Следует еще упомянуть о такой вспомогательной работе, как библиография немецких переводов французских книг за период с 1700 по 1948 г.

В ФРГ была образована Ассоциация компаративистов, руководимая Хорстом Рюдигером, исследователем с мировым именем, профессором Боннского университета, директором журнала «*Arcadia*», выходящего в Бонне. Послевоенные компаративистские исследования в ФРГ охватывают преимущественно западноевропейские литературы, рассматриваемые в историческом плане.

Развитие сравнительного литературоведения в США начинается на пороге XX столетия, когда профессор Ирвинг Бэббит в Колумбийском и Гарвардском университетах посвящает ему курсы лекций. Заметное влияние на американский компаративизм оказала французская школа, особенно Бальдансперже, который в период между двумя мировыми войнами читал здесь лекции и вместе с В. П. Фридрихом обновил библиографию науки (1950). Наряду с Гарвардской кафедрой сравнительного изучения литератур возникает новая в Йельском университете, где в то время преподает Рене Уэллек. На этой кафедре исследуются в равной мере и славянские литературы. Американский компаративизм на первых порах опирался глав-

ным образом на местную литературу, так как творчество Фолкнера, Хемингуэя, Дос Пассоса получило широкое признание за рубежом. Постепенно в поле зрения американского компаративизма оказалась и литература Европы. Ученые, приехавшие сюда из Старого Света, такие, как Дж. А. Боргезе, Америке Кастро, Лео Шпицер, Роман Якобсон, значительно укрепили позиции литературных наук, в том числе и компаративизма. Выходит и американский журнал «Comparative Literature», публикующий статьи по специальности.

По мнению американских компаративистов, теория литературы и стилистика — две области, в которых особенно активно используются сравнительные методы. В широко распространенном труде Уэллека и Уоррена «Теория литературы» (1949) целая глава посвящена сравнительному литературоведению и его связям с «национальной, всеобщей и всемирной литературами». В результате умелого анализа здесь значительно уточнены многие понятия и взаимоотношения между ними. Прежде всего, в книге говорится о давнем интересе компаративизма к фольклорным исследованиям, к взаимовлияниям народного творчества и письменной литературы, далее — о необходимости преодоления узости французской школы, изучающей преимущественно двусторонние, а иногда и многосторонние связи, главным образом в плане влияний. Сравнительные методы, по мнению авторов исследования, используются и во всеобщей литературе (о чем писал и П. ван Тигем), прежде всего для выявления общих аспектов национальных литератур, различиям между литературами уделяется меньше внимания.

В США нет недостатка и в компаративистских работах традиционного характера, как, например, исследование Г. Ремэйка о критицизме Стендаля (1947). Одновременно наблюдается тенденция к расширению области сравнительных исследований путем охвата и других «сфер человеческого выражения», то есть других видов искусства, и даже не только искусства. Методологический свод сравнительного литературоведения содержится в коллективном труде, изданном в 1961 г. под редакцией Н. П. Шталькнехта и Г. Френца

(«Сравнительное литературоведение, метод и перспективы»). Здесь же рассмотрены и перспективы развития науки.

Американские специалисты принимают участие в работе Международной ассоциации компаративистов, некоторые из них являются членами бюро Ассоциации. Назовем имена Вернера Фридериха (Университет Северной Каролины), Рене Уэллека (Иельский университет), Чендлера Белла (Орегонский университет), Х. Блока (Бруклинский университет), Г. Ремэйка (университет в Индиане), а также таких известных канадских ученых, как М. Димич (университет в Альберте), Ева Кушнер (Оттавский университет).

Значительное развитие получило сравнительное литературоведение и в Японии, особенно вследствие расширения связей страны с европейским Западом еще в период 1868 — 1912 гг. Намечившееся после второй мировой войны расширение международных связей, о чем свидетельствует внушительный рост числа переводов (наибольшее количество переводов в настоящее время осуществляется именно в Японии), значительно укрепило позиции компаративизма и привело к образованию в 1948 г. Японского национального общества компаративистов. При нем издается ежеквартальный бюллетень и журнал. В 1953 г. при Токийском университете открылся Институт сравнительно-исторических исследований литературы, который находится под заметным воздействием школ французского и американского компаративизма. Особое внимание японскими компаративистами уделяется изучению влияний английской, затем итальянской и французской поэтики на японскую, а также выявлению связей японской литературы с китайской и литературами буддийского мира.

В восточноевропейских странах социализма, особенно в последнее десятилетие, сравнительное литературоведение получило весьма существенное развитие на марксистско-ленинской основе. Значителен вклад прежде всего советских исследователей, которыми в равной мере разрабатываются как теоретические вопросы, так и проблемы взаимоотношений русской и советской литератур с литературами всех стран мира. Наиболее известны имена Р. М. Самари-

на, И. И. Анисимова, В. М. Жирмунского, М. П. Алексеева; заслуживают пристального внимания труды В. И. Кулешова, Н. И. Конрада, И. Г. Неупокоевой, Б. Г. Реизова, Т. Л. Мотылевой, деятельность которых особенно активизировалась после 1957 г. Издано несколько сборников с общеметодологическими, теоретическими и конкретными исследованиями. В 1961 г., например, а затем в 1968 г. вышли объемистые тома, в которых рассматриваются теоретические и методологические проблемы взаимосвязей и взаимодействия различных национальных литератур, и еще один сборник, посвященный «методологии науки о литературе», в том числе и сравнительного литературоведения. Конкретные исследования по различным проблемам реализма были опубликованы в 1963 — 1967 гг. Так как к этому вопросу мы еще вернемся в основной части нашего труда, то здесь остановимся лишь на теоретической стороне вклада советских специалистов.

Русский, а затем и советский компаративизм имеет, разумеется, свои традиции, которые восходят прежде всего к школе заимствований Ал. Веселовского. Крупный специалист в области сравнительной фольклористики, ученый с мировым именем, Ал. Веселовский уделял много внимания — в духе позитивизма — международным «бродячим» сюжетам, мотивам, стремясь при этом максимально расширить поле действия компаративизма. Однако советское сравнительное литературоведение, возвращенное на принципах марксизма-ленинизма, значительно обновило прежние методы исследований, открыв для себя новые, гораздо более эффективные пути. Им была подвергнута суровой критике прежняя структура дисциплины, и эту критику нельзя не признать обоснованной. Когда, например, Н. И. Конрад, выступая против европоцентризма, предлагал включить в сферу сравнительно-исторических исследований культуру народов Востока и всего мира, то эта точка зрения получила широкий отклик на Западе и была поддержана в свою очередь Рене Этиемблем. Такую же поддержку получила и идея охвата европейского Востока, который все еще оставался вне поля зрения исследователей. Затем встал вопрос и о расширении временных рамок, так как западный компаративизм изучал преимущественно

период после Возрождения. Сейчас повысилось внимание к проблематике средневековья, причем не только к его античному, преимущественно латинскому наследию (в произведениях Курпиуса, например), но и к взаимоотношениям, возникшим в сфере других языков — санскрита, греческого, славянского, китайского, персидского, арабского и т. д. Иными словами, исследователями-марксистами было предложено значительное расширение пространственных и временных границ компаративизма. Само собой разумеется, что при этом выдвигалось требование выхода за рамки национальных литератур, изучения международных связей в конкретном процессе их развития. Советская наука стремилась также к выявлению некоторых закономерностей развития литературных явлений в различных сферах сравнительного литературоведения: в области взаимоотношений между национальными литературами в рамках определенных историко-культурных общностей, сравнительно-типологических отношений, связывающих литературные явления, между которыми нет исторических контактов, и, наконец, в сфере взаимовлияний литератур. Причем различного рода взаимоотношения литератур рассматривались не изолированно, а в их взаимосвязях в рамках единого литературного процесса. Советской наукой пристально изучается также специфика национальных советских литератур на общем фоне мирового литературного процесса.

В работе конгресса в Бордо (1970) принимали участие многие советские ученые, представляющие разнообразные направления компаративистских исследований: здесь были исследователи различных эпох, от средневековья и до наших дней, специалисты в области литературной социологии в рамках компаративизма, люди, изучающие распространение произведений иностранных писателей в России, и т. д. Назовем лишь некоторые, наиболее показательные выступления на конгрессе: В. М. Жирмунский говорил о «Литературе средневековья как проблеме сравнительного литературоведения», М. П. Алексеев о «Плюрилингвизме и литературном творчестве», Н. И. Балашов о «Социологическом аспекте системы отношений в сравнительном литературоведении», К. Н. Грегорьян о

«Поэзии Верлена в России», П. Р. Заборов на тему «Вольтер и русское общество в XIX столетии».

Значителен вклад в развитие сравнительного литературоведения и венгерских специалистов, что особенно отчетливо проявилось в ходе работы Будапештских международных конгрессов (в 1931 и 1962 гг.). Впрочем, в современных исследованиях продолжается традиция, установившаяся здесь еще в восьмом десятилетии прошлого века, когда в Клуже выходил журнал, посвященный проблемам сравнительного литературоведения (1877 — 1882), редактором которого был профессор Хуго Мельцль, немец по происхождению. Основываясь на диалектическом методе исследования общественно-исторических отношений, представители венгерского компаративизма — мы имеем в виду прежде всего академика Иштвана Шётера — попытались, следуя традициям Веселовского и стилистическим и типологическим изысканиям Жирмунского, охватить весь комплекс художественных проявлений данной цивилизации в определенную эпоху. Так появился метод «комплексных компаративистских исследований», при котором прежний поиск «влияний» заменялся выявлением форм «рецепции». С таких же позиций выступал у нас Тудор Виану, когда говорил о «Коперниковой революции» в сравнительном литературоведении, открывающей новые перспективы перед наукой. Развернутый обзор истории сравнительного литературоведения в Венгрии был разработан Дьёрдем Михай Вайдой. Обзор помещен в сборнике, вышедшем в 1964 г.

И в других социалистических странах нет недостатка в компаративистских исследованиях. Отметим в качестве примера — ибо, к сожалению, мы не располагаем более подробными сведениями — деятельность известного чешского ученого Яна Мукаржовского и профессора Юлиуса Доланского. Первый настойчиво напоминал об обязанностях науки о литературе перед современными литературами мира в свете усиленной интеграции литератур и отмечал активную роль сравнительного литературоведения в формировании всемирной литературы и в решении ряда теоретико-литературных проблем.

Юлиус Доланский, славист по специальности, активный и авторитетный участник международных кон-

грессов по компаративистике, уделяет много внимания, как, впрочем, и другие ученые Центральной и Юго-Восточной Европы (Ласло Галди, Л. Сиклаи), изучению взаимосвязей литератур этих ареалов, что привело к оживленным дискуссиям (см. *Acta literaria Academiae Scientiarum Hungariae*, 1965).

В поле зрения польских исследователей — профессора Казимежа Выки, варшавского профессора М. Брамера, автора исследований о петраркизме в Польше XVI столетия (1967) — широкий круг европейских компаративистских тем. Помимо обычных исследований двухсторонних связей (например, «Шиллер в Польше» М. Шийковского, 1915), здесь разрабатываются и более широкие проблемы, касающиеся крупных литературных течений. Следуя традиции Эд. Порембовича «Андрей Морштын — представитель барокко» (1893), подобные вопросы рассматривают Ст. Лемпицкий «Возрождение, просветительство, романтизм» (1923) и Я. Кшижановский «От средневековья к барокко» (1938). Общее стремление к теоретическим обобщениям характеризует такие польские труды, как «Введение в науку о литературе» (1954 — 1965) — автор С. Шкварчиньска, или «Основные вопросы науки о литературе» — Генрик Маркович (1966).

Не меньшее внимание уделяется сравнительным исследованиям и в ГДР, в первую очередь учеными университетов в Берлине, Лейпциге и Грайфсвальде. Рита Шобер, директор Института романистики в Берлине, работает в области немецко-французских литературных отношений прошлого столетия, особенно касаясь творчества Бальзака и Золя. Настойчиво разрабатывается проблематика всеобщей литературы и сравнительного литературоведения в Грайфсвальдском университете, где ведутся оживленные дебаты вокруг теоретических основ дисциплины. Директор Института немецкой филологии Г. Ю. Геердс вместе со своими сотрудниками (проф. Бестгорн, Некле, Штайнер) опубликовал в научном бюллетене университета ряд статей по названной теме. Продолжает свои исследования, относящиеся преимущественно к XVIII в., известный ученый Вернер Краусс.

Итак, у нас нет основания говорить о единстве процесса развития науки даже в общих чертах. Имен-

но это разнообразие позиций и точек зрения свидетельствует о сложности дисциплины, о лихорадочности ее поисков, о «болезни роста». В иных обзорах развития сравнительного литературоведения делаются попытки делить нашу науку на школы мирового значения и школы в пределах каждой страны. Говорят, например, об американской школе, отличающейся якобы исключительно эстетическими поисками и тем самым противостоящей французской школе с ее чисто историческими тенденциями, о том, что обе школы решительно отличаются от школы советских исследователей и исследователей-марксистов в социалистических странах и на Западе. Как уже отмечал Рене Этиембль в своем острополемиическом и остроумном эссе «*Comparaison n'est pas raison*» (Сравнение не доказательство), а также в статьях, публикуемых в журнале «*Revue de littérature comparée*», в последнее время невозможно говорить ни о четко сформировавшихся школах в каждой стране, ни об абсолютно отличных точках зрения. В рамках французской исторической школы проводятся исследования и по сравнительной поэтике, и по сравнительной социологии. Замечательный труд Жака Вуазина, бывшего председателя Международной ассоциации по сравнительному литературоведению, о «Жан-Жаке Руссо в Англии» (период 1778 — 1830 гг.), которому предшествовала работа Родье на ту же тему (период 1750 — 1778 гг.), или труд Ролана Мортье, посвященный теме «Дидро в Германии» (1954), выступают рядом с работами по стилистике и поэтике, начатыми еще Этиемблем, или по литературной социологии, принадлежащими перу Р. Эскарпи. Сам Этиембль ратует за разнообразие поисков во французском компаративизме, тем более что он лично находит явные точки соприкосновения с марксистским сравнительным литературоведением, особенно когда речь идет о расширении сферы исследований за пределы Западной Европы и о принятии типологической -концепции.

Развитию сравнительного литературоведения в последние десятилетия немало содействовали и международные съезды, на которых, с одной стороны, подводились итоги, а с другой — намечались новые перспективы исследований. IV съезд Международной ко-

миссии по истории литературы в Париже (1948), состоявшиеся в период 1954 — 1966 гг. конгрессы Международной федерации современных языков и литератур в Оксфорде, Гейдельберге, Льеже, Нью-Йорке и Страсбурге и, наконец, конгрессы, организованные Международной ассоциацией по компаративистике в Венеции, Чепел-Хилле, Утрехте, Фрибурге (Швейцария), Белграде (1958 — 1967), в решающей мере обусловили оживление исследований по данной специальности. В некоторых странах — Франция, США, Япония, Южная Корея, Алжир — уже созданы национальные общества компаративистов. Мы и в нашей стране готовимся создать подобное общество. Во всяком случае, несомненно одно: стремление к сотрудничеству всех компаративистов мира — американских, французских, советских, японских, включая и представителей стран, в которых имеются нужные силы, пусть даже традиции сравнительно-исторических исследований еще самые минимальные. Состоявшийся в 1967 г. в Белграде конгресс Ассоциации по сравнительному литературоведению продемонстрировал — при всем разнообразии предлагаемых методов — единодушное желание исследователей объединиться для изучения вопросов, представляющих общий интерес (например, проблемы создания истории европейских литератур) и в то же время способствующих углубленному изучению национальных литератур.

Последний конгресс состоялся в 1970 г. в Бордо. На нем был представлен гораздо более широкий круг участников из самых различных стран, причем особенно увеличилось число представителей Востока (33%). В Бордо приехало почти 400 ученых, представлявших 32 национальности и говоривших на 26 языках. Успеху работы конгресса содействовал не только общий подъем науки, но и интересная, зовущая к дискуссиям повестка дня.

Две главные темы освещались в докладах и выступлениях: «Литература и общество, вопросы структуры и коммуникации» и «Литературы Средиземноморья, наследие и обновление». По этим вопросам было представлено более ста сообщений преимущественно с социологической тематикой. Помимо этого,

работало два коллоквиума по проблемам взаимоотношений Европы, Африки, Запада и Востока.

Это предпочтительное внимание к социологическому аспекту лишний раз подтвердило — и на этот раз в международном масштабе, — что ныне уже невозможно рассматривать литературные проблемы вне социальной динамики, которая порождает их. Представитель Социологического направления профессор Роберт Эскарпи, организатор конгресса в Бордо, представил доклад на тему «Литературное и социальное», главный вывод которого состоял в том, что необходимо создать социологию книги или психосоциологию чтения и вообще социологию литературного произведения. В двух специальных докладах говорилось о разработке «Международного словаря литературных терминов» и о проекте создания «Истории литератур на европейских языках», на чем мы остановимся подробнее в последней части данной работы.

Отличительной стороной конгресса в Бордо было объективное, уважительное отношение участников к представителям всех стран как с точки зрения выбора тематики, так и в смысле оценки различных концепций, высказанных по названным выше проблемам. На конгрессе господствовал подлинный дух международного сотрудничества.

РАЗВИТИЕ СРАВНИТЕЛЬНОГО ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ В РУМЫНИИ

Первые серьезные компаративистские исследования появляются в Румынии в конце прошлого века, когда на Западе уже закладывались основы новой науки. Толчком к появлению этих работ послужили лекции, прослушанные румынскими студентами в высших школах Франции — Сорбонне, Эколь Нормаль Суперьер, Эколь дез от этюд. Коллеж де Франс. Первая работа Помпилиу Элиаде, изданная в 1898 г. («О французском влиянии на общественное мнение Румынии»), посвящена Эколь Нормаль Суперьер, чьим благодарным учеником автор и называет себя.

Пути развития румынского компаративизма были разнообразны. Первые элементы историко-литературных сопоставлений, пусть случайные и косвенные, обнаруживаются в учебниках, трактатах и обобщающих работах, посвященных румынской литературе, именно в тех местах, где речь велась о зарубежных влияниях или о параллелях румынских и зарубежных произведений, а также в общих обзорах развития зарубежных литератур, например в курсе истории романских литератур Н. Йорги¹ или акад. Йорги Иордана².

В этих работах отмечалась связь между различными национальными литературами и устанавлива-

¹ Nicolae Iorga, *Istoria literaturilor romanice în dezvoltarea și legăturile lor*, v. I — III, București, 1920. 1925.

² Iorgu Iordan, *Literaturile romanice în raporturile lor reciproce*, *Revista critică*, 1927, p. 89 — 109.

лись некоторые очевидные параллелизмы. Что же касается учебников и обобщающих исследований, то, как известно, они появились в последние два десятилетия прошлого века. Это работы А. Денсушяну (1885)¹, В. А. Уреки (1885)², Иона Нэдежде (1886)³ и особенно Ал. Филиппиде «Введение в историю румынского языка и литературы» (1888) и М. Гастера «История румынской литературы» (1896). Неодинаковые по своему значению, эти исследования начального периода развития науки содержат лишь скудные элементы сравнительно-исторического анализа. Умножатся они в последующих трудах, в период от 1904 до 1945 г., когда выйдут подлинно обобщающие работы, причем первая дата связана с появлением первого издания «Истории религиозной литературы у румын до 1688 г.» Н. Йорги, а последняя — с изданием труда Д. Поповича «Румынская литература в эпоху Просвещения». В той или иной форме сравнительно-исторические методы используются при выявлении некоторых источников заимствований и типологических сходжений в таких основополагающих исследованиях, учебных пособиях или внушительных лекционных курсах, как работы Н. Йорги, вышедшие в период 1904 — 1934 гг. и охватывающие все фазы развития румынской литературы с древних времен и до настоящего времени, в исследовании С. Пушкарю о древней литературе (1920)⁴, затем в «Истории древней румынской литературы» Н. Картожана (1940), «Истории румынской литературы в Трансильвании» Н. Дрэгана (1938)⁵, «Курсе новой литературы» Г. Богдана-Дуйкэ (1923)⁶, «Панораме современной румынской литерату-

¹ Aron Densușianu, *Istoria limbei și literaturii române*, ed. I, Iași, 1885, ed. a II-a, Iași, 1894.

² V. A. Urechia, *Schițe de istoria literaturii române. Carte. didactică secundară, Partea 1*, București, 1885.

³ Ion Nădejde, *Istoria limbei și literaturii române cu probe de limbă, de ortografie și grafie din toate veacurile... Pentru cursul superioru licealului*, Iași, 1886. .

⁴ Sextil Pușcariu, *Istoria literaturii române. Cursuri populare*, v. I, Epoca veche, Sibiu, 1920.

⁵ Nicolae Drăganu, *Histoire de la littérature roumaine de Transylvanie des origines à la fin du XVIII-e siècle*, Bucarest, 1938.

⁶ G. Bogdan-Duică, *Istoria literaturii române moderne. Întîii poeți munteni, Lecțiuni*, Cluj, 1923.

ры» Б. Мунтяну (1938), «Истории румынской литературы» Д. Мурэрашу (1941), обширной «Истории современной румынской литературы» Э. Ловинеску (1925 — 1938), а также в «Истории румынской литературы от древности и до настоящего времени» Дж. Кэлинеску (1941), к которым следует добавить названный выше труд Д. Поповича (1945), и, наконец, курсы лекций Ал. Пиру о «Древней румынской литературе и литературе нового времени» (1961, 1964).

Одновременно следует упомянуть здесь и фольклористику в той мере, в какой она обращалась к компаративистским изысканиям. В качестве примера можно сослаться на исследование Л. Шэйняну румынских сказок¹, которое, в сущности, продолжает изыскания Б. П. Хашдеу (1878 — 1880), искусного знатока компаративистских методов, умело использованных затем уже на другом уровне О. Денсушяну в труде «Пастушеская жизнь в нашей народной поэзии» (1923). Наша современная фольклористика все чаще обращается к сравнительно-историческим методам при исследовании народного творчества как Юго-Восточного ареала, так и всего мира.

Что же касается специальных исследований по сравнительному литературоведению, то они появились несколько позднее, в конце прошлого столетия, в университетской среде, в тесной связи с деятельностью исторической и позитивистской школ.

Ввиду специфики своей проблематики румынский компаративизм столкнулся с рядом трудностей, о которых необходимо здесь сказать. Тот факт, что наша литература развивалась в Юго-Восточном ареале, выдвигает при исследовании, как феодального, так отчасти и новейшего периода, необходимость, как выражаются компаративисты, более сложного и богатого «снаряжения», то есть знания не только западноевропейских, но и восточноевропейских языков — греческого, славянских, турецкого. Именно этим обусловлено, как показывает знакомство с нашими компара-

¹ Lazăr Șăineanu, *Basmele române în comparațiune cu legendele antice clasice și în legătură cu basmele popórelor învecinate și ale tuturor popórelor romanice. Studiu comparativ*, București, 1895,

тивистскими исследованиями, то предпочтение, которое до недавнего времени отдавалось изучению связей румынской литературы с литературами западноевропейских стран. Лишь в последние десятилетия, по мере освоения восточных языков, наши ученые все более настойчиво обращаются к сравнительным исследованиям литератур Юго-Восточного ареала.

Другая трудность заключается в недостаточной проясненности литературных явлений как в древнюю эпоху, так и в начале новейшей: ценности здесь перемешались в общекультурном конгломерате, и далеко не всегда возможно выявить эстетические элементы. Вот почему у нас сравнительное литературоведение обрело форму некоего сравнительного культуроведения, сравнительной философии или сравнительного обществоведения, что, конечно, отнюдь не является грубым нарушением, если постоянно помнить о различии точек зрения и специфике подходов.

После этих предварительных замечаний переходим к изложению истории румынского компаративизма, разумеется ограничиваясь при этом основными направлениями и самыми представительными работами в соответствии с целями, которые они перед собой ставили.

В основную проблематику нашего сравнительного литературоведения входили исследования международных культурных и литературных связей на протяжении веков. Иными словами, в центре внимания ученых находились влияния, которым подвергалась румынская литература в различные периоды, что, впрочем, было важнейшей темой и во всем мировом компаративизме.

Обратимся прежде всего к феодальному периоду, а именно к тем литературным явлениям, в структуре которых элементы письменной литературы переплетались с устным народным творчеством — к народным книгам. Исследование такого рода книг предполагает прежде всего использование сравнительно-исторических методов, так как эти произведения получали широкое распространение в разных частях света. В этой области осуществлен ряд монографических исследований, прежде всего самим Хашдеу «Народные

книги»¹ и некоторыми другими учеными в духе традиций этого исследователя. Напомним работы Н. Картожана «Александрия в румынской литературе» (1910), «Фиори ди Вирту в румынской литературе» (1928), «Легенда Троады в древней литературе» (1925). Обратим особое внимание на серьезное исследование Н. Картожана «Народные книги в румынской литературе» (1929), в котором рассматриваются вопросы распространения переводов книг в различных литературах, влияния в этой области — славянские, византийские, азиатские и в не меньшей мере западные.

В качестве еще одного примера серьезного компаративистского исследования народных книг в румынской литературе сошлемся на докторскую диссертацию проф. Н. Н. Кондееску «Легенда Геновевы Брабантской и ее румынские варианты» (1938)², задуманную и разработанную в традициях исторической школы. Исследование это относится к тематологической сфере и продолжает серию исследований легенд, среди которых наиболее известен труд Г. Жандарм де Бевотт о Дон-Жуане (второе издание, 1929) или Роберта Гьетта о Саристине (1927).

У нас такого рода изысканиями занимались и Рамиро Ортиц «Fortuna labilis» («Изменчивая судьба», 1927), и Анита Белчугэцяну «Carpe rosam» («Радуйся розам»), и Д. Гэздару «Происхождение и распространение мотива «Горестная горлица» в романских литературах» (1934), и Д. Каракостя «Леонора» (1929). При этом авторы касались и литературных произведений.

В диссертации Н. Н. Кондееску подробно рассматривается вопрос о происхождении и распространении легенды о Геновеве, начиная с ее римского варианта и до последних румынских версий, включая литературную трактовку в романе М. Садовяну «Его величество Сын Леса». В ней тщательно исследован про-

¹ B. P. Haşdeu, Cărțile poporane ale românilor în secolul XVI în legătură cu literatura poporană cea nescrisă... Studiu de filologie comparativă. In: B. P. Haşdeu. Cuvente den betrani, limba vorbită între 1550 — 1600... Tom II, Bucureşti, 1879.

² N. N. Condeescu, La légende de Geneviève de Brabant et ses versions roumaines (Académie Roumaine, Études et Recherches, IX, Bucarest, 1938).

цесс распространения легенды, ее латинские варианты, проникновение в различные страны — Францию, Италию, Испанию, Голландию, Англию. Особенно четко прослеживается мотив «признания и торжества невинности» с эпохи предромантизма и романтизма вплоть до XX в. Результаты многочисленных, тщательнейшим образом выполненных исследований отражены в четких рисунках, своего рода «генеалогических древах», наглядно показывающих последовательность появления переводов, эволюции текста, косвенным источником которого послужила легенда, наконец, наших вариантов, созданных в период XVI — XVIII вв.

Другой важный раздел компаративистских исследований — это изучение влияний на нашу литературу в эпоху средневековья со стороны культур и литератур ареала, в котором мы в то время развивались. Разумеется, и здесь мы не будем предлагать полную библиографию вопроса: она была бы слишком громоздкой. Ограничимся лишь несколькими названиями наиболее значительных работ.

В начале второй половины минувшего века были опубликованы труды Б. П. Хашдеу, а позднее И. Богдана и др., посвященные нашим связям со славянской литературой и культурой. Интересны работы П. П. Панаитеску «Славяно-румынская литература и ее значение для истории славянских литератур» (1929), И. К. Кицимии «Хроника Штефана Великого» (1932), Э. Турдяну «Болгарская литература в XIV в. и ее распространение в Дунайских княжествах» (1947)¹. О влиянии польской культуры писал тот же П. Панаитеску «Польское влияние на творчество и личность летописцев Григоре Уреке и Мирона Кости-па» (1925), о русском — П. Константинеску-Яшь «Румыно-русские культурные связи прошлого» (1954). Греческому влиянию, очень значительному в нашей стране, посвящены труды Деметриосу Руссо «Эллинизм в Румынии» (1912) и «Греко-румынские исторические изыскания» (1939).

Интересной главой компаративистских изысканий того периода являются исследования произведений, в

¹ Émile Turdeano, La littérature bulgare du XIV-e siècle et sa diffusion dans les Pays Roumains, Paris, Droz, 1947

которых нашел отражение образ наших великих исторических деятелей. Назовем прежде всего труд И. Богдана «Влад Цепеш (Дракула) и немецкие и русские повести о нем» (1896) и лингвистическую работу Панделе Олтяну «Язык славянских рассказов о Владе Цепеше» (1961), в которой, однако, косвенно обращается внимание и на образ князя. Затем работы Д. Руссо и О. Тафрали „«Поэма Ставриноса» в «Греко-румынских исторических изысканиях»» (1939) и «Поэма Паламиде» (1905), в которых рассматриваются два описания Михая Храброго в греческих произведениях.

Обратимся к компаративистским исследованиям нового периода, начинающегося с конца XVIII в., в частности к «Ардяльской школе» и латинистскому движению. Наиболее интересной работой этого периода представляется труд Д. Поповича «Румынская литература в эпоху Просвещения» (1945). В обширном труде Поповича становление новой румынской литературы рассматривается как следствие влияния Просвещения. В нем приводятся различные литературные формы, возникшие в нашей стране под воздействием зарубежных образцов: сентиментально-минорные опыты семьи Вэкэреску, произведения высокого гражданского звучания Д. Голеску или И. Тэуту, раскованная литература В. Погора и, наконец, наиболее характерное произведение эпохи — героико-комическая поэма «Цыганиада», по праву занимающая в исследовании главное место. К тому времени славянское и греческое влияние было в основном преодолено, и появление «Трансильванского Возрождения» в период 1779 — 1829 гг. объясняется прежде всего воздействием французского Просвещения, протекавшим разными путями, в том числе и в русле сохранившихся еще греко-румынских культурных связей. Д. Попович подчеркивает роль «Ардяльской школы», содействовавшей расширению контактов румынской культуры за пределами Юго-Восточного ареала. Нет сомнения, что исследование «Румынская литература в эпоху Просвещения», проведенное в духе французской школы, — одно из фундаментальных в истории румынского компаративизма. Жаль только, что в нем чрезмерно завышена роль «передатчика» в ущерб «рецептору».

Вместе с тем работа Поповича примыкает к тем исследованиям французского влияния на культуру Румынии, начало которым положила еще в конце минувшего столетия книга Помпилиу Элиаде «О французском влиянии на общественное мнение Румынии, истоки, исследование состояния румынского общества в эпоху господства фанариотов» (1898), а затем его же труд «Румыния в XIX веке» (1914)¹. Предметом первого, весьма обширного исследования является, как видно из подзаголовка, «старое время», то есть XVIII в. Здесь широко рассматриваются вопросы, касающиеся состояния развития общества, посредников французского влияния и его результатов.

При этом под «общественным мнением», подвергшимся влиянию французской культуры, понимается «совокупность мнений и чувств народа». Следовательно, исследование выходит за рамки чисто литературной области: здесь рассматриваются румынское «Возрождение» и французское влияние с точки зрения круга боярского чтения конца XVIII в., говорится о признании в наших княжествах некрупных французских поэтов — Дора, Пирона, Коллардо и др., о чем свидетельствуют и подражания и переводы Янку Вэкэреску и Костаки Конаки. Нетрудно обнаружить в этой работе элементы будущего труда Д. Поповича, о котором говорилось выше. В книге П. Элиаде отмечается решающее воздействие французской культуры на развитие румынской культуры и цивилизации. Благодаря этому влиянию, полагает автор, речь идет «не о возрождении, а о рождении народа» (Введение, стр. 1), ибо до начала французского влияния «два маленьких княжества ничего не значили ни для цивилизации, ни для истории» (там же, стр. 1). Разумеется, в подобных утверждениях роль французского влияния сильно преувеличивается, в то время как развитие нашей собственной культуры до XIX в. явно недооценивается. Тем не менее появление этой работы следует считать началом румынского компаративизма.

¹ Pompiliu Eliade, *La Roumanie au XIX-e siècle. Les trois présidents plénipotentiaires*, в кн.: «*Histoire de l'esprit public en Roumanie au XIX-ème siècle*», V. I — II, Paris, 1905 — 1914.

Обратной стороной медали является труд ученика П. Элиаде В. Ханеша «Формирование французского общественного мнения о Румынии в XIX в.» (1929). Привлекая многочисленные работы, в том числе и периодику, автор прослеживает рост внимания французского народа к судьбе румын в первой половине прошлого столетия, к решающим преобразованиям, которыми отмечена история княжеств в это время. Среди прочих названо и имя Ламартина, руководившего в 1846 г. Обществом румынских студентов в Париже.

Французское влияние в Румынии изучалось и в собственно литературном плане. Показательными с этой точки зрения являются две работы: Н. И. Апостолеску «Влияние французских романтиков на румынскую поэзию» (1909) и Шарля Друэ «Василе Александри и французские писатели» (1924). Первая охватывает почти весь материал прошлого столетия — от предромантического периода — Янку Вэкэреску и Григоре Александреску к таким переводчикам зарубежных творений, как Константин Стамати и Костаке Негруци, затем к Николае Бэлческу (которого автор ошибочно считает создателем «Песни о Румынии»), Д. Болинтиняну, Н. Н. Николяну, Ал. Депэрэцяну, М. Замфиреску, Н. Скуртеску и вплоть до В. Александри и семьи Хашдеу, включая, разумеется, и Богдана Петричейку Хашдеу.

Н. И. Апостолеску строго придерживается исторического метода, что помогло ему открыть многочисленные источники и стать автором внушительного исследования процесса развития румынской литературы под влиянием ее связей с французской. Впервые здесь указано на близость многих текстов, идей, чувств, направлений, но не менее верно и то, что автор часто оставляет без внимания вопрос о самобытности произведений: так, например, «Песнь о Румынии» рассматривается им как свод влияний Шато-бриана, Байрона, Ламенне, Мишле, Библии. Оригинальным признается лишь язык «с его музыкальной звучностью». Предисловие к исследованию Н. И. Апостолеску написал Эмиль Фаге. Ему же и Марио Року посвящена в знак благодарности работа, так как оба были наставниками автора. В предисловии Э. Фаге

подчеркивает оригинальность румынской поэзии, не омраченную влиянием французских романтических творений; «заимствуя основу, самую сущность французского романтизма, румынские поэты поступали, как поэты «Плеяды» в эпоху их оригинального творчества, когда они осваивали поэзию греков и римлян».

Работа Шарля Друэ — первая попытка подробного и широкого исследования французского влияния на Александри, творчество которого рассматривается автором многоаспектно, в частности прослеживаются «французские модели» в лирической и эпической поэзии Александри, в его драматургическом наследии (начиная с Ламартина, Гюго и Готье и кончая более мелкими писателями Франции). Автору исследования пришлось преодолеть сопротивление романтических поклонников «Мирчештского барда», опасавшихся — без всякого на то основания, — что такое подчеркивание инонациональных влияний может затенить оригинальность поэта. Однако Друэ отстаивает «психологическую и литературную пользу» подобного исследования, так как при выявлении зависимости творчества Александри от определенных образцов иностранные элементы им отделялись от собственно авторских и подчеркивалось то новое, что привнес писатель и что определяет специфику его творчества. Это стало возможным потому, что акцент делался на «национализацию» заимствований, на их преобразование в творчестве Александра, что сказывалось в изменении заимствованных им персонажей, мотивов, тем. В работе отмечается также поверхностный характер романтизма поэта на фоне его «классицистического» темперамента.

Исследование французского влияния опиралось на подробную библиографию румыно-французских связей, разработанную Дж. Бенджеску в 1895 г., пересмотренную и расширенную затем в 1907 г.¹ В библиографию были включены французские работы о Румынии, а также труды румынских исследователей, на-

¹ Georges Bengesco: *Bibliographie franco-roumaine du XIX-e siècle*, V. I. Bruxelles, 1895; *Bibliographie franco-roumaine depuis le commencement du XIX-e siècle jusqu'à nos jours*. Deuxième édition augmentée d'une préface, d'un supplément (1895 — 1906) et d'un index alphabétique, Paris, 1907

писанные на французском языке. Позднее, в 1930 г., А. и Дж. Э. Ралли опубликовали франко-румынскую библиографию, охватывающую написанные на французском языке произведения румынских писателей и французские произведения, относящиеся к Румынии¹.

Итальянское влияние на древнюю румынскую литературу и литературу XIX в. основательно изучалось преподавателем итальянского языка Бухарестского университета Рамиро Ортицем и его учениками. Им был опубликован труд «Об истории итальянской культуры в Румынии» (1916). Работа этого неутомимого исследователя румынского средневековья представляет собой некий предварительный синтез тех более детальных трудов, которые появятся позднее и будут опубликованы в сборнике «*Varia romanica*» (1932) и в различных журналах. Печатные издания, выпускаемые румыно-итальянскими компаративистами, приобретают характер периодических изданий. Речь идет о «*Roma*» (1922 — 1944) и «*Studii italiene*» (1934 — 1943), на страницах которых увидело свет много работ по данной тематике. Назовем некоторые из них: «Театр Метастазіо в Румынии» (1934) Ал. Чорэнеску, «Дуилиу Замфиреску и Италия» (1935) Марианы Замфиреску, многочисленные исследования Ал. Марку, преимущественно относящиеся к связям итальянских революционеров с румынскими прогрессивными деятелями 1848 г., «Альфиери и наши революционеры 1848 г.», «Заговорщики и заговоры в эпоху политического возрождения Румынии», затем монография «Александри и Италия» (1929)², «Бенедетто Кроче в румынской культуре» (1940) Нины Фасон, книга, в

¹ Getta Hélène Rally et Alexandre Rally, *Bibliographie franco-roumaine*, Préface de Mario Roques. Première partie, V. I — II, Paris, 1930.

² Al. Marcu, *Romanticii italieni și românii*. Note, București, Cultura Natională, 1924; V. Alecsandri și Italia, București, Academia Română, *Memoriile Secțiunii literare*, Seria III, Tomul III, mem. 9, 1927; *L'Italia in cerca della latinita del Rumeni*, Bucarest, 1927; V. Alecsandri e l'Italia. *Contributo alla storia dei rapporti culturali tra Italia e la Rumania nell'Ottocento*, Roma. Pubblicazioni dell'Istituto per l'Europa Orientale, 1929; *Athenes ou Rome? A propos de l'influence italienne en Roumanie vers 1820*, Paris, H. Champion, 1930; *Torquatto Tasso în romantica românească*, Vol. I, *Studii italiene*, București, 1937.

которой прослеживается распространение идей Кроче и борьба с ними от Ксенопола до Д. Каракости и др. К этому перечню следует добавить работы Дж. Кэлинеску¹, Аниты Белчугэяну, Ал. Балач и др.

Румыно-испанские связи, начало которым положил еще летописец Мирон Костин, переведший «Часы владетелей» Антонио де Гевара, изучались от случая к случаю, начиная с «Истории романских литератур в их развитии и взаимоотношениях» и продолжая изысканиями Овида Денсушяну и его последователей, особенно Ал. Попеску-Телеги. Здесь уместно также упомянуть и вклад Дж. Кэлинеску «Впечатления об испанской литературе» (1946), и курсы лекций академика И. Йордана в области романской филологии. В 1929 г. в Барселоне Н. Йорга выступил на Конгрессе по истории Испании с сообщением об «Отношениях между испанцами и румынами». Затем последовали компаративистские исследования Р. Ортица об отзвуках мотивов итальянского мадригала в испанской и румынской литературах (1924)², а также Ал. Попеску-Телеги, который изучил две драмы Лопе де Вега, представляющие наибольший интерес для нашей истории и литературы (1936)³, кроме того, им исследованы «Схождения и аналогии в румынском и иберийском фольклоре» (1927). В связи с проходившим в Бухаресте под эгидой ЮНЕСКО Международным коллоквиумом, посвященным романским цивилизациям, языкам и литературам, Библиотека Академии наук СРР издала библиографический справочник «Иберийские испано-американские отзвуки в Румынии», составленный Г. Байкулеску, Ал. Дуцу и Доротеей Сасу Цимерман.

Что же касается сравнительного исследования румыно-немецких литературных связей, то к работам, посвященным периоду до XIX в. С. Пушкарю, Траяна Брату или Карла Курта Клейна, вскоре прибавились исследования по XIX в., особенно второй его

¹ G. Călinescu, *Alcuni missionari cattolici italiani nella Moldavia nei secoli XVII e XVIII*, Roma, Școala Română, 1925.

² Ramiro Ortiz, *Per la fortuna di un motive madrigalesco italiano in Ispagna e in Rumania*, Palermo, 1924.

³ Al. Popescu-Telega, *Două drame de Lope de Vega interesând istoria și literatura românilor*, Craiova, Rarnuri, 1936.

половине, когда немецкое влияние становится особенно сильным (начиная с общества «Жунимя») и уравнивается с французским.

Наше сравнительное литературоведение обращается прежде всего к творчеству Михаила Эминеску, чьи связи с немецкой культурой настойчиво исследуются Титом Майореску, Г. Богданом-Дуйкэ, Тудором Виану, Дж. Кэлинеску и Ливиу Русу, чья последняя работа названа «Эминеску и Шопенгауэр» (1966). Следует отметить, что наследие Шопенгауэра привлекает в этой связи особенно пристальное внимание исследователей. Систематическому изучению влияния немецкой культуры на творчество нашего поэта положил начало Тудор Виану своим синтетическим исследованием «Поэзия Эминеску» (1930), в котором рассматриваются связи поэта с немецким романтизмом. Перу того же автора принадлежит и более обширное, хотя и написанное лаконичнее, исследование «Влияние Гегеля на румынскую культуру» (1933). Это своего рода свод различных выступлений, которые, хотя и не касаются непосредственно литературы, затрагивают отдельные ее аспекты в контексте развития всей нашей культуры. Гегельянство, действительно, создало у нас в XIX в. некий культурный климат, что сказалось в творчестве Э. Рэдулеску, М. Когэлничану, Р. Ионеску, М. Эминеску, Т. Майореску и др., а затем в период между двумя мировыми войнами предопределило результаты полемики между Штефаном Зелетином и Эудженом Ловинеску по поводу генезиса нашей цивилизации. Специально гегельянским мотивам в творчестве Эминеску посвящена работа, написанная автором этих строк, «Гегельянские мотивы в творчестве Эминеску», вошедшая позднее в сборник «Понятие всеобщей литературы и сравнительного литературоведения» (1967).

Значительными являются также работы, прослеживающие пути проникновения творчества великих немецких классиков в Румынию. Это исследования «Гёте в румынской литературе» И. Гергела¹ и

¹ Ion Gherghel, Goethe in literature română, с общим обзором всего немецкого влияния; Studiu de literatură comparată, Vol. I, București, Academia Română, Memoriile Secțiunii literare, Seria III, Tomul V, mem. 8, 1931.

«Гейне и его наследие в румынской литературе» И. Е. Тороуцю (1930). Обе работы снабжены богатой, почти исчерпывающей библиографией, охватывающей не только книги и периодические издания, но и переводы. В труде И. Гергела рассматриваются общие аспекты влияния немецкой литературы на румынскую, причем главное внимание уделяется Гёте, переводам его произведений и их подражаниям, о переводах «Фауста» и о распространении фаустианских мотивов в Румынии говорится особенно пространно.

Так как влияние английской культуры началось позднее — на рубеже двух столетий, — то и работы, посвященные ему, появились лишь в этот период. Одно из наиболее развернутых исследований относится к 1924 г., когда бывший преподаватель Клужского университета П. Гримм выпустил в свет работу «Румынские переводы английских произведений и подражания им». Этому труду предшествовали отдельные небольшие статьи, например работы Марку Безы¹ и И. Ботеза «Английские писатели о румынах» (1920). В исследованиях П. Гримма (извлечение из «Daco Romania») рассматриваются переводы с начала XIX в. и до момента выхода работы, анализируется деятельность переводчиков Элиаде и К. А. Росетти вплоть до Дж. Топырчану, М. Драгомиреску и др. В исследовании показано, что объектом переводов и подражаний стали творения Шекспира, Юнга, Оссиана, Байрона, Мильтона, Попа. Сравнение оригиналов и переложений позволяет еще более оттенить достоинства первых.

Краткий обзор англо-румынских исторических связей опубликовал Н. Йорга. Англо-румынскую и румыно-английскую библиографию составил О. Пэдурияну (1946).

Румыно-русские связи, проявившиеся еще в древней литературе, особенно усилились в XIX в., начиная примерно с 1830 г., когда и появляется первый перевод державинской «Оды к богу». Обширным

¹ Marcu Beza, Shakespeare in Roumania, London, 1931; Vechi legături cu Anglia, Bucureşti, Academia Română, Memoriile Secţiunii literare, Seria III, Tomul VIII, mem. 11. 1938.

трудом, в котором рассматриваются различные аспекты этих связей, является названное выше исследование П. КостантINESКУ-ЯШЬ «Культурные русско-румынские связи прошлого» (1954), которому предшествовали в межвоенные годы некоторые специальные исследования Эфросинии Двойченко-Марковой о влиянии Пушкина, Лермонтова, Жуковского на творчество К. Стамати (1934) и других румынских писателей (1937).

Сравнительные румыно-русские и румыно-советские исследования получили в последнее время заметное развитие. Правда, результаты еще не обобщены в крупные монографические труды, за исключением работ Татьяны Николеску «Творчество Гоголя в Румынии» (1959) и «Лев Толстой в румынской литературе» (1963), широко документированных, охватывающих газеты и журналы соответствующих эпох. Вопросы влияния русских классиков на нашу литературу рассматриваются автором с марксистских позиций. Особенно серьезной представляется работа о Л. Толстом — и потому, что в ней почти исчерпан материал темы, и потому, что автор, изучая проникновение и распространение произведений Толстого в Румынии, одновременно исследует отзвуки его творчества в румынской литературе и изучает влияние Л. Толстого на развитие романа в целом.

Особую документальную ценность представляет библиографический справочник Филипа Романа (Барбу Теодореску) о «Русской и советской литературе на румынском языке» (1830 — 1959), охватывающий 8502 названия книг, статей и исследований вплоть до момента выхода справочника (1959). Предисловие к справочнику написала Тамара Гане, предложившая в нем общий обзор русско-румынских отношений на протяжении веков.

Особую главу румынского компаративизма должны были бы составить взаимовлияния румынской литературы с литературами соседних народов Юго-Восточной и Центральной Европы от XIX в. и вплоть до наших дней. К сожалению, работы такого плана крайне редки, хотя ни для кого не составляет секрета, что литературные связи в этом регионе были весьма эффективны и проявлялись в том и другом направ

лении: от других литератур к румынской и от нее — к литературам окружающих народов, причем по линии народного творчества эти связи были еще более тесными. Недавно в Венгрии вышел в свет библиографический обзор румынской литературы (1966) за период 1931 — 1965 гг., составленный преподавателем Будапештского университета Самуэлем Домокошем. В нем отражены история румыно-венгерских литературных связей и тот резонанс, который вызвали в венгерской культуре ценности румынского фольклора и румынской письменной литературы.

Румынскому компаративизму мы обязаны также рядом исследований отношений между различными национальными литературами за пределами Румынии. Среди них труды Н. Шербана на тему «Леопарди и Франция» (1910) и «Альфред де Виньи и Фридрих II» (1920), Ал. Чорэнеску «Ариосто во Франции — с его появления и до конца XVIII в.» (1939), несколько работ Н. И. Кондееску, например «Галилеева система и французское общественное мнение XVIII в.» (1942) или «Западноевропейские концепции идеальной личности со времен Возрождения и до конца XIX в.» (1946), а также труды Тудора Виану о месте зарубежных деятелей культуры в отдельных национальных литературах, например работа о литературном влиянии Ж.-Ж. Руссо в Германии, перепечатанная позднее в сборнике «Исследования по всеобщей литературе и сравнительному литературоведению» (1963) и касающаяся творчества Гёте, Шиллера, Клингсгера, а также «Бури и натиска». В этой связи нельзя не назвать и диссертацию Д. Д. Рошки «Влияние Гегеля на Тэна, теоретика познания и искусства» (1928). Правда, работа Рошки носит прежде всего философский, эстетический характер, но именно поэтому она касается — пусть косвенно — и литературных проблем. Посвященная автором своему сорбоннскому профессору Эмилю Брейеру и недавно переведенная на румынский язык (1968), диссертация интересует нас прежде всего своей второй частью, в которой рассматривается «философия искусства» Тэна и влияние, оказанное на него Гегелем по вопросам «природы искусства, искусства и познания, искусства и природы, методов искусства, иерархии эстети-

ческих ценностей». Общий вывод исследователя таков: «Все наиболее важные эстетические идеи Тэна взяты им у Гегеля».

Особый раздел науки составляют исследования зарубежных ученых, посвященные румынской литературе, которые хотя и не принадлежат непосредственно румынскому компаративизму, но примыкают к нему своей тематикой. Из последних трудов такого рода наиболее важными представляются работы Алена Гильерму о «Внутреннем генезисе поэзии Эминеску» (1946) и Розы дель Конте «Михаил Эминеску, или Об Абсолюте» (1962), в первой части которых содержится компаративистский материал, а во второй — стилистический анализ творчества Эминеску.

Значительную область сравнительного литературоведения составляет изучение родства идей и истории определенных поэтических тем на протяжении веков. В этом плане у нас серьезные традиции, восходящие к исследованиям Б. П. Хашдеу, затем к О. Денсушяну, Н. Картожану. Много сравнительных исследований по народному творчеству, особенно в области народных книг. И здесь вклад Тудора Виану носит исключительный характер, но, так как его работы, в общем-то, хорошо известны, назовем лишь одну из них «Аргези — певец человека» («Песнь человеку», 1964), обширное тематологическое и полигенетическое исследование, в котором развернута панорама социогоний античного мира и современной мысли — от Гесиода и Эсхила до Вергилия и Овидия, от них к Данте и Мильтону, Вольтеру и Руссо, Мишле и Кине, Гюго, парнасианцам и, наконец, к румынским писателям Элиаде и Эминеску. Тем самым творение Аргези «Песнь человеку» оказывается последним звеном в тематической, тысячелетней истории социогонии, образцовым творением новой социалистической культуры.

Румынское сравнительное литературоведение располагает также исследованиями — пусть еще в начальной фазе — традиционных типов мировой литературы или знаменитых легенд. Образцом и здесь могут служить работы Т. Виану „Пафос истины в «Эдипе» и «Гамлете»” и «Прометеевский миф в румынской литературе», позднее помещенные в сборнике «Исследования по всеобщей литературе и сравнитель-

ному литературоведению» (изд. II, 1963). И еще отметим раздел, охватывающий так называемые «параллельные исследования», которые строятся либо на психологической основе, как, например, наша работа «Избирательская общность: Титу Майореску и Гёте», помещенная позднее в сборнике «Понятие всеобщей литературы и сравнительного литературоведения» (1967), либо на идеологической и политической основах, как, например, труд Т. Виану «Мадач и Эминеску» — подлинная дань уважения и любви к поэтам, ярким представителям своих народов, содействовавшим формированию борцов за новую и достойную жизнь.

Следует еще упомянуть богатые по своим литературным экскурсам труды по философии культуры, как, например, «Трилогию культуры» Лучиана Благи, содержащую обильный сравнительно-исторический материал, касающийся типологии культуры, или работы по истории румынской цивилизации Э. Ловинеску и Шт. Зелетина «Румынская буржуазия, ее происхождение и историческая роль» (1925), в которых рассматривается европейский фон развития нашего общества в XIX в.

И наконец, необходимо сказать об участии румынских ученых в работе конгрессов Международной ассоциации компаративистов в Утрехте (1961), Будапеште (1962), Фрибурге (1964), где были особо отмечены выступления Т. Виану, Н. И. Попа, Л. Русу. На Белградском конгрессе (1967) прозвучали выступления наших официальных делегатов Н. И. Попа, Л. Русу, Ал. Димы, Веры Кэлин, Стана Вели и Радуну Никулеску.

На одном из последних конгрессов в Бордо (1970) Румыния была представлена еще более многочисленной делегацией. Было прочитано семь докладов: Л. Русу о «Творческом «я» как источнике поэтической коммуникации и литературной социологии»; Ал. Дима о «Соотношении «литература — общество» в концепции румынской критики и теории литературы»; И. Замфиреску о «Месте древней румынской литературы в средиземноморской культуре»; И. К. Кицимия о «Различных аспектах эзоповской средиземноморской басни в некоторых европейских литературах»; Т. Ни-

колеску о «Теме Италии в русской литературе XIX в.»; М. Новиков о «Литературном творении как общественном отношении»; В. Кэлин об «Условиях, благоприятствующих развитию новой риторики». Кроме того, в Бордо были отправлены работы Паула Корни, Зое Думитреску-Бушуленги и Стана Вели.

Работа конгресса завершилась избранием руководящего комитета, в состав которого от румынской делегации вошел и автор данной работы.

Среди румынских компаративистов особенно выделялся всегда своей активностью Н. И. Попа, еще в межвоенный период игравший роль «посредника» между французской школой Бальдансперже и П. ван Тигема и румынскими журналами. Следует отметить многолетнюю деятельность, особенно в области общекультурной и литературной эстетики, Л. Русу, автора диссертации «Эссе о художественном творчестве» (1935), а также исследования «Эстетика лирической поэзии» (1938), причем ссылки на его диссертацию часто встречаются в зарубежных исследованиях по сравнительному литературоведению.

Профессор Л. Русу участвовал почти во всех конгрессах Международной ассоциации по компаративистике, его работы и выступления получили широкое международное признание благодаря философской концепции, на которой строятся его компаративистские исследования.

Думаю, что следует отметить также деятельность специалистов по мировой литературе и сравнительному литературоведению, преподающих в университетах Бухареста, Ясс, Клужа, Тимишоары, Крайовы. Помимо уже названных работ, следует упомянуть учебник И. Замфиреску по истории мирового театра (т. 1 — 3)¹, Октавяна Георгиу на ту же тему (т. 1 — 2)², труды Веры Кэлин «Байрон» (1961), «Литературные течения и воплощение истории» (1963), «Метаморфозы комических масок» (1966) и «Романтизм»

¹ Ion Zamfirescu, *Istoria universală a teatrului*, vol. I, II, III, București, Editura pentru literatură și artă (începînd din 1958).

² Octavian Gheorghiu, *Istoria teatrului universal*, București, Editura didactică și pedagogică, 1967.

(1970), работы Ромула Мунтяну¹, касающиеся некоторых аспектов просвещения в Дунайских княжествах, а также современного французского романа (1967), сравнительные исследования Зое Думитреску-Бушуленги², посвященные анализу творчества румынских (Крянгэ, Эминеску) и зарубежных классиков, в том числе и произведений сестер Бронте. Отметим ещё одну ее работу о стилях Возрождения, а также статью Матея Кэлинеску о европейском романтизме и титанизме Эминеску (1964), учебники по истории всемирной литературы³, написанные О. Дримбой начиная с 1963 г. Заслуживают внимания из-за своеобразия концепции работы Виктора Янку, особенно о Гёте, Т. Виану и Л. Благе. Естественно, мы не можем здесь перечислить многие новые имена исследователей. Назовем все же Герту Перец (Ясский университет), автора работ о Томасе Манне, Дана Григореску и Сорина Александреску, преподавателей Бухарестского университета.

Эту краткую историю румынского компаративизма представляется уместным закончить обзором наиболее характерных особенностей теории сравнительного литературоведения Тудора Виану, заложившего философские основы этой науки в нашей стране.

Еще в первом издании своей «Эстетики» (1934) Виану уделял особое внимание сравнительным методам, стремясь путем сопоставления различных эстетических форм выявить, как он сам писал, «постоянную суть искусства». Ученый в равной мере применял здесь описание и пояснение, стремясь обосновать «корреляцию между типами искусства и экстраэстетическими факторами».

Обратившись к собственно литературному компаративизму, Т. Виану критически подошел к позитиви-

¹ Romul Munteanu, Contribuția Școlii ardelenе la culturalizarea maselor, București, Editura didactică și pedagogică, 1962. Bertholt Brecht, București, Editura pentru literatură universală, 1966. Noul roman francez, București, Editura pentru literatură universală, 1968.

² Zoe Dumitrescu-Buşulenga, Surorile Brontë, București, Editura tineretului, 1968.

³ Ovidiu Drimba, Istoria literaturii universale, vol. I, II, București, Editura didactică și pedagogică, 1963 și următori.

стской школе, видевшей цель исследований в «накоплении фактов и их расположении в последовательной связи». С полным на то основанием он отвергал чрезмерное подчеркивание иностранных влияний, которое при анализе произведения превращает его в некую «мозаику посторонних воздействий». К этому приводит механическое сопоставление текстов и «рабское подчинение» их зарубежным образцам. Рассматривая далее проблему влияний, Т. Виану отмечал, что мы присутствуем при подлинной «Коперниковой революции» в литературных исследованиях, причем роль Солнца отводится воспринимающей стороне. Что же касается сферы науки, Т. Виану значительно расширяет ее пределы, включая сюда и влияния в смысле изучения форм «пропаганды чужих литературных репутаций», и типологические схождения, обусловленные не общностью источников, а аналогичными социальными и нравственно-психологическими условиями развития литературных явлений. Таким образом, ограниченность прежнего позитивистского подхода к изучению явлений оказывается преодоленной. Выступая с историко-материалистических позиций, ученый поднимается на более высокую ступень исследования.

Среди прочих теоретических проблем Т. Виану занимали и вопросы перевода. Он рассматривал перевод как «лингвистическое творение», выражение равновесия между национальным и чужим. Переводчик, согласно его концепции, — художник, разрабатывающий тему в заранее заданных формальных рамках, а его литературный стиль «приближается к стилю эпических поэтов и виртуозов», то есть «объективных писателей, искусных мастеров художественной формы».

Теоретические проблемы компаративизма наряду с исследованиями источников и общих мотивов занимали внимание Д. Каракости, но прежде всего он ратовал за необходимость сравнительного изучения румынских литературных структур с целью более точного определения их места в мировой литературе.

Систематическое изложение теории сравнительного литературоведения получила в изданном на испан-

ском языке учебнике Ал. Чорэнеску «Принципы сравнительного литературоведения» (1964). Автор, одновременно лингвист и компаративист, изучающий проблемы международных связей испанской литературы, особенно испанского барокко с европейским, предлагает в учебнике четкое изложение проблем науки, которую он трактует преимущественно в духе французского историзма. Согласно концепции Ал. Чорэнеску, предметом сравнительного литературоведения являются «отношения контакта», «отношения интерференции» и «отношения распространения», что, в сущности, соответствует давним положениям французской школы. Особую ценность представляют подробный анализ теоретических проблем и многочисленные исторические ссылки во всемирном — как временном, так и пространственном — масштабе. Названная работа — одно из наиболее ценных пособий по сравнительному литературоведению.

Теория сравнительного литературоведения продолжает развиваться в нашей стране, и в настоящей работе мы попытаемся предложить некоторые новые элементы в целях содействия этому развитию.

Итак, завершая этот беглый исторический обзор, мы можем сделать вывод, что сравнительное литературоведение в нашей стране развивалось одновременно с зарубежным еще с конца прошлого века, что оно охватывает почти все типы компаративистских исследований, представленных в современной науке, что оно обогатилось новыми методами генетического анализа и что перспективы его развития обнадеживающие. Разумеется, многое еще предстоит сделать, и прежде всего после создания Национального комитета по компаративистике организовать издание собственного журнала, в котором нашла бы отражение деятельность наших специалистов в этой области. Первая конференция по сравнительному литературоведению состоялась у нас в июне 1967 г. в Институте истории и теории литературы им. Дж. Кэлинеску Академии наук СРР, и первый сборник компаративистских исследований был выпущен Издательством Академии наук СРР в 1968 г. За ним последовали еще две книги: «Проблемы сравнительного литературоведения и литературной социологии» (1970) под редакцией

проф. М. Новикова и моей и «Исследования по всеобщей литературе и сравнительному литературоведению» под редакцией проф. И. К. Кицимии, охватывающие выступления участников второй Бухарестской конференции, организованной Институтом истории и теории литературы им. Дж. Кэлинеску Академии наук СРР. В ноябре 1971 г. состоялась третья конференция компаративистов в том же институте, на этот раз с участием проф. Жака Вуазина из Сорбонны, в выступлении которого рассматривались проблемы вклада национальных литератур в мировую литературу и специфически румынские аспекты европейских течений.

О названии науки и ее предмете

Терминологические споры не пользуются благосклонностью исследователей. Некоторые считают их просто бессмысленными: важна-де суть, а не название. Думается, однако, что подобное отношение лишено всякого основания. Термины, при помощи которых обозначаются научные понятия, а тем более дисциплины, должны быть предельно точны и строго соответствовать содержанию, так как их появление, постепенное утверждение сопровождается процессом осознания самого содержания, выявление самой сущности понятия. И если все же не всегда удастся подобрать вполне подходящий термин, то это — во многих случаях — вызвано чисто стилистическими трудностями.

У термина «сравнительное литературоведение» своя немалая история, начало которой прослеживается еще в XVIII в. Им пользовались француз Мюраль (1725), англичанин Эндрю (1785), а также многочисленные французские периодические издания того времени: «L'Année littéraire», 1754, «Journal étranger», 1760, «Mercure de France», 1780. В первой половине следующего столетия, по мере становления молодой науки, к нему стали прибегать многие ученые, среди них Ноэль и Лаплас (1818), Вильмен (1827), Жан-Жак Ампер (1832), Луи Бернлау (1849) и, наконец, Сент-Бёв, который, как говорят, окончательно утвердил его в статье, посвященной Жан-Жаку Амперу

При этом следует отметить, что, помимо названного термина, кое-кто из упомянутых выше авторов использовал и другой, более сложный, но зато более точный термин — «сравнительная история литературы» (например, Бернлау и Ампер). И все же начиная со второй половины минувшего века исследователи единодушно отдают предпочтение термину «сравнительное литературоведение», который по-французски звучит «*littérature comparée*», по-итальянски — «*letteratura comparata*», по-испански — «*literatura comparada*», по-японски — «*hikaku bungaku*», по-английски — «*comparative literature*». Правда, немецкие специалисты используют название «*vergleichende Literaturwissenschaft*» либо «*vergleichende Literaturgeschichte*», а голландцы — его кальку. Наиболее точно содержание понятия передает немецкое обозначение, что, впрочем, подчеркивается и во французском издании недавнего времени — учебнике Пишуа и Руссо (1967), авторы которого отмечают, что настоящее время причастия в немецкой формуле более точно передает акт сравнения, нежели французский пассив. И все же термин «*littérature comparée*» был признан почти во всех странах. Заменить его сегодня представляется совершенно невозможным, хотя бы потому, что он относится к тем словам, о которых Ренан говорил, что их следует оберегать даже тогда, когда мы убеждены, что в них содержатся ошибки. А в нашем случае самой большой ошибкой было бы смешивать предмет дисциплины с ней самой — ведь в действительности речь идет не о «сравниваемой литературе», а о науке, цель которой сравнить одну литературу с другой или с несколькими другими. Впрочем, причиной споров служит отчасти и сам характер используемых терминов, относительно которых упомянутые выше авторы учебника иронически замечают, что они заимствованы частично из механики жидкостей (источник, течение, слияние...), отчасти из сферы торговли (агенты распространения, посредники, итоги, ценности и др.), частично из физики (передача, диффузия и т. д.). Лишний повод, чтобы убедиться, насколько перегружен метафорами язык науки и, добавим, насколько порою Они фальсифицируют ее.

Следовательно, принимая общепризнанный термин, мы должны постоянно иметь в виду его подлинное содержание, о чем и пойдет речь в дальнейшем.

Заметим прежде всего, что некоторые ученые склонны отрицать наличие специфического предмета исследования у сравнительного литературоведения и мотивируют это тем, что данная наука строится на использовании такого широкоупотребительного метода, как сравнение. Речь, стало быть, велась всего лишь о методе, в равной мере пригодном для изучения как всемирной, так и любой национальной литературы, а не о специфике предмета. Однако более чем восьмидесятилетний опыт развития науки убедительно выявил ее характерные особенности, о которых нам предстоит более подробно сказать на страницах этой книги.

По мнению других исследователей, предмет сравнительного литературоведения совпадает с предметом фольклористики. И в самом деле, изучение вариантов фольклорных тем, процессов их миграции, взаимоотношений между устной народной и письменной литературой выходит за рамки национальных границ и неизбежно оказывается в поле зрения компаративистов. А так как собственно эстетическое исследование фольклора утверждается во все больших масштабах и литературный фольклор становится предметом анализа и сравнения с письменной литературой, то оба области, конечно же, могут совпадать. Но ведь наша наука изучает не только и не столько фольклорные творения, а в первую очередь и главным образом взаимоотношения между письменными литературами, которые не являются областью фольклористики. Само собой разумеется, что подлинные ценности фольклора используются в литературных произведениях и тем самым представляют интерес для сравнительного Литературоведения. У нас, в Румынии, имеются хорошие традиции анализа художественных произведений народного творчества — от А. Руссо до Ал. Одобеску, от Титу Майореску, Б. Делавранчи до Дж. Кэлинеску. Отрицать право на существование сравнительного; литературоведения пытались и некоторые исследова-

тели истории всемирной литературы, утверждавшие, что предметы двух наук совпадают. В первой главе мы говорили о различии целей этих двух наук. Всеобщая литература держит в поле зрения ценности всемирной сокровищницы литературы, между тем как сравнительное литературоведение исследует взаимоотношения и движение этих ценностей в условиях реальных исторических процессов.

Итак, у нас есть все основания утверждать, что у сравнительного литературоведения имеется свой четкий предмет, к определению которого в самом общем виде мы сейчас и приступим.

На заре развития науки ученые полагали, что сравнительное литературоведение занимается исследованием взаимоотношений разноречивых литератур. Так, Паул ван Тигем считал, что предметом компаративистики «является изучение взаимоотношений различных литератур». В общих чертах, если обратиться к ценностям западного мира, она охватывает «связи между греческой и латинской литературами, вклад этих древних литератур в современные, начиная с периода средневековья и, наконец, взаимоотношения современных литератур»¹.

Более позднее определение предмета приводится нами из учебника Мариуса Франсуа Гюйяра (1965): «Сравнительное литературоведение есть история международных литературных отношений. Компаративизм бодрствует у языковых или национальных рубежей и прослеживает процессы обмена темами, идеями, книгами или чувствами между двумя или несколькими литературами»². В сущности, в этом определении нашла отражение концепция старой французской школы Фернана Бальдансперже и «Журнала сравнительного литературоведения», чей вклад в развитие компаративизма был значителен, особенно в области самих «международных отношений», хотя порой и у Бальдансперже, и в журнале встречалась рутина и чрезмерное нагромождение фактов.

¹ Paul van Tieghem, *La littérature comparée*, Paris, Armand Colins, ed. IV, 1951, p. 57.

² M. F. Guyard, *La littérature comparée*, Paris, 1965, p. 12.

Было, однако, замечено некоторыми учеными — и не без основания, — что компаративистские исследования затрагивают и другие явления, находящиеся за пределами простых литературных связей: так, схождения в литературах вызываются не обязательно прямыми контактами и влияниями, порой мы имеем дело с аналогиями, соответствиями, совпадениями, одновременным протеканием процессов (понятия эти относительно однозначны), которые также должны изучаться сравнительным литературоведением. Все эти явления относятся к области типологических схождений, и о них мы будем говорить подробнее в другой главе настоящей работы. К этому следует добавить еще один — притом весьма важный аспект, — а именно выявление путем сопоставлений специфических особенностей каждой отдельно взятой литературы.

Некоторые ученые, например Пишуа и Руссо, включали в сферу данной науки еще две смежные области — «историю идей» и «литературный структурализм». Паул ван Тигем еще в 1931 г. напоминал о значении «истории идей» в сравнительном литературоведении. Английские исследователи также проявляли к ней усиленный интерес. По их мнению, эта область охватывает философские идеи писателей (Лукреция, скажем, или Шелли), идеи, заимствованные ими у философов (Платона, Гегеля, Шопенгауэра и др.), у философски мыслящих писателей (например, Монтескье, Сартра), а также их религиозные, политические, литературные идеи.

Разумеется, никто не собирается отрицать значение этой области сравнительного литературоведения; но, по сути дела, она представлена в каждом из основных разделов науки и совпадает с ним. В самом деле: история идей рассматривается и в главе о взаимоотношениях литератур и в той, где речь идет о типологических схождениях, и там, где рассматривается специфика литературы, — ведь идеи писателя могут оказаться и плодом влияний, и результатом простых совпадений или могут принадлежать самим писателям.

Что же касается предложения специально и подробно изучать литературный структурализм в сфере

сравнительного литературоведения, то в этом тоже нет никакой необходимости, поскольку проблемы, затрагивающие тематику, мотивы, композицию произведений, перевод и т. д., рассматриваются во всех разделах исследований.

Очевидна также невозможность ограничивать предмет сравнительного литературоведения только международными связями. У этого предмета более емкое содержание, которое удачно передается термином «соотношения» между литературами. Именно поэтому мы предлагаем заменить термин «связи», трактуемый в узком смысле прямых контактов, термином «соотношения», который включает в себя и прочую проблематику сравнительного литературоведения, охватывая как явления параллелизма, так и то, что свойственно лишь отдельно взятой литературе. Следовательно, нам представляется, что сравнительное литературоведение изучает взаимоотношения различных литератур, иными словами, прямые контакты, влияния, заимствования, типологические схождения, а также специфические процессы развития национальных литератур.

Сравнительный анализ предполагает прежде всего наличие двух объектов, которые подлежат сопоставлению. Но если, по общему мнению, эти объекты аксиоматически принадлежат к двум различным литературам, то Р. Уэллек считает, что соотносить возможно и явления одной и той же литературы. В принципе такое соотнесение возможно, но практика показала, что неперенным условием сравнительного анализа в данной науке является рассмотрение взаимоотношений различных литератур, и мы обязаны следовать этой традиции.

Следующий вопрос касается критериев дифференциации сравниваемых явлений. На первый взгляд кажется, что таким критерием может вполне служить язык, что речь идет, стало быть, о сопоставлении разноязычных литератур. В действительности же, в ходе исторического развития возникло немало одноязычных, но отличающихся друг от друга литератур: в Канаде имеется франкоязычная литература, в Северной Америке — англоязычная, в Южной Америке — испаноязычная. Однако их невозможно смешивать с евро-

пейскими — поскольку развивались они в другой среде и положили начало иным традициям. В силу всего этого они — самостоятельные явления, подлежащие сопоставлению, и входят в компетенцию сравнительного литературоведения.

Но мы знаем и другие случаи, когда разноязычные литературы объединены в пределах одного государства, как, например, в Швейцарии, Бельгии или Румынии, где литература на румынском языке сосуществует с литературой на немецком и венгерском языках. При всех языковых различиях эти литературы объединены общими традициями и идеалами, особенно в эпоху социализма, однако и они могут стать предметом компаративистских исследований.

В теоретических трудах последнего времени поднимался также вопрос и о самой сфере исследований: было предложено включить в нее все формы культуры, в том числе и художественной. В конце концов заговорили о так называемых «комплексных компаративистских исследованиях». Идею эту поддержал американский ученый Г. Ремэйк, по мнению которого сопоставлению подлежат и «прочие сферы человеческих отношений»¹, то есть все формы культуры, и прежде всего художественной культуры. Убеденными сторонниками «комплексных исследований» показали себя и некоторые венгерские специалисты. Академик Иштван Шётер трактует эти вопросы с марксистских позиций, обосновывая необходимость, с одной стороны, изучения экономических и социальных основ, классовых позиций, истории цивилизации, а с другой — учета соотношений с другими искусствами и их взаимовлияний.

Нетрудно заметить, что такой подход выглядит не только более комплексным, но и более всеобъемлющим. И все же, по нашему мнению, такое расширение предмета сравнительного литературоведения, вплоть до охвата всех форм культуры — пусть только художественной, — выглядит чрезмерным. В этом случае сравнительное литературоведение превратилось

¹ В сб.; Comparative literature, 1961.

бы в сравнительную философию культуры или в общую науку об искусстве, что значительно превысило бы его объем и усложнило бы задачи исследователей. К методу соотнесения литературных явлений с другими областями художественной культуры, разумеется, придется прибегать при рассмотрении тех явлений, которые подверглись влиянию других видов искусства и в какой-то мере заимствовали у них некоторые специфические аспекты, но это не может служить оправданием для выхода за пределы собственно литературной области.

Важным вопросом, который также относится к числу вводных, является определение временных и пространственных параметров нашей науки.

Что касается изучаемого периода, то до недавних пор, а именно до третьего десятилетия нашего века, подтверждением чему может служить учебник Паула ван Тигема, он начинался с эпохи Возрождения. Исследовались процессы, протекавшие в XVII и последующих веках. Поэтому все настоятельнее ощущалась необходимость вернуться назад по ступеням времени: было предложено обратиться и к средним векам, которыми к тому времени стал заниматься Эрнст Роберт Курциус.

В пользу этого предложения высказались как советские, так и некоторые западные исследователи, в том числе и советский ученый Конрад и француз Этиембль.

Что же касается пространственного охвата, то для всех стала очевидной необходимость преодоления европоцентристских представлений. В прежних работах объектом исследования оказывалась даже не вся европейская сфера, а лишь ее западная часть, между тем как восточная и в определенной мере центральная оставались вне внимания. Мало было, например, трудов о взаимоотношениях различных европейских литератур с русской. И в этом вопросе Н. Конрад и Р. Этиембль единодушны: оба они, как было замечено выше, отвергают европоцентристский подход. Вместе с тем названные ученые, да и не только они, считают необходимым распространить исследования и на Восток, и на Дальний Восток вплоть до Японии. И когда на Белградском конгрессе было предложено

создать историю европейских литератур, то имелось в виду охватить не только Старый Свет, но и Австралию, Северную и Южную Америку, где также можно обнаружить «владения» европейской литературы.

Конечно, подобное расширение сферы исследования во времени и пространстве осложняет само исследование. Но международное сотрудничество, объединенные усилия ученых помогут справиться и с этой трудностью.

СОДЕРЖАНИЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ЛИТЕРАТУРНЫХ СВЯЗЕЙ

Определив в общих чертах предмет сравнительного литературоведения, перейдем к более углубленному рассмотрению основных его областей;

1. Содержание международных связей литератур.
2. Форма, или различные аспекты этих связей.

Что касается содержания международных литературных связей, то оно включает в себя темы, идеи, чувства, образы, стили и определяется структурой литературного явления.

Обратимся прежде всего к тематологическим исследованиям в сравнительном литературоведении, к тому, что определяют обретшим техническую окраску термином «Stoffgeschichte» («история темы») или менее распространенным французским синонимом «tematologie».

Хорошо известно, что тематика составляла наиболее разрабатываемую главу сравнительного литературоведения сперва у немцев, в частности в школе Макса Коха (журнал «Zeitschrift für vergleichende Literaturgeschichte» и серия работ «Studien zur vergleichende Literaturgeschichte»), затем у французов и итальянцев. Число подобного рода исследований непрестанно росло, однако порой их качество оставляло желать лучшего, что и вызвало в конце концов ощущение некоторой пресыщенности и в определенной мере дискредитировало тематологические исследования.

По мнению некоторых ученых, такого рода изыскания подходят разве что для кандидатских и докторских диссертаций, имеющих дидактический характер. Поэтому представляется необходимым рассмотреть здесь вопрос о пользе тематических исследований, тем более что такие авторитетные ученые, как Поль Азар, отказываются включать их в предмет исследования нашей дисциплины, приводя следующие аргументы:

1. Темы представляют всего лишь «литературное сырье», между тем как нашу науку интересуют интерпретации, то есть оригинальные разработки тем. Такое возражение выдвигают Кроче, Бальдансперже и Азар.

2. Темы не имеют особого значения, ибо одной и той же цели могут служить различные темы: например, темы «Фауста», «Манфреда», «Каина» или «Иисуса на горе Елеонской» использованы для ответа на один и тот же вопрос — о человеческой судьбе.

3. Тематические исследования охватывают произведения во временной последовательности их появления, вне связи между собой.

4. Отсюда вытекает, что тематология игнорирует последовательные связи и значение традиций.

5. Тем самым, продолжают противники тематологии, в тени остается проблема источников и влияний, эта столь важная область компаративизма.

6. Изучение тем не способствует выявлению специфики и оригинальности произведений, оно интересуется лишь их общими, одинаковыми чертами.

7. В тематологических исследованиях темы рассматриваются вне исторического контекста и, как правило, привязываются только к одной эпохе. Приводились аргументы и в пользу тематологических исследований. Сошлемся на Этиембля, по мнению которого анализ темы может содействовать пониманию самого произведения, или на большую статью Р. Труссона.

Мы склонны полагать, что возражения против тематологии чаще всего основываются на результатах неудачных исследований, авторы которых так и не постигли подлинного смысла компаративистских изысканий. Тот факт, что в некоторых трудах не решена проблема преемственности, не рассматриваются воп-

росы влияний и заимствований, не подчеркивается оригинальность произведений, объединенных общей тематикой, то, что тема порой рассматривается вне исторического контекста, свидетельствует о неудаче самого исследования, а не о бесполезности постановки такой проблематики.

Подлинно научное исследование такого типа не может обойтись без внимательного изучения традиционных линий темы, того, что связывает между собой произведения на протяжении веков, а также без выявления специфического, неповторимого характера каждого произведения с учетом исторических условий, в которых оно возникло. Вот почему аргументы четвертый, пятый, шестой и седьмой мы считаем неубедительными.

Что же касается других аргументов, то наши возражения сводятся к следующему: темы — это не «литературное сырье», они, как замечал Р. Труссон, говоря о мифах, уже в момент обращения к ним выступают как «относительно оформившиеся в литературном отношении мифологические рассказы». Да и само обращение к той или иной теме свидетельствует об определенной идеологической позиции автора, следовательно, элементы «переработки» присутствуют в самом начале. Это значит, что темы являются необходимыми отправными точками, отнюдь не безразличными для исследователей.

Трудно согласиться и со вторым аргументом, согласно которому несколько тем могут служить одной и той же цели. Да и верно ли, что тематика «Фауста», «Манфреда» или «Иисуса на Елеонской горе» совершенно одинакова? То общее, что им присуще, носит слишком поверхностный характер, как и сама формула «человеческая судьба». А то, что тематологические исследования сводятся, в сущности, к простым перечням произведений, — утверждение, также основывающееся на неудачах отдельных исследований.

Итак, мы можем сделать вывод вместе с Р. Труссоном, контраргументы которого мы немного дополнили, что нет никаких серьезных оснований для того, чтобы исключить тематологию из пределов сравнительного литературоведения, как, впрочем, и всей науки о литературе в целом.

И наконец, добавим ко всему сказанному, что и последний аргумент, согласно которому подобные исследования представлены в большом обилии, тоже не выдерживает критики: во многих национальных литературах, включая и румынскую, разработка тематологии находится еще в начальной стадии.

Для П. ван Тигема темы — это «безличные ситуации, традиционные мотивы, сюжеты, места действия, фон, обычаи» и т. д. К ним он присоединяет типы и легенды, намечая тем самым три четко разграниченные категории тем.

Прежде чем перейти к характеристике этой пестрой смеси, попытаемся навести в ней некоторый порядок. Темы, например, невозможно смешивать с мотивами и тем более сюжетами. Первые, в сущности, гораздо шире остальных: мотивы — это импульсы, которые частично обуславливают действия в рамках тем, характеризующихся большей широтой, а сюжеты выступают как формы, обусловленные своей внутренней мотивировкой. Темы обычно охватывают более широкое, обобщенное содержание, но без конкретизации. Следовательно, надо разграничивать эти термины: говорить о темах и мотивах, с одной стороны, о сюжетах — с другой, или о темах и сюжетах, различая соответственно их сущности. По той же причине нет никакой необходимости прибегать к трехчленной классификации, ибо типы и легенды, по существу, те же темы: тип Антигоны или Прометея в действительности темы, конкретизированные в героях, а легенды — не что иное, как категория специальных тем, охватывающих мифических героев и сверхчеловеческие действия.

Назовем несколько наиболее важных тем, привлечших внимание или способных привлечь внимание компаративистов.

Прежде всего это темы, охватывающие самые общие типические ситуации — например, жертва во имя долга, неверность, месть, ревность и т. д. Мы знаем весьма давние попытки свести все темы, особенно в области романа и драматургии, к небольшому числу фундаментальных тем. Приведем одну такую тему, которая находит яркое воплощение в типическом образе, то есть наблюдается тождество темы и типа. Мы

имеем в виду типическую ситуацию мести, конкретизированную, например, в образе Медеи. Истоки темы связаны с древним мифом аргонавтов, воспетых эпическими и лирическими поэтами античной Греции. Первым трагедийным воплощением мы обязаны, как известно, Еврипиду, который создал характеры потрясающей силы и тем самым положил начало подлинной традиции, объединившей ряд латинских авторов, оставшихся неизвестными, затем Овидию, чья трагедия утеряна, и, наконец, Сенеке. И в последующие века обращались к этой теме: в XVI в. Хуан де ла Пейруз — подражатель Сенеки, а затем, в эпоху классицизма, — Корнель. В XVIII в. во Франции, Германии, Италии появляются произведения на ту же тему, а в XIX в. Франц Грильпарцер сочиняет трагедию с тем же названием. Можно было бы, конечно, вспомнить и о многочисленных вариантах, принадлежащих перу более мелких писателей, а также о музыкальных произведениях XVII — XIX вв., лучшим среди которых остается творение Луиджи Марио Керубини (конец XVIII в.). Следует напомнить и о картинах, написанных Э. Делакруа и Г. Моро.

Само собой разумеется, что при исследовании подобной темы должны соблюдаться все вышеизложенные требования, а именно: выявлены традиции, прослежены — непрерывность темы, различные обращения к ней на протяжении веков, оригинальность интерпретаций, влияния одних произведений на другие и т. д.

Другая категория тем связана с географическими местами, наиболее часто встречающимися в мировой литературе, — Рим, Венеция, Италия, Париж и др. Обратимся в качестве примера к Венеции. Специалист по сравнительному литературоведению мог бы назвать целый ряд произведений на эту тему начиная с трагедии конца XVII в. англичанина Томаса Отуэя «Спасенная Венеция, или Раскрытый заговор» (1682), пользовавшейся шумным успехом в свое время и даже в последующее столетие и написанной в свою очередь на основе работы француза Сен Реала «Заговор испанцев против Венецианской Республики в 1618 г.». Драма английского писателя была переведена на немецкий язык и переработана в 1905 г. Гуго

фон Гофмансталем («Спасенная Венеция»). Против нее резко выступил Стефан Георг. Позднее Томас Манн написал большой рассказ «Смерть в Венеции» (1912), затем Морис Баррес также описал «мертвый город» в произведении «Amor et dolori sacrum» («Что свято в любви и страдании»), в котором рассказал о пребывании здесь Гёте, Шатобриана, Байрона, Мюссе, Жорж Санд, Рихарда Вагнера. Вспомним и о румынских произведениях на эту тему, в первую очередь о сонете Эминеску.

Мы далеки от мысли, что тождество места дает основание для утверждения о тождестве темы. В первых трех произведениях ощутима политическая направленность, в остальных — превалирует художественный аспект. Общим остается лишь мотив воздействия духовного климата итальянского города на соответствующих героев или авторов.

Другую тематическую группу составляют «предметы» в самом общем смысле слова, то есть растения, животные, неодушевленные предметы и т. д. Приведем пример на этот раз из области румынской компаративистики, а именно поэтическую тему „розы”, исследованную в итальянской и французской литературе Возрождения Анитой Белчугэцяну «Către roșam» (1931). Используя в качестве отправной точки частичные изыскания Рамиро Ортица, Поля Ломонье, А. Саинати, Г. Могена, Л. П. Томаса, автор предлагает широкий обзор истории темы. В исследовании анализируются произведения античной — греческой и латинской поэзии, затем латинской, французской и итальянской поэзии средневековья и, наконец, поэзии французского и итальянского Возрождения. Автор обнаруживает корни темы в Библии и прослеживает ее дальнейшее развитие, причем показывает и непрерывность традиции, и своеобразие каждого произведения, и влияние одних произведений на другие.

Другая группа тем объединяет наиболее распространенные в мировой литературе национальные типы: турок, еврей, венгр, немец, англичанин и т. д.; профессиональные — солдат, офицер, слуга, субретка, куртизанка и т. д., и социальные — крестьянин, аристократ, пролетарий и т. д. Возьмем в качестве примера тип крестьянина в мировой литературе. Только в эпоху

Возрождения можно назвать комедию Лопе де Вега «Крестьянин в своей яме» (1617), Тирсо де Молина «Крестьянка из Валлекоса» (1620), позднее роман Мариво «Крестьянин, вышедший в люди» (1735), известный роман Бальзака «Крестьяне» (1846) и «Мужиков» Реймонта (1909). Этот перечень можно дополнить творениями румынских прозаиков — Александри, Ребряну, Марина Преда, Иона Лэнкрэнжана и многими другими произведениями. Конечно же, и внутри этой темы можно выделить различные мотивы и разные аспекты воплощения образа крестьянина: эксплуатируемого, разбогатевшего, бунтаря и т. д.

Особые группы составляют легендарные типы — библейские — Сатана, Каин или Иуда; греческого происхождения — Прометей, Эдип, Медея, Сапфо, Меандр, или возникшие на основе народных преданий — Фауст, Дон Жуан. Рассмотрим тему «Прометей», которой посвятил большое исследование Р. Труссон. Список привлеченных произведений исключительно разнообразен: от античных мифов к Гесиоду и до первого художественного воплощения в трагедии Эсхила «Прикованный Прометей». Затем этот образ вновь появляется в средние века в христианском обличье, но особой выразительности он достигает в эпоху Возрождения и в сочинениях эрудитов по мифологии, подобных работе Боккаччо (1360), и в творениях мыслителей эпохи — Фичин-о, Эразма, Бэкона, Бруно, и в произведениях поэтов Возрождения, и, наконец, у петраркистов; затем в XVII — XVIII вв. у энциклопедистов, после чего появляются фрагменты Гёте и Гердера, Прометей романтиков (начиная с Шелли). К этой же теме обращались и во второй половине XIX в., и в нашем столетии. В исследовании Труссона тщательно рассмотрены как аспекты преемственности, так и самобытность различных вариантов, при этом не упускаются из виду ни общеисторические экскурсы, ни частнолитературные ссылки, ни соответствующие эстетические выводы. Особенно хочется отметить, что в работе Труссона¹ имеются материалы, связанные с литературами народов Восточной Европы, и в част-

¹ R. Trousson, *Le thème de Prométhée dans la littérature européenne*, Geneva, Droz, 1964.

ности нашей. Здесь уместно также напомнить, что Тудор Виану является автором исследования «Миф о Прометее в румынской литературе», к которому предпослано введение о разработке темы в мировой литературе¹. Хочется сказать несколько слов о другом легендарном типе, созданном в более близкую нам эпоху, — образе Дон Жуана. Образ этот вызвал одну из наиболее оживленных тематологических традиций. Первоисточник его появления до сих пор твердо не установлен, специалисты колеблются между легендами Италии, Португалии и Германии, в которых герой выглядит порой фантастическим существом, порою реальным лицом.

Первым литературным произведением на эту тему была драма Тирсо де Молина «Севильский озорник, или Каменный гость» (1630), за которой последовали многочисленные комедии «dell'arte» с тем же сюжетом, как, например, Джилиберто и Чиконьини в том же XVII в. Затем к теме Дон Жуана обращались Мольер (1665), Тома Корнель (стихотворное подражание с тем же названием, 1673), испанец Антонио де Заморра (1714), Гольдони (1730), после чего следуют блистательные романтические воплощения — музыкальная новелла Гофмана, эпическая сатира Байрона (1819 — 1824), трагедия Пушкина «Каменный гость» (1830), фантастическая драма Дюма-отца «Дон Жуан де Марана, или Падение ангела» (1837), драматическая поэма Н. Ленау «Дон-Жуан» (1851). К этим наиболее известным интерпретациям надо прибавить и работы иного характера: Альфреда де Мюссе, Теофиля Готье, К. Толстого, Жюль Барбе Д'Оревильи, Эдмона Арокура (1848), Бернарда Шоу с его «Человеком и сверхчеловеком» и многих других. Вспомним и значительную музыкальную традицию, которая ведет начало от Моцарта (1787) до Рихарда Штрауса (1887). Этот богатейший материал был умело использован в комплексном исследовании Жандарма де Бевотта «Легенда о Дон-Жуане от истоков до романтизма» (1929).

Другим важным аспектом структуры литературного явления признаны идеи, и потому они, естествен-

¹ T. Vianu, *Studii de literatură universală și comparată*, ed. II, București, Editura Academiei R. P. România, 1963.

но, тоже находятся в поле зрения исследователей-компаративистов. Паул ван Тигем после 1931 г. ввел в сравнительное литературоведение в качестве важного направления исследование «истории идей». Десятилетие спустя это начинание горячо поддержали англичане. Под «идеями» мы здесь понимаем не абстрактное суждение вообще, анализом которого по праву занимается философия, а лишь те интеллектуальные выводы, которые обусловлены внутренним миром писателя или обуславливают его. Это зона пересечения философии и литературного искусства, где упор делается, разумеется, на эмоцию, порожденную идеями.

В общих чертах идеи выступают в литературе в двух видах: одни вытекают из содержания литературного произведения, например «Лучафэрул», «Бедный Дионис», поэмы Леопарди, Виньи, истоки которых выявляются путем сравнительных исследований; другие отражают сущность всего творчества писателя, его мировоззрение («Weltanschauung»), на которое могли оказать влияние и философы, и великие художники слова, например Руссо, Шопенгауэр, Ницше, Толстой, немецкие экзистенциалисты и т. д. Истории литературы известны имена писателей-философов или философов-писателей Платона, Монтеня, Паскаля, Руссо, Сартра. В нашей литературе следует назвать по крайней мере Лучиана Благу.

Сравнительные исследования такого рода должны в равной мере касаться как философского, так и литературного планов. Впрочем, разделить их просто невозможно.

Типичными образцами исследования истории идей являются, несомненно, труды Поля Азара (1874 — 1944), о которых мы уже упоминали. В своем первом труде, «Кризис европейского сознания» (1935), великий французский компаративист изучает небольшой отрезок времени протяженностью 35 лет, 1680 — 1715 гг., который представляет как раз переходный момент к эпохе нового расцвета литературы — от Расина к Фонтенелю и от него к Вольтеру. Азар утверждает, что это время перехода от старого к новому, перенесения центра тяжести культуры с юга на север. Распространение литературных и философских идей

принимает все более широкий размах, охватывая Англию, Германию, Францию и Голландию. Это время, когда начинается штурм во имя разума против традиционных концепций. На горизонте уже виден новый идеал, который найдет выражение в XVIII в. в эмпиризме Локка, итальянском деизме, франкмасонстве, разработке естественного права, новой общественной морали.

Во второй работе Азара, «Европейская мысль 18 века» (1946), дан блестящий анализ эволюции к просветительству. Исследователь рассматривает давно известные, казалось бы, факты, но открывает в них, в духе своего времени, основополагающий смысл. Так, например, он рассматривает суд над христианством, в котором участвовали Вольтер, Лессинг и Геновези, и выясняет контуры той «твердыни человека», которая будет противопоставлена «твердыне бога».

Оба исследования, ставшие классическими, отличаются широкими обобщениями, в них намечены связи между философскими и литературными идеями, появившимися в нескольких западноевропейских странах. Таким образом, в работах создается целостная картина перехода от классицизма к романтизму. Исследования Поля Азара можно считать подлинными образцами работ по «всеобщей литературе», в определенных рамках они могут служить примером для новых трудов по истории европейских литератур, которые намечаются Международной ассоциацией компаративистов.

Рассмотрим некоторые наиболее важные группы идей, которые составили или могут составить предмет сравнительных исследований.

Это прежде всего философские идеи, подобные тем, что стали предметом изучения в трудах Поля Азара. В этом смысле XVIII в. представляет наиболее благоприятную почву. Компаративисты исследуют философские идеи тех или иных литературных произведений либо литературных течений от народа к народу, выявляя, как уже упоминалось выше, совпадения между философией и литературой. Сюда же можно отнести и религиозные идеи как некий раздел философских. Они присутствуют в произведениях таких писателей, как Паскаль, Клопшток, Лессинг, Но-

балис, Мильтон, Ламартин, Достоевский и Др. Те или иные религиозные либо антирелигиозные идеи и тенденции встречаются почти во все литературные эпохи, и обязанность сравнительного литературоведения — выявить их источники, которые можно обнаружить и в Библии, и в творениях писателей, и в идеях различных наций или литературных течений. При изучении истории религиозных идей такие источники обнаруживаются в произведениях Паскаля, Боссюэ, Фенелона, Вольтера, Руссо, Шатобриана, Ламенне и др. Труд Ламенне «Слова верующего» (1833) получил широкую известность, был переведен в нашей стране в 1843 г. неким И. Ману из города Блаж, а в 1848 г. — Дионисием Романо и оказал несомненное влияние на Элиаде Рэдулеску и Чезара Боллиака. Нет сомнения, что работа Ламенне оказала воздействие на «Песнь о Румынии» Алеку Руссо, о чем свидетельствуют сходная композиционная структура, мессианский риторический стиль, созвучный эпохе революции 1848 г.

Особую категорию в истории идей составляют нравственные идеи. Такого рода идеи, естественно, встречаются в очень многих литературных произведениях, ибо они затрагивают самые различные аспекты человеческой жизни, самой ее сущности. Примат нравственного сознания — явление столь частое, что в литературе крайне затруднительно отобрать лучшие произведения на протяжении любого периода, скажем от античности до Ибсена. Наиболее показательной в этом плане является трагедия Корнеля «Полиевкт», написанная в 1643 г. Согласно утверждениям самого автора, источником послужило творение Симеона Метафраста «Святой Полиевкт», в котором он поведал трагическую историю героя, защитника христиан от преследований римских властей, осужденного на смерть и казненного собственным тестем. Автором затронут целый комплекс нравственных проблем, и работу Корнеля наряду с ее источником следует поставить в один ряд со многими музыкальными творениями на ту же тему — Доницетти (1840), Гуно (1878), Дюка (1891).

Весьма важным для развития литературы было нравственное воздействие творчества Петрарки, воспринимавшееся как некий свод этических правил XV

и XVI вв., затем Монтеня, чьи «Опыты» нашли большое количество последователей в Англии, а также среди французских моралистов XVII в., оказавших позднее влияние на Шопенгауэра, Ницше, Руссо и Л. Толстого, творчеству которого Маркович посвятил свое исследование, вышедшее в 1928 г.

Весьма любопытна категория научных идей, постоянно оказывавшая заметное воздействие на литературу. Так, например, научные теории биологов и социологов конца минувшего столетия сказались в творчестве Эмиля Золя, а декаденты подверглись воздействию идей психиатрии и психоанализа. «Ученая поэзия» существовала еще в пору «Плеяды», а новые открытия науки нашего времени неоднократно привлекали внимание литературы.

Особое значение представляли, конечно же, эстетические идеи, которые получили широкое хождение еще в эпоху Возрождения и быстро распространились из Италии во многие уголки Европы в рамках классицистических воззрений на искусство. Влияние Аристотеля на Горация и обоих на деятелей Возрождения, а также Буало или Дидро на Лессинга, распространение различных романтических идей в странах Запада, иноземные влияния на нашего Элиаде, с такой убедительностью показанные Д. Поповичем, — вот лишь некоторые аспекты этой столь плодотворной области исследования.

И еще следует назвать политические идеи, которые мы находим в творениях многих философов — от Платона до Бэкона, Гоббса, Макиавелли, Локка, Вико, Гегеля, К. Маркса. Литература — во все периоды своего развития — постоянно обращалась к описанию больших и малых политических и общественных событий. При этом национальные элементы переплетались с интернациональными, одни политические концепции влияли на другие; и у сравнительного литературоведения нет никаких причин игнорировать столь богатое идейное наследие.

Теперь мы перейдем от рассмотрения идей, которые, как мы уже заметили, важны для литературы, скорее, тем отзвуком, который они вызывают в духовном мире художника, к самому духовному миру творца, того внутреннего «я», которое, казалось бы, не-

возможно передать другому, так как чисто личный характер чувства несовместим с широкой коммуникацией. Однако существуют, как замечал еще Паул ван Тигем, многочисленные коллективные чувства, как, например, чувство патриотизма, чести, семейной чести, гостеприимства, мести, которые можно исследовать в плане влияний и преемственности. О воплощении в литературе чувства самой жестокой мести мы уже говорили в связи с проблемой тематологических исследований. Представляется необходимым обратить особое внимание на литературу сентиментализма, в которой мир чувств занимает основное место как некая решительная, почти вызывающая реакция против рассудочности и ее крайних проявлений. Мы знаем, что во второй половине XVIII в. произошло что-то вроде «революции чувства в литературе» и произведения той поры — типичный образец такой литературы. Но до этого времени особый взлет чувства можно было наблюдать в XII и XIII вв. в поэзии трубадуров. Возникнув в Провансе, поэзия эта вскоре проникла в Северную Францию, Германию и Италию. Энгельс подчеркивал, что «провансальское поэтическое искусство было в то время для всех романских народов и даже для немцев и англичан непревзойденным образцом». Лирика трубадуров была, как известно, придворной поэзией, облакавшей в учтивые рыцарские выражения любовные темы. О ее распространении свидетельствует тот факт, что уже известны имена 400 певцов, а другие 70 остались неопознанными. Наиболее известны среди них: Гильом IX, герцог Аквитанский, граф де Пуатье, а также Джауфре Рюдель, Блэйский принц и др.

Культивирование чувствительности принимает в XVIII в. форму подлинной моды. К этому времени и относится возникновение нового направления — сентиментализма, представленного в Западной Европе творениями Прево, Ричардсона, Руссо и Гёте, автора «Вертера». Эти романы, большей частью в письмах — а форма письма была уже сама по себе проявлением особой чувствительности, — пользовались в свое время огромным успехом. При этом английская литература оказала мощное воздействие на литературу Франции и Германии, а они в свою очередь влияли друг на друга.

друга. Письма из «Памелы», «Амалии», «Новой Элоизы», «Вертера» буквально наводнили эпоху, они воспевали чувство и поощряли его. Тогда-то и появились те самые «назидательные и моральные чувства», в которых мир эмоций и идей сливался воедино. Самуэль Ричардсон даже извлек из собственного творения «антологию назидательных изречений и чувств». Предромантизм и романтизм благоприятствовали развитию сентиментальной поэзии, так как они постоянно обращались к теме смерти, гибели всего живого. Отсюда описание и воспевание руин, столь распространенное во всей европейской литературе, в том числе и в нашей (творчество Кырлова, Александреску и Элиаде). То же самое произошло и с другими категориями чувств, в том числе с любовью к природе, достигшей особой эмоциональной силы у романтиков, хотя и до этого оно неоднократно встречалось в самых различных произведениях.

К области сравнительного литературоведения относится, далее, изучение литературных жанров и видов, рассматриваемых в международном контексте. И в самом деле, развитие жанров и видов никогда не ограничивалось тесными рамками отдельной литературы, оно охватывало не одну, а несколько эпох. Следовательно, разработка истории литературных жанров возможна лишь при условии их сравнительного изучения.

Категории и теория жанров и видов претерпели значительные изменения на протяжении веков — от классического периода к неоклассическому, от Аристотеля и Горация к Буало, от них к XVIII в., затем в эпоху романтизма и далее, вплоть до нашего времени. После мощного удара, полученного ими в пору романтизма, когда они отнюдь не исчезли, как полагают некоторые исследователи, а просто перемешались, усилив при этом отдельные свои характерные особенности, жанры и виды снова утверждаются под влиянием классификации естественных наук. Решительная позиция Брюнетьера и вызванные ею преувеличения и извращения обусловили общую тенденцию недооценки жанров и видов. Удивительно ли, что в подобной атмосфере Кроче приходит в начале нашего века к полному их отрицанию. Исходя из сво-

ей концепции, согласно которой явления искусства неповторимы, а следовательно, не поддаются классификации, итальянский эстетик считал жанры и виды просто ярлыками, названиями, лишенными реального содержания, точнее, простым проявлением номинализма. Более поздние теории, однако, не только не подтвердили эти негативистские концепции, но отвергли их по той простой причине, что они игнорируют реальные исторические факты. А факты эти свидетельствуют о постоянном существовании специфических типов композиционной организации и интеграции литературных структур, несмотря на то что со временем они подвергаются значительным изменениям. Уэллек и Уоррен считают жанры и виды некими «учреждениями», а их теорию — «принципом установления порядка», ибо с их помощью «литературные и историко-литературные явления классифицируются не с точки зрения времени или места, а в зависимости от определенных специфических типов композиционной организации литературных произведений»¹.

Ошибочное отношение романтиков и Кроче к жанрам и видам ныне преодолено. При этом нам видится и необходимость уточнения терминологии: нельзя согласиться с наблюдаемым порой смешением жанров и видов. В конце концов, почему бы не остановиться на терминах «жанр» для обозначения трех основных литературных родов — лирики, эпоса и драмы — и «вид» для многочисленных членений внутри рода — эссе, рассказ, роман, размышление, ода, сатира, комедия, трагедия и т.д.?

Исследование жанров и видов, то есть то, что Паул ван Тигем предлагает назвать несколько странно «жанрологией», возможно, как мы уже указывали выше, лишь в международном контексте, следовательно, оно специфическая область нашей дисциплины. Предметом историко-сопоставительных исследований может стать любой жанр и любой вид. Так, эволюцию дорожного или фантастического рассказа можно проследить, изучая произведения от Сирано де Бержерака до Свифта, Гольберга и Вольтера. В пос-

¹ R. Wellek, A. Warren, *Theory of literature*, 1948, 3-ed., 1963.

леднем случае выясняется, что еще до Боккаччо, до того, как итальянцы треченто стали применять термин «новелла», существовало множество героических и сентиментальных, реалистических, сатирических и фривольных рассказов, даже фабль. Но вид как таковой появляется лишь после того, как, освободившись от элементов аллегоричности и дидактизма, а также от простонародной грубоватости, он окончательно оформился в «Декамероне» Боккаччо (1350 — 1355), за которым последовала целая серия сборников итальянских новелл XIV — XVI вв. Это подлинный золотой век новеллы, ставшей к тому времени реалистически-сатирической и весьма игривой. Начиная с XIV в. новелла встречается в различных уголках Европы: в Англии выходят «Кентерберийские рассказы» Чосера (1387), в Испании — «Граф Луканор» Х. Мануэля, Кастильского инфанта. XV и XVI в. — пора расцвета буржуазной галантной новеллы, пронизанной нравственным скептицизмом и даже цинизмом. Образцом могут служить произведения сборника «Сто новых новелл». Следующий век отмечен кульминационным моментом в истории вида. Это «Назидательные новеллы» Сервантеса (1613), в которых разрабатываются не только пасторальные и рыцарские галантные сюжеты — причем многие под итальянским влиянием, — но и оригинальные темы. Великий испанский писатель взрывает существующие рамки итальянской новеллы и создает образцы эстетически-стройного литературного вида, воплощая при этом специфические черты жизни своих соотечественников в современную ему эпоху и создавая значительные — как в психологическом, так и в стилистическом плане — художественные ценности. В XVII столетии, при всем предпочтении, которое отдается жеманному роману, бурлеску, продолжается увлечение новеллами Скаррона и Буаробера и особенно стихотворными рассказами и новеллами Лафонтена, воскресившего традиции Боккаччо и фабль. Следует заметить, что к этому времени претерпевает изменение само понятие «новелла»: оно обозначает теперь и сентиментальный рассказ. Подобного рода новеллой является «Принцесса Клевская» графини де Лафайет. В XVIII в. продолжается развитие новеллы в

творчестве Лесажа, Прево, Дидро, правда теперь, в соответствии с духом эпохи Просвещения, предпочтение отдается философскому рассказу. Романтизм также помог — своими специфическими изобразительно-выразительными средствами — развитию новеллы, которая, отличаясь особой сжатостью, значительно усиливает эмоциональное воздействие произведения, к чему и стремились представители этого течения. В новеллистике Мериме, Нодье, Бальзака, Нерваля и др. отражены наиболее характерные особенности романтического искусства. Произведения Доде и Мопассана — свидетельства дальнейшего развития новеллы в натуралистической литературе. В Германии романтизм содействует развитию фантастической новеллы Арнима, Гофмана и Тика, причем последний даже разработал теорию, согласно которой новелла якобы «разрешает противоречия жизни, она примиряет идеализм с реализмом».

Реалистические тенденции обнаруживаются позднее в произведениях Шторма, Келлера и Мейера. В Англии новелла получает развитие в творчестве Диккенса, Стивенсона, Киплинга, Лоуренса, Менсфилд, Моэма. Америка представлена фантастической новеллой Э. По, а в XX в. творениями Ш. Андерсона. Особую главу составляет русский рассказ: Пушкина, Гоголя, Л. Толстого, Чехова. В Италии называют прежде всего имена Дж. Верги и Л. Пиранделло. В последние десятилетия прошлого века казалось, что новелла отошла на задний план, уступив свои позиции роману. Начались дискуссии, заговорили даже о «кризисе новеллы», однако благодаря усилиям Аполлинера, Мориака, Сартра престиж новеллы был снова восстановлен.

Мы представили здесь, разумеется, лишь краткий исторический набросок развития новеллы, но даже в этом небольшом обзоре можно проследить не только этапы ее развития, но и те заимствования и влияния, которые в каждую эпоху, в творчестве каждого писателя содействовали ее становлению.

Не меньший интерес представляет и развитие романа — литературного вида, наиболее характерного для нашей эпохи. Роману посвящено большое число широко распространенных исследований, рассматри-

вающих преимущественно современное его состояние. Им предшествовали, конечно, более давние работы, как, например, исследование Луи Мэгрона об историческом романе в романтическую эпоху¹. Развитие исторического романа прослеживается в работе Мэгрона от произведений его основоположника В. Скотта до романов Виньи, Бальзака, Мериме и Гюго. В центре внимания автора не творец, а структура самого произведения, техника его создания, — и в этом плане, как показано в работе, французы так и не смогли подняться до уровня произведений Скотта.

Предметом сравнительных исследований могут стать, естественно, и виды лирического жанра — сатира, басня, элегия, размышление, — развитие которых наблюдается как в вертикальном, так и в горизонтальном срезе во многих литературах. Одной из наиболее предпочитаемых тем в этом отношении является влияние некоторых литературных школ, например петраркизма. Его воздействие прослеживается в работе Ж. Вианея (1909) с XVI и до XVIII в., в румынской работе Ж. Ливеску о петраркизме в Германии².

Само собой разумеется, что и проблемы драматургии привлекали внимание компаративистов. Судьба классической трагедии, властвовавшей в продолжение трех столетий на театральных подмостках Европы, влияние Корнеля и Расина на драматургию Англии, Голландии (работа Бауэнса, 1921) и Румынии (работа Н. Шербана, 1940)³ не могли не заинтересовать исследователей. То же самое происходит и с комедией: в исследовании Мартинанша, например, рассматриваются проблемы испанской комедии и ее отзвуки в литературе Франции, Англии, Голландии, Германии. Естественно, что с не меньшим интересом прослеживалось воздействие творений Мольера вплоть до XIX в.; весьма значительной является тема влияния шекспировской драмы. Гундольф, например, рассматривал эти влияния на «немецкий дух» в трех аспек-

¹ L. Maigrón, *Le roman historique a l'époque romantique*, Paris, 1898 — 1912.

² J. Livescu, *Deutscher Petrarchismus im 18. Jahrhundert*, 1943.

³ N. Şerban, *Racine en Roumanie*, 1940

тах: с точки зрения «предмета, формы и содержания». Напомним в этой связи и работу Тудора Виану о воздействии шекспировских творений на литературу Европы¹.

Нетрудно догадаться, что о литературных жанрах и видах можно написать самые разнообразные сравнительно-исторические работы, и потому приведенные нами в этом разделе исследования — как, впрочем, и во всех других разделах — служат всего лишь иллюстрацией к сказанному.

Характерным аспектом структуры литературного произведения является композиция, или, как ее еще называют, «общая архитектура произведения». Особый интерес проблемы композиции вызывали еще в прошлом веке. Правда, не обошлось и без некоторых догматических трактовок: Поль Бурже, например, выступал за четко геометрически построенный роман. На самом деле иные литературные виды могут прекрасно обойтись и без четкой композиции. Еще «Годы учения Вильгельма Майстера» Гёте и «Дэвид Копперфилд» Диккенса свидетельствовали о явном отсутствии интереса авторов к проблемам композиции. А. Тибодэ отрицал наличие композиции в лирической поэзии, спонтанный характер которой несовместим с любой заранее разработанной формой организации. Если вспомнить, однако, что отсутствие композиции, столь характерное для современного «нового» романа, есть, по сути дела, форма утверждения некой композиции, а именно нарочитого беспорядка как средства отражения определенных жизненных концепций, то станет ясно, что нельзя так легко отказываться от очень важного аспекта литературного произведения. Некоторые произведения, особенно эпические, построены в виде цепи — события концентрируются вокруг главных персонажей и следуют в логической последовательности одно за другим. Есть произведения, построенные в виде «ткани», в том смысле, что автор прослеживает нити отдельных действий, потом, оставивших на время, снова возвращается к ним. Часто нити событий связываются между собой, как в «Анне Карениной» Толстого.

¹ T. Vianu, *Studii de literatură universală și comparată*, ed. a II-a, București, Editura Academiei R. P. Române, 1963.

Можно назвать другие типы композиции — в виде «открытой перспективы», «лабиринта» и др. Задача сравнительного литературоведения в том и состоит, чтобы определить различные типы композиции, привести в качестве примера наиболее характерные произведения, а затем проследить повторение этих типов в ходе развития той или иной темы или жанра в различных странах. Разумеется, речь пойдет о приемах, заимствованных у иностранных писателей, а также об изменении этих приемов в национальном творчестве, а в ряде случаев и о простых параллелизмах композиционного характера, выражающих сходное содержание.

Так как литературные структуры основываются на языковом материале, сравнительное литературоведение должно изучать и эту сторону произведения, в связи с чем встает целый ряд проблем литературной стилистики. Сделаем несколько общих замечаний по этому поводу.

Знаменитое изречение Бюффона, что «стиль — это человек», настойчиво напоминает о том, что у стиля личный, сугубо частный характер. Тот факт, что он тесно связан со структурой национального языка, еще больше подчеркивает его специфический характер в рамках четко разграниченной человеческой общности. Могло казаться, что сравнительный метод неприменим к литературной стилистике, объединяющей слишком индивидуализированные явления. Некоторые стилисты определяют стиль как «индивидуальную интерпретацию» языка. На самом деле подобного рода определения страдают однобокостью, они приписывают стилю лишь функцию отражения, совершенно упуская из виду то важнейшее обстоятельство, что в конечном счете стиль носит не сугубо интроспективный характер, что он средство коммуникации и, как таковой, отличается несомненной социальной направленностью. Поэтому совершенно правы те, кто говорит об органическом напластовании в стиле двух начал — относительно индивидуального и обобщенно-социального, и о том, что в стиле соединены элементы национальной структуры и необходимые иностранные влияния. Итак, роль сравнительных исследований очевидна и при изучении стиля; более того, по мнению Этиембля,

здесь они имеют основополагающее значение, так как, в сущности, «литература состоит из слов». И все же сравнительные стилистические исследования в этой области крайне редки. Правда, в последние годы и в этом направлении прилагались определенные усилия, о чем напоминает французский ученый. В частности, он называет серию работ, которая начала выходить у Дидье, и две работы по сравнительной стилистике французского и немецкого языков (авторы Дж. П. Винэй и Дж. Дэрбильтет, 1958, и Альфред Мальбланк, 1961). Далее, он ведет речь о сравнительном исследовании французского и польского языков Болеслава Кирского, об усилении внимания к такого рода изысканиям в социалистическом мире, особенно в трудах Алексеева и Жирмунского. Мы со своей стороны хотим отметить плодотворные усилия Тудора Виану, давшие толчок развитию литературной стилистики у нас в Румынии. Правда, в его трудах вопросы сравнительной стилистики затрагиваются лишь косвенно.

Первый раздел сравнительной стилистики должен рассматривать проблемы языка, то есть слов и лексических структур, заимствованных из других языков. Вряд ли нужно доказывать, что языки влияют друг на друга и что в определенные эпохи такое влияние бывает весьма эффективным. Во Франции XVI в. писатели боролись против засилья грецизмов и итальянизмов, в Испании XVIII в. — против офранцуживания языка, у нас в XVI и XVIII вв. велась упорная борьба с славянизмами и грецизмами, а в XIX в. против искусственной латинизации и итальянизации. В наше время ведутся горячие споры относительно американского влияния на французский и немецкий языки и т. д. Такого рода влияния были названы самим Этиемблем «актами колонизации» и всегда вызывали бурную реакцию.

Необходимо, однако, заметить, что не следует смешивать чисто лингвистическое исследование со сравнительно-литературоведческим. Контаминация языков изучается нашей наукой лишь постольку, поскольку она становится фактом литературной стилистики, то есть затрагивает проблемы литературной изобразительности и выразительности. Иными словами, влия-

ние чужого языка интересует сравнительное литературоведение лишь в том случае, если оно содействует — в положительной или отрицательной форме — решению определенных художественных задач. Например, когда чужие заимствования помогают усилению комического путем искажения лексического состава, или выявлению отрицательных черт характера — педантизм, снобизм и др., или, наконец, когда иноязычные элементы затрудняют понимание содержания литературного произведения.

Наряду с разделом лексической стилистики существует раздел фонетической стилистики, изучающей выразительные возможности звуков: зияния, какофонии, аллитерации и ассонансы, но не игнорирующей при этом и фонетический символизм в его конкретном соотношении с содержанием всего контекста. Напомним еще о существовании морфологической и синтаксической стилистик, а также о стилистических оборотах. По всем этим вопросам — по каждому в отдельности и во всей их совокупности — сравнительное литературоведение может сказать свое веское слово. К сожалению, до сих пор оно делает это весьма нерешительно.

Назовем из работ по стилистике исследование поэзии (преимущественно словаря тропов), связанной с петраркизмом, влияние которого к XVIII в. успело распространиться из Италии в Испанию, Англию, Германию, а также труды, в которых рассматриваются проблемы барочных стилей — маринизма, гонгоризма, эвфуизма, маньеризма и т. д. Стихотворный сборник Джамбаттисты Марино 1602 г., озаглавленный «Рифмы», заметно повлиял на литературные вкусы эпохи, вызвав особый интерес к изощренному словоупотреблению. Рядом с ним в начале того же века оказывается и Гонгора, основоположник «культуризма» — смеси экстравагантных метафор, латинизмов и неологизмов и чрезмерно усложненной топики, создатель герметического стиля, который заметно повлиял на поэтическое искусство своего времени. Несколько десятилетий до этого в Англии в конце XVI г. Джон Лили опубликовал романы «Эвфуес», стиль которых отличается обилием антитез, аллитераций, вопросов,

симметрии, также оказавшие воздействие на литературы эпохи.

Особый раздел сравнительной стилистики занимается тропами, их влиянием на различные литературы. Например, тропы литературного барокко XVII в. не прошли незамеченными, их литературный тип сохранился вплоть до нашего времени. Сравнительные исследования стилевых конструкций могли бы выявить, с одной стороны, общие для нескольких литератур тропы, а с другой, связанные с определенными национальными литературами, и, наконец, тропы, принадлежащие тому или иному конкретному писателю. Отличие между ними в различных литературах порой столь велико, что один и тот же троп может вызывать неодинаковые и даже противоположные чувства. Этиембль приводит пример с белым цветом, который у нас ассоциируется с чистотой и вызывает соответствующие эмоции, а у китайцев, скажем, олицетворяет траур, одиночество и страдание.

Предметом сравнительного изучения могут оказаться различные формы поэзии, проблемы строфики, метрики, ритма и рифмы. Исследование сонета, газели, ронделя или глоссы осуществлено лишь частично, сопоставлению подверглись лишь отдельные характерные образцы, а также типы строфы (терцина, катрен, октава и т. д.),

Мало пока сравнительных исследований метрики, о необходимости которых напоминал Этиембль. Среди них первое место принадлежит труду известного языковеда Антуана Мейе, изучившего южно-европейские истоки греческой метрики в целях воссоздания общеевропейской системы метрики. Следует вспомнить и работу Ласло Галди о поэтическом стиле Эминеску и его метрике (1964), в которой прослеживаются также иностранные влияния на творчество поэта, и, наконец, некоторые его более ранние труды, например о влиянии метрики Ж. Кохановского на Дософтя.

Формы и типы международных литературных отношений

Прямые отношения

В главе «О названии науки и ее предмете» мы останавливали наше внимание на основных типах международных литературных отношений и перечислили их:

1. Прямые отношения, или контакты, между литературами.
2. Параллелизмы, то есть типологические схождения, не предполагающие генетического родства.
3. Отношения зависимости, которые устанавливаются при сопоставлении литератур с целью выявления оригинальных структур каждой из них.

Рассмотрим прежде всего прямые отношения между местными, или национальными, литературами.

Прямым отношениям различных литератур содействует ряд условий общего порядка, например обмен товарами, происходивший зачастую одновременно с книжным обменом, не говоря уже о тех случаях, когда сами книги становятся предметом торговых сделок. Даже некоторые войны и те сыграли определенную роль в распространении культуры, например войны античности, Возрождения, наполеоновские, отдельные войны нашего времени, в той мере, в какой они, не ограничиваясь разрушениями, содействовали установлению литературных контактов.

В самые различные периоды развития общества, от античности и до наших дней, создавались — в силу особых обстоятельств — благоприятные условия для налаживания международных культурных и литера-

турных отношений. Сущность подобных отношений в эпоху Просвещения была детально исследована Полем Азаром. С начала XIX в. эти контакты обрели такой размах, что Гёте имел все основания утверждать еще в 1827 г., что поэзия стала «принадлежностью всего человечества» и что настало время для становления «всемирной литературы». Гётевские слова нашли подтверждение и научное обоснование в известном положении «Манифеста Коммунистической партии», где речь идет об экономических и культурных преобразованиях первой половины минувшего столетия и говорится о том, что буржуазия путем эксплуатации всемирного рынка сделала производство и потребление всех стран космополитическим, в результате чего на смену старой местной и национальной замкнутости приходит всесторонняя связь и всесторонняя зависимость наций друг от друга. «Плоды духовной деятельности отдельных наций становятся общим достоянием, а из множества национальных или местных литератур образуется одна всемирная литература». Переход на пороге XIX в. от рационалистической к исторической концепции культуры обусловил новые возможности для сближения литератур, дальнейшего выявления как сходных черт, так и различий между ними. Процесс усиления экономической и культурной взаимозависимости наций продолжается и в наши дни одновременно с процессом утверждения самобытности различных культур.

Настала, однако, пора назвать факторы, способствующие передаче «литературного материала», то есть тем, мотивов, типов, идей, чувств, жанров, жанровых форм, композиционных построений, различных вариантов стиля, строфики и метрики от литературы передающей к литературе воспринимающей. Эти факторы порой называли «посыльными» компаративизма или «посредниками» между сопоставляемыми элементами. Паул ван Тигем попытался даже обозначить раздел науки, занимающейся этими факторами, греческим словом «мессология» (от «мессос» — середина), но термин этот не прижился.

Контакты между литературами особенно эффективны тогда, разумеется, когда они основываются на знании соответствующих языков. Это обеспечивает

оптимальные условия для усвоения оригинального текста. Следовательно, одна из важнейших задач сравнительного литературоведения и состоит в том, чтобы изучить процессы проникновения иностранных языков в различные страны, выявить традиции их освоения, уточнить сферы их распространения. Подобных исследований, однако, крайне мало, наиболее показательной представляется работа Ж. Асколи «Великобритания в оценках французского общественного мнения XVII в.» (1930), в которой рассматривается и вопрос о распространении английского языка во Франции в эти годы. В других исследованиях было показано, что при всей симпатии ко всему немецкому, французские романтики — Гюго, Ламартин, Виньи, Мюссе — отнюдь не блистали знанием немецкого языка. Как правило, вопросы, связанные с распространением иностранных языков, освещались только лингвистами — и то косвенно, — и М. Гюйяр приводит в качестве примера труд Фрезера Маккензи «Отражение в словаре отношений между Англией и Францией» (1939).

Что касается нашей страны, то в более давние времена иностранные языки — точнее, церковнославянский и греческий, бывшие тогда в обиходе, знали лишь церковники и бояре, и это содействовало их ознакомлению с литературой соседних народов. В XIX в. распространяются западноевропейские языки, прежде всего французский, а затем немецкий, итальянский, английский.

Среди других факторов, содействующих установлению контактов между литературами, назовем ряд индивидуальных и коллективных посредников. Что касается первых, сошлемся на некоторые хорошо известные имена: из французских писателей XVIII в. аббат Лебланк, аббат Прево или Лаплас стали посланцами английской литературы во Франции, Бонвиль и Лиебо — французской в Германии, Лэнгет — в Испании. Немецкая поэзия нашла в лице Бертолы своего глашатая в Италии, а французская литература — в первую очередь Руссо — Карамзина в России. Наиболее представительными фигурами французской культуры остаются для Англии Вольтер, для Германии г-жа де Сталь. Вольтер, высланный в

Англию в 1726 г. после своего тягостного столкновения с дворянином Роганом, жил здесь три года, окруженный вниманием местной аристократии, литераторов, ученых, философов. Глубокое впечатление произвели на Вольтера достижения англичан в области философии и особенно политики, царившая здесь свобода мнений, религиозная терпимость — и нетерпимость к любой форме абсолютизма. Вернувшись на родину, он описывает в «Философских письмах», вышедших в Англии в 1733 г. и через год во Франции, где были немедленно преданы сожжению, политические, литературные и философские взгляды, усвоенные им в годы ссылки. Позднее, в 1810 г., г-жа де Сталь в знаменитой работе «О Германии» ставит перед собой подобные же цели, а именно распространить во Франции литературные взгляды периода духовного расцвета Германии, утверждения немецкого романтизма — эпохи «Бури и натиска». Содержащая богатый философский, социологический и литературный материал, работа писательницы представляет особую ценность не только потому, что содействовала распространению во Франции немецких романтических идей, но и потому, что оживила французский либерализм, подавленный императором Наполеоном.

Интерес представляют также случаи, когда контакты между культурами или литературами устанавливаются через посредство людей, которые не принадлежат ни к «передающей», ни к «воспринимающей» стороне. Такой фигурой был голландец Эразм Роттердамский, много сделавший для укрепления позиций западного гуманизма и наладивший связи с гуманистами восточноевропейских стран, например с Николаусом Олахусом. Живя в Цюрихе, Бодмер и Брайтингер всячески содействуют распространению идей английской литературы в Германии. Многие деятели культуры греческой национальности становятся в конце XVIII в. посредниками не только между греческой и румынской культурой, но и между французской литературой Просвещения и румынской литературой этого периода. Известная работа Д. Поповича «Румынская литература в эпоху Просвещения» содержит в этом отношении очень богатые данные. Значительным фактором стала позднее деятельность

Элиаде, пропагандиста и переводчика произведений многих писателей, автора проекта Всемирной библиотеки, составленного им по образцу Эме Мартэна.

Среди индивидуальных «агентов» иностранных литератур часто называют — и с полным на то основанием — путешественников, причем не обязательно профессиональных писателей. Они изъездили не только страны классических культур — Грецию, Италию, Францию, но и всю Европу, широко оповещая затем своих читателей обо всем, что увидели. В нашу эпоху в результате новых технических завоеваний пространство как бы «ужалось» и связи между различными странами стали гораздо более тесными. О путешествиях создана целая литература, и даже такие крупные писатели, как Вальтер Скотт, Гёте и Лев Толстой, многое узнали о жизни других народов из литературы подобного рода. Помимо многочисленных книг литераторов, можно назвать исследование компаративиста Жан-Мари Карре о «Французских путешественниках и писателях в Египте» (1933). Чужеземные путешественники, о которых рассказано в наших исторических трудах, и прежде всего в работах Н. Йорги, также знакомили зарубежный мир с нашей страной и жизнью нашего народа.

Что касается коллективных факторов, то напомним об особой роли некоторых стран и городов в налаживании литературных связей. Первой среди таких стран обычно называют Швейцарию, еще и потому, что здесь сосуществуют несколько языков, затем Голландию, расположенную по соседству с крупными культурными центрами на Европейском материке и одновременно в непосредственной близости от Англии. Городскими центрами, сыгравшими подобную же роль, являются Париж, Лион, Руан во Франции, Франкфурт-на-Майне в Германии, Венеция в Италии и т. д. Затем следует назвать и научные учреждения, в первую очередь академии и университеты, внесшие значительный вклад в установление связей между культурами и литературами. Крупные университетские центры Италии (Болонский в средние века), Франции (Парижский), а позднее и Германии (Берлинский) широко поддерживали международные культурные связи, содействуя распространению лите-

ратурных ценностей многих стран. То же можно сказать и об академиях, например об итальянских в период Возрождения, активно осваивавших античное наследие. Следует вспомнить и о публичных и личных библиотеках, на полках которых хранились книги разных народов. Нельзя обойти вниманием и роль типографий, книжных магазинов, издательств в пропаганде иностранных литератур. В этой связи достаточно вспомнить о значении такого издательского центра, как Венеция эпохи Возрождения, сыгравшего значительную роль в распространении идей гуманизма не только в Западной, но и в Восточной Европе, включая и наши княжества.

Среди коллективных факторов сближения литератур в древнюю пору, и особенно в эпоху Возрождения, мы должны назвать также дворы властителей самых различных рангов, где часто находили прибежище зарубежные поэты, философы, ученые, как было, например, при дворе Фридриха II или Екатерины II, русской царицы. Более специфическими по своему характеру являются группы друзей литературы, кружки, литературные салоны, немало сделавшие для пропаганды ценностей чужих литератур. Такой группой в XVI в. была Лионская школа — в период перехода от Маро к «Плеяде». Члены этой школы: Морис Сэв, Луиза Лабе и др., возникшей вдали от сорбоннских теологов и бдительного ока инквизиции, придерживались более либеральных взглядов и проявляли живой интерес к немецкой и итальянской культурам. Нельзя также не вспомнить французскую группу поклонников английской литературы — Шекспира и Оссиана, — объединявшую Стендаля, Ампера, Мериме. У каждой литературы были свои сторонники, и группировались они обычно вокруг редакции литературного издания, но об этом речь пойдет немного ниже.

Литературные общества сыграли большую роль в распространении культурных ценностей других стран. Назовем некоторые из них. Это прежде всего «Плеяда», сплотившаяся вокруг Пьера Ронсара, который вместе со своими друзьями Жаном Антуаном де Баифом и Жоашеном дю Белле основал сначала поэтическую школу, именуемую «Бригадой», в состав

которой затем вошли и другие литераторы. «Плеяду» можно в равной мере считать и обществом и школой, но нас здесь интересует лишь ее роль в распространении культурных ценностей других стран. А роль эта была велика, если учесть пристальное внимание «Плеяды» к античному наследию, прежде всего греческому, а также к итальянской литературе, которая в то время считалась третьей классической литературой. Обществом, а затем и школой, заложившей основы немецкого и европейского романтизма, было объединение поэтов и прозаиков «Буря и натиск» в восьмом десятилетии XVIII в. В него входили Гёте, Гердер, несмотря на свою просветительскую позицию, затем Максимилиан Клингнер, автор пьесы, давшей название обществу, и другие менее известные писатели эпохи. Движение было антипросветительским, и его сторонники выступали даже против немецкого «Aufklärung» (Просветительства), следовательно, рационализма. Его либеральная идеология, носящая явно немецкий характер, пронизана и индивидуализмом. Что касается иностранных влияний, то «Буря и натиск» порывает связи с французским классицизмом, но одновременно подвергается значительному воздействию Руссо, а также английской литературы — Шекспира и Оссiana, творения которых отчасти и обусловили лирические бури века. У нас в стране существовали литературные общества «Жунимя», «Лите-раторул», «Збурэторул» и др. Наиболее характерным по своей структуре остается общество «Литераторул», основанное еще до 1900 г. поэтом Ал. Мачедонски, сумевшим объединить вокруг себя писателей различных поколений. Общество неоднократно перестраивало свои ряды на протяжении жизни вождя и часто меняло местопребывание, собираясь то в редакции журнала с тем же названием, то на различных квартирах поэта. Что же касается роли общества в распространении ценностей других литератур, то, как известно, оно, как и «Збурэторул», ориентировалось почти исключительно на французскую литературу конца прошлого века с ее экспериментами, от парнаизма до символизма, инструментализма и т. д., а порой соприкасалось с авангардистскими школами, например с итальянским футуризмом.

Естественно, что литературные общества, возникшие при редакциях влиятельных журналов, пользовались большим авторитетом и играли действенную роль в ознакомлении с ценностями зарубежных культур, как, например, кружок при знаменитом журнале братьев Шлегель «Атенеум», выходившем в Берлине с 1798 г. по 1800 г. В кружок входили Новалис, Шлеермахер и позднее Шеллинг. Как и все прочие романтические группировки, он отвергает традиционные ценности, стремясь утвердить новые имена. Здесь царит культ писателей Возрождения — Данте, Петрарки, Боккаччо, Камюэнса, Сервантеса. По предложению Фридриха Шлегеля, они принимают в качестве образца для подражания триаду: Данте, Шекспир, Гёте. Тем самым кружок при журнале «Атенеум» утверждал в духе своих романтических исканий литературные ценности эпохи, выдвинувшей новых кумиров. Возникшее немного позднее романтическое движение во Франции также опирается в своем развитии на литературные общества, созданные Ш. Нодье и объединившие в своих рядах Гюго, Виньи, Сент-Бёва, Дюма, Буланже, Мюссе, и на журналы «La muse française» (1823) и «Le Glôbe» (1824), ставшие подлинными кузницами талантов.

В пору становления французского романтизма внимание его представителей отдано целиком концепции Гюго, изложенной в предисловии к «Кромвелю», Ариосто, Сервантесу и Рабле — «трем веселым гомерам» — и особенно Шекспиру, в свете весьма широкого взгляда на мир, согласно которому «все, что существует в природе, имеется и в искусстве». В этом смысле весьма показателен полный воодушевления возглас журналиста эпохи, тем более что он относится и к иностранным влияниям: «Да здравствуют англичане и немцы! Пусть здравствует неприкрашенная, дикая природа, столь подобающим образом воплощенная в стихах господ де Виньи, Жюль Лефевра, В. Гюго!»¹. Подобную же роль в Италии выполняет итальянский журнал «Conciliatore» (1811 — 1819), в котором сотрутся и Джованни Беркет, самый

¹ L. Thiessé, Mercure de France. 1826, № 1.

видный представитель итальянского романтизма после Манцони, переводчик Грея, Гольдсмита, Шиллера и старинных испанских романсов.

Другим фактором, заметно стимулировавшим межлитературные связи в разные эпохи, были знаменитые салоны, появившиеся прежде всего во Франции XVII в. в связи с бурным оживлением светской жизни. Первым наиболее известным центром встреч был салон госпожи де Вивон — маркизы де Рамбуйе — сумевшей привлечь в него искателей духовных радостей — писателей, артистов, ученых, — которые затевали здесь самые разнообразные и горячие дискуссии. Как и в других возникших позднее салонах, дискуссии эти проходили без излишней церемонности или флиртностей, в духе подлинной благопристойности и высокой учтивости. Гости салонов считали, что устный обмен мнениями более познавателен, нежели чтение. В салоне госпожи де Рамбуйе, естественно, много говорили об иностранных литературах, прежде всего об итальянской. Подобные салоны стали во Франции традиционным явлением и возникали беспрестанно вплоть до революции 1789 года. Затем после бурных событий конца века появились снова. В салоне госпожи де Сталь можно было встретить госпожу Рекамье, де Бомон, Бенжамена Констан, Форьеля и др. В салоне госпожи Рекамье бывал и Шатобриан. К этому времени салоны появляются во многих странах — Германии, Италии, Австрии, России. Вошли они в моду и в наших княжествах, а именно в Бухаресте и Яссах, где устраивались боярские «вечера» по французскому образцу, на которых обсуждались произведения французской литературы, получившей у нас большое распространение. На страницах периодических изданий тех лет, «*Curierul românesc*», «*Albina românească*» и других, выходивших на французском или одновременно на двух языках, «*Le glaneur moldoroumain*», можно обнаружить частые упоминания о подобного рода вечерах.

Важным посредником между литературами являются, конечно, периодические издания. Перечислим некоторые из них. В XVIII в. это «*Journal étranger en France*», «*Gazette littéraire de l'Europe*», в следующем веке — «*Archives littéraires de l'Europe*», «*Révue*

britannique», «*Révue germanique*», а также издания, специально занимающиеся проблемами литературных отношений и связей «*Révue de deux mondes*», «*Révue de Paris*», «*Mercure de France*», «*L'année littéraire*», «*Deutscher Mercur*», «*Conciliatore*» и др. На страницах этих журналов печатались обширные материалы, освещающие проблематику зарубежных литератур. Некоторым периодическим изданиям, например «*Journal étranger*», «*Archives littéraires de l'Europe*», «*L'année littéraire*» (1749), посвящены целые монографии или отдельные исследования. В Дунайских княжествах зарубежные периодические издания, содержащие сведения по различным литературам, получают распространение еще в XVIII в., когда у нас читали, например: «*Le Journal encyclopédique*», «*Le Journal littéraire*», «*Mercure de France*», а также итальянские газеты и журналы: «*Notizie del mondo*», «*Il redattore italiano*», немецкие: «*Die fliegende Post*» или «*Offene Zeitung*». Многие из них пропагандируют идеи Французской революции, взгляды прогрессивных деятелей культуры Европы. В XIX в. и позднее количество таких изданий в нашей стране значительно увеличилось.

Свой вклад в установление контактов между странами внесли словари, энциклопедии, грамматики, педагогические труды, в которых обильно представлена более или менее точная информация о зарубежных литературах.

Но не приходится сомневаться, что контактные межлитературные связи в большой мере зависят от распространения самих книг на соответствующих языках, от того, насколько они доступны и знакомы читателю. Широкое хождение печатных изданий — рукописные тома, как известно, распространялись куда медленнее — начинается лишь в XVIII и XIX вв., благодаря интересу к французским, английским и другим книгам. В этой связи небезынтересно проследить процесс проникновения иностранной книги в наши княжества в XVIII в. и начале XIX в. Мы имеем в виду книги на западноевропейских языках, которые к этому времени все больше вытесняют греческие издания. В библиотеке ученого епископа Цезаря Рымникского были обнаружены не только названные выше

французские и немецкие периодические издания, но и труды просветителей, прежде всего «Энциклопедия». Удалось также уточнить, что в библиотеке Г. Лазэра были многочисленные книги на немецком и французском языках, посвященные проблемам йозефинизма, а в библиотеке Бухарестской митрополии количество французских книг по богословию, истории и другим наукам значительно превышает число изданий на греческом языке. Были здесь и книги светского содержания. В книжных магазинах Бухареста и Ясс к середине века можно было найти множество книг на иностранных языках. Известно, например, что в магазине Ф. Белла в Яссах был момент, когда на полках магазина находилось 3357 книг на французском языке. Это ли не свидетельство широкого хождения иностранной книги в наших княжествах! К сожалению, мы не располагаем исчерпывающими статистическими данными в этой области, однако роль иностранной книги в усилении контактов между литературами вряд ли нуждается в доказательствах.

Но так как знание иностранных языков было в те времена привилегией небольших социальных групп, представлявших господствующий класс, зарубежные литературы могли стать достоянием широкого круга читателей лишь посредством переводов, переложений, переработок, различных сокращенных пересказов, адаптации. Отсюда значение переводов и связанных с ними проблем.

Прежде всего следует уточнить различия между переводом, адаптацией и переработкой. Так как общая задача переводов сводится к относительно точной передаче содержания произведения на другом языке, то естественно, что адаптации и переработки, искажающие сущность оригиналов, считаются второсортным материалом. И все же переводчики всегда испытывали искушение внести свою творческую лепту в содержание произведения, прибегая к различного рода адаптациям. Так, например, делались попытки «офранцузить» Гомера и его героев, одеть их по классической моде XVIII в., превратить в придворных аристократов. Такого рода эксперименты проводились и в нашей стране: достаточно вспомнить, например, пе-

реводческую деятельность Дж. Мурну, который стремился приблизить мир гомеровских героев к нашей среде, и поэтически подчеркивал сходство обычаев и использовал румынские архаизмы и областные выражения. Еще более решительно поступил Ромул Вулпеску, который обильно снабдил язык перевода стихов Вийона формами, свойственными румынскому языку эпохи средневековья, при этом отчасти заменил атмосферу французского Возрождения культурной средой наших княжеств.

Еще больше искажают суть произведений переработки, которые появляются в изобилии, начиная с эпохи Возрождения и вплоть до наших дней. Известны многочисленные варианты «Декамерона», «Дон-Кихота», пикарескных романов, сказок братьев Гримм и Андерсена, народных книг, в большинстве случаев весьма далекие от оригиналов. Убедительным примером в нашей литературе являются переложения Т. Аргези басен Крылова и Лафонтена, настолько далекие от оригинала, что они были восприняты повсеместно как самостоятельные творения поэта. Итак, не представляет сомнения, что как адаптации, так и переработки искажают оригинал и выражают — в большей мере, чем это обычно предполагают, — позицию воспринимающей, а не передающей стороны. Нас же в данном случае интересует последняя.

Несмотря на всевозможные перегибы любителей адаптации и переработок, переводы, несомненно, играли значительную роль уже в XVIII в. Количество их значительно возрастает в эпоху романтизма, процесс этот продолжается и поныне. Содействие, оказанное переводами налаживанию прямых контактов между национальными литературами, было весьма велико. Особенно оживляется переводческая деятельность в XIX в., и статистические данные, приведенные румынским ученым П. Корней относительно количества переводов в нашей стране в период с 1780 по 1860 г., особенно красноречивы. В исследовании П. Корни указано, что в тот период сделано не менее 679 переводов в 935 томах, а число известных переводчиков достигает 300. С французского переведено самое большое число произведений — 385, с немецкого — 83, с английского — 56, с греческого — 44 и т. д.

Первым

по количеству работ был Элиаде, автор 21 перевода. Напомним, что он же автор проекта библиотеки Всемирной литературы, которая должна была восполнить существенный пробел в истории нашей культуры. Заметим, кстати, что выступление Когэлничану против переводов ничуть не повредило им, да и сам он не преминул заняться переводами, столь очевидной была их необходимость. И действительно, в период с 1850 по 1860 г. будет выпущено столько переводов, сколько за предыдущие 70 лет, между 1780 — 1850 гг.

Особенно увеличивается число переводов в наши дни, о чем свидетельствует «Index translatiorum», международный бюллетень переводов, издаваемый ЮНЕСКО.

В каталоге № 18 за 1965 г. перечислены 31 196 переводов, осуществленных в 70 странах. В литературном отделе названы 2059 переводов в СССР, 1228 — в Голландии, 967 — в Швеции, 880 — во Франции, 578 — в США, 410 — в Японии. В Румынии издано 359 книг зарубежных авторов. К этому надо добавить, что уже давно основана Международная федерация переводчиков, издающая с сентября 1955 г. двуязычный журнал (на французском и английском языках), посвященный переводам и носящий многозначительное название «Vabel» — «Вавилон». В центре внимания журнала не только технические и научные проблемы перевода, но и условия жизни переводчиков в разных странах, профессиональные вопросы их труда.

Переводы бывают различными по типу: они делаются прямо с языка оригинала, в других случаях прибегают к языкам-посредникам, чаще всего французскому, немецкому и в последнее время английскому. Итальянские и испанские работы, как правило, переводились с французского, английские — с немецкого в Венгрии и Сербии, и с французского в нашей стране, что и отмечено в статистическом бюллетене ЮНЕСКО. Впрочем, французский язык до недавнего времени был самым активным посредником между Северной и Южной Европой.

С точки зрения международных связей литератур имеет значение и деление переводов на прозаические и поэтические. Как известно, функции слова относи-

тельно разные в поэзии и прозе. В последней упор делается на содержание, порой на ритм фразы, в то время как в поэзии переводчик решает проблемы комплексной структуры стиля, функций слова в семантическом и музыкальном контексте, мелодике фразы. Отсюда, конечно, и большие трудности, с которыми сталкиваются переводчики поэзии. Во всяком случае, и прозаический и поэтический переводы должны быть органическими и всеохватными, ибо концепция, согласно которой достаточно набросить «языковой наряд» на содержание произведения — все равно проза ли это или поэзия, — чтобы получить перевод, не выдерживает критики.

Мы уже подчеркивали, что с точки зрения контактов между литературами нас в самой высокой степени интересует максимальная верность перевода оригинальному тексту. История перевода знает немало случаев, когда искажения наносили чувствительный урон точному знанию зарубежных литератур. Следовательно, мы должны рассмотреть и этот случай.

Отметим в первую очередь искажения, вызванные нарушением цельности произведения. Чем дальше мы обращаем взор в прошлое, приближаясь к XVIII в., тем больше случаев неполного перевода произведений. В конце этого века и даже позднее «Вертер» в переводе на французский язык выходил неоднократно без тех 12 страниц, которые содержали фрагменты из Оссиана, а «Кларисса» Ричардсона издавалась во Франции с большими сокращениями. Позднее «Триумф смерти» Д'Аннунцио печатался без страниц, посвященных влиянию Ницше на автора. У нас в стране такого рода вмешательства в текст оригинала имели место, по признанию самого переводчика, в практике Элиаде, когда он трудился над переложением произведений Э. Сю. Напомню еще об искажениях, которым подвергались в межвоенный период русские и английские романы. Нужно ли доказывать, что уважение неприкосновенности текста — элементарное условие при переводе любого произведения с одного языка на другой.

Но куда более серьезным нарушением является — даже при условии сохранения неприкосновенности текста — неверная передача его содержания и формы.

Некоторые литераторы, например русский писатель Ф. М. Достоевский¹, полагают, что языки бывают более или менее подходящими для перевода. По их мнению, французские и некоторые другие языки так и не смогли передать все богатство творений русских писателей, между тем как русский язык более приспособлен к этому и содействует всеобъемлющему переводу произведений зарубежных авторов, в том числе и с английского языка. Участники состоявшейся недавно дискуссии на страницах журнала «Revue d'esthétique» говорили о «метафизических сложностях»¹ перевода на французский язык Шекспира, при этом отмечали «глубокие различия онтологического плана между французскими и английскими языками». В то время как английский, мол, подчеркивает конкретные единичные, индивидуальные аспекты, излучая при этом своеобразное «поэтическое сияние», французский передает более сущностные, общие, рациональные аспекты, менее поэтические, что и делает столь сложным перевод Шекспира на французский язык.

Мы не думаем, что подобного рода утверждения полностью оправданны. Близость языков, разумеется, облегчает труд переводчика, а принадлежность к отдаленным лингвистическим семьям затрудняет. И все же есть основания утверждать, что в принципе любой язык обладает необходимыми возможностями для передачи существа литературных произведений, ибо каждый из них отражает единую структуру человеческого духовного мира.

Большая часть искажений, как известно, объясняется неглубоким знанием соответствующих языков, или одного из них, непониманием их грамматических особенностей, а чаще всего и внутренней сущности. Некоторые искажения обусловлены философской позицией автора перевода. Так, например, христианский писатель Янг оказался во французском переводе деистом, Оссиан — трубадуром, а Гёте, Шекспир и тот же Оссиан были представлены в переводах романтиков поэтами чрезвычайно экзальтированной эмоциональности.

¹ В сборнике «Русские писатели о переводах XVIII — XX вв.», Л., 1960.

Часто упоминаемый, типичный случай искажения, ставший достоянием анекдотов, связан с переводом «Отелло». Речь идет о шелковом платочке Дездемоны, который до переводов романтиков фигурировал то как браслет, то как шарф, диадема, брошка, из боязни оскорбить чувствительность аристократов.

Верность перевода оригиналу зависит и от типа произведения. Общеизвестно, что классицистические творения легче переводить на другой язык, так как главное в них — идейное содержание. Творения романтиков и символистов требуют куда больших усилий и обречены на серьезные потери.

Однако, несмотря на всевозможные трудности и вопреки всякого рода искажениям, искусство перевода достигло — особенно в последнее время — высокого мастерства, и уровень этого мастерства тем выше, чем бережнее относится переводчик к оригиналу, чем менее ощутима его собственная индивидуальность. Считаю уместным назвать хотя бы несколько переводов, известных тем, что они довольно близки оригиналам. Это замечательный перевод «Сравнительных жизнеописаний» Плутарха, осуществленный Жаком Амиотом, подлинный шедевр, «памятник французскому языку», как выражаются историки литературы. Это перевод семнадцати драм Шекспира, осуществленный А. В. Шлегелем и завершенный под руководством Тика, и, наконец, удачные переводы с греческого языка Леконта де Лиля. Что же касается наших мастеров художественного перевода, то следует назвать Ал. Филиппиде, переводчика Шиллера и Гёте, Т. Виану, сделавшего перевод многих произведений Гёте, Ч. Петреску, стилизатора творений Шолохова, Дж. Лесню, осуществившего переводы стихов Пушкина, Лермонтова, и др.

Конечно, при всей адекватности и выразительности передачи оригинала в этих переводческих работах немало и серьезных и неизбежных искажений с точки зрения верности оригиналу. Однако всякий перевод есть популяризация зарубежных литературных достижений, а нас это прежде всего и интересует. Что касается использования для перевода электронных устройств, то, несмотря на результаты, достигнутые в

этом направлении, вопрос — смогут ли эти устройства передать и художественное богатство оригиналов — остается открытым.

Нет сомнения, что переводы, при всех свойственных им недостатках, останутся и в дальнейшем важным средством распространения литературных ценностей. Вместе с ними предисловия или введения, содержащие критическую оценку переводимых произведений и сведения об авторах, составляют еще один фактор, содействующий установлению межлитературных связей, еще один источник сравнительно-исторических исследований.

Влияния и заимствования

Межлитературные отношения становятся особенно глубокими и органичными в результате влияний, которые одна литература оказывает на другую или которым одна литература подвергается со стороны другой. Подобные процессы позволяют проникнуть в самую сердцевину творческих исканий, и потому мы считаем нужным рассмотреть их подробнее. Речь, следовательно, пойдет о влияниях и заимствованиях, понятиях, непосредственно связанных между собой, только первые отражают позицию передающей стороны, а вторые — воспринимающей. Вместе с тем эти понятия четко разграничиваются, и, хотя они относятся к одним и тем же явлениям, смешивать их нельзя. Заметим, кстати, что исследование заимствований — процесс гораздо более сложный, чем изучение влияний, и библиографический аппарат вторых отнюдь не достаточен для уяснения сущности первых.

Итак, обратимся прежде всего к влияниям. Этот раздел сравнительного литературоведения разрабатывается уже давно и основательно, чем и следует объяснить, как и в случае с тематологией, возникновение ощущения определенной пресыщенности. На самом же деле возможности исследования влияний далеко не исчерпаны во многих странах, а если к этому прибавить, что значение таких исследований для выяснения проблем самобытности каждой отдельно взятой литературы исключительно велико, то станет ясно,

что наша наука не может обойтись без этого раздела.

Учитывая сложность этой области межлитературных связей, мы считаем необходимым наметить — пусть в самых общих чертах — классификацию влияний, назвав для иллюстрации несколько наиболее важных типов.

Первым критерием, который следует принимать в учет при классификации влияний, — это их объем. С этой точки зрения влияния бывают коллективные и индивидуальные. К первым относятся случаи воздействия одного писателя на другого (например, Мольера на Гольберга, о чем писал еще в 1865 г. А. Лагрель) или на писательское сообщество, о чем свидетельствуют работы Ф. Бальдансперже «Гёте во Франции» (1904) или Жан-Мари Карре «Гёте в Англии» (1920). Более сложный тип представляют влияния, носящие исключительно коллективную форму, например воздействие идей Французской революции на итальянскую литературу (исследованное Полем Азаром в 1910 г.) или французское влияние на формирование общественного мнения в Румынии (работа Помпилиу Элиаде, 1898).

Другим критерием классификации влияний является учет самого содержания, передаваемого от литературы к литературе, куда входят: тематика, идеи, чувства, литературные роды и виды, композиция произведений, лингвистические и стилистические структуры. По каждому из этих аспектов проведены или можно провести исследования сравнительно-исторического характера, прослеживающие процессы взаимовлияний. О некоторых случаях таких влияний мы уже упоминали. Остается констатировать, что существуют различные типы таких исследований и их не следует смешивать с палингенезисом, когда прослеживается, например, эволюция какой-нибудь темы на протяжении веков, при этом прямые связи между содержанием двух произведений зачастую не обнаруживаются. В данном случае литературные структуры исследуются под особым углом зрения.

Приведем несколько примеров прямых влияний. Древний мотив «Амфитриона», истоки которого восходят к Плавту, встречается в мировой литературе во

множестве вариантов. Если поставить рядом произведения Плавта и Камозенса, написанные в XVI в., то сразу обнаруживается поразительное влияние первого на второе. То же самое происходит и в области идей: воздействие идеалистической немецкой философии Гегеля или Шопенгауэра на творчество Эминеску было убедительно раскрыто во многих исследованиях — от Майореску до Т. Виану и Ливиу Русу. Не менее очевидно влияние сентиментализма и «апостольских» тенденций учения Руссо на Льва Толстого, например. Что касается французской романтической драмы, то она, как известно, наложила свой отпечаток на развитие европейского театра в целом, включая и драматургию наших писателей Александри и Давиды. А разве композиция монументального романа Л. Толстого не продолжает влиять на прозу всей Европы и поныне? Такого же рода примеры можно обнаружить и в области сравнительной лексикологии, и в области стилистики и стихосложения (например, воздействие античного или французского александрийского стиха на поэзию разных народов) или в пределах техники письма (влияние, например, внутреннего монолога античной драмы на современный роман).

Особая категория влияний — это воздействие крупных литературных фигур на то или иное течение или период развития другой литературы (Вольтер, Руссо, Гёте, Шиллер, Байрон, Гюго и др.). Причем речь идет о влиянии не только литературного творчества, но и всей духовной жизни писателя, идеологических и политических его воззрений, философских концепций, форм гуманизма. Вспомним слова Гёте о Вольтере, о той верховной власти над умами всего культурного мира, которой он обладал, о той яростной борьбе, которую пришлось вести молодому Гёте, чтобы освободиться от этого влияния. Гюго в свою очередь подчеркивал, что мерилом достижений XVIII в., как в историческом, так и в литературном плане, остается все тот же Вольтер.

Но обратимся к внутренней сущности процессов влияния. Как известно, у этого понятия древнее астрологическое происхождение. Оно обозначало воздействие одного явления на другое, происходящее непрерывно, в течение долгого времени, и порой неза-

метно, в таинственной форме. Позднее понятие это было расширено, особенно что касается длительности и непрерывности воздействия, так как оно в различных случаях проявляется по-разному: порой молниеносно, спонтанно, и столь же быстро угасает. Некоторый же аспект таинственности сохраняется постоянно, поэтому не всегда удается выявить все причины воздействия.

Изучение влияний весьма деликатная область исследований, и чрезмерная осторожность никогда не оказывается излишней. Ученому приходится сталкиваться с самыми различными оттенками — от полной и сознательной имитации, ничем не отличающейся от плагиата, до едва уловимых побудительных импульсов разной степени эффективности. Некоторые ученые, например Уэллек, полагают, что «изучение влияний есть бесцельная охота, не заслуживающая особых усилий». Однако никто, в сущности, не отрицает важности такого рода исследований, не выступает за их отмену.

Более того, в концепции некоторых исследователей, особенно представителей молодых литератур, признающих значение заимствований, влияния рассматриваются как решающий фактор творчества, более того, единственный решающий фактор. Бывает и так, что подобная позиция становится своего рода проявлением рабства или колониальной зависимости. Такого рода тенденции обнаруживаются и в обобщающих трудах Помпилиу Элиаде, и в конкретных исследованиях Н. И. Апостолеску и Э. Ловинеску, доказывающих, что «появление первых напечатанных на румынском языке изданий в наших княжествах, становление литературного языка, даже создание национальной историографии и подлинной румынской литературы — следствие западных влияний»¹. Н. И. Апостолеску усердно отыскивает образцы почти для всех произведений румынской литературы. Так, по его мнению, «Песнь о Румынии» — поэма, рожденная под воздействием Шатобриана, Байрона, Ламенне Мишле и Библии и прозвучавшая на румынском

¹ E. Lovinescu, *Istoria civilizației române moderne*, I, p. 16

языке благодаря гению Н. Бэлческу»¹. Самобытность поэмы сводится автором исследования только к национальному языку, служащему ей одеждой. С подобной точкой зрения, разумеется, согласиться невозможно.

Противоположного взгляда придерживаются те, кто утверждает, что влияния не играют никакой или почти никакой роли. Мы уже упоминали в этой связи имя Уэллека. В его представлении литературное произведение — это структура, состоящая из напластований знаков и смыслов, коренным образом отличающихся от обычных мыслительных элементов, и поэтому влияния, которые, возможно, и содействовали формированию мироощущения писателя, не имеют особого значения, и на их изучение не стоит тратить столько усилий. Именно в этом вопросе и обнаруживается противоположность между американской структуралистской и французской исторической школами. Говоря об этом в связи с некоторыми выступлениями в Чепел-Хилле, Марсель Батайон вполне обоснованно заметил, что в соответствии с традицией классической филологии, возникшей еще в эпоху Возрождения, надо добиваться содружества различных направлений — исторического, структуралистского и эстетического. Значит, нельзя игнорировать и роль влияний, традиционно находившихся в поле зрения сторонников исторической школы.

Историк английской литературы Л. Казамян тоже не придавал особого значения влияниям. Согласно его концепции, сходство цивилизаций, литератур и культур надо объяснять действием «внутреннего закона» их стихийного развития, растущих аналогий, обусловленных историческим развитием. Что же касается собственно влияний одних явлений на другие, то они составляют якобы лишь «мизерную и поверхностную часть» этих процессов.

И все же психологические наблюдения, нашедшие выражение в выводах Бальдансперже и основанные на признаниях самих писателей, подтверждают, что

¹ N. I. Apostolescu, *L'influence des romantiques français sur la poésie roumaine*, p. 5.

влияния выступают в качестве импульсов, благодаря которым пробуждаются дарования и заложенные в них возможности становятся реальностью. Следовательно, подлинное назначение влияний — быть стимулом творчества.

Здесь уместно напомнить о теории Лучиана Благии относительно «моделирующих и катализирующих влияний», изложенную им в работе «Миоритическое пространство» (1936). Изучив различные влияния зарубежных культур на румынскую литературу, Л. Благиа приходит к выводу о том, что направленность французской и немецкой культур совершенно различна. Первая выступает как непререкаемый образец, как «закон и архетип», которым надо неукоснительно следовать. «Будь таким, как я!» — восклицает, казалось бы, она; немецкая же призывает: «Будь самим собой!» И так, с одной стороны, моделирующая, классицизирующая направленность, с другой — романтическая, индивидуализирующая, обозначенная химическим термином «катализатор». Отсюда два типа влияний в нашей литературе: французское — в творчестве Александри, Болинтиняну, Мачедонски, немецкое — в произведениях Майореску, Эминеску, Кошбука. Существуют, конечно, и смешанные типы.

В самых общих чертах теория Благии вполне обоснованна. Предложенное им деление влияний на подражательные и катализирующие можно считать убедительным, ибо оно соответствует действительности. Впрочем, Пишуа и Руссо придерживаются такой же точки зрения, более того, они даже использовали термин «катализатор»¹. Сомнительным представляется нам конкретное применение этой теории к французскому и немецкому влияниям, например, на нашу литературу. Ошибка автора состоит в чрезмерном обобщении: ведь французский стиль навязывает свою модель не целиком и не весь дух немецкой культуры побуждает к творчеству. Неужели все писатели, подвергшиеся французскому влиянию — Александреску, Болинтиняну, Александри, Мачедонски, — лишены

¹ Pichois et Rousseau, *La littérature comparee*, 1967, p. 81,

всякой оригинальности и их творчество сводится к копированию определенных французских образцов? С другой стороны, нельзя не заметить в творчестве писателей, подвергшихся немецкому воздействию, и элементы подражательные, что отмечалось исследователями в отношении творчества Майореску и Кошбука. Практика всех литератур свидетельствует скорее в пользу того, что Блага назвал «смешанными типами влияний».

Существуют, конечно, и «крайние» случаи, которые лишний раз подтверждают, что мы имеем дело с исключительно сложной проблемой. Один из них — случай с Бодлером, которого обвиняли в том, что он подражал Э. По, писателю, переведенному им. Бодлер объясняет это таким образом: «Прочитав впервые в жизни одну из книг американского писателя, я со страхом и удовлетворением открыл в ней не только сюжеты, о которых давно думал, но даже фразы, написанные и опубликованные им еще двадцать лет назад». Духовное родство, та самая «духовная семья», о которой говорил Сент-Бёв, сходство исторических моментов и многие невидимые глазу факторы играют в подобных случаях не последнюю роль.

Теперь остается изложить методологию исследования влияний и доказать непригодность некоторых методов, которые никогда не давали положительных результатов.

Так, не следует сводить к минимуму значение влияний и чрезмерно преувеличивать самобытное в литературе. Сегодня уже невозможно защищать концепции, подобные теории «закупоренного сосуда». Нет литературы, которая могла бы отгородиться от всех остальных. Связи с другими культурами объективно необходимы, и поэтому изучать процессы взаимовлияний следует, рассматривая их во всей широте и в соотнесенности с национальными явлениями.

Важно другое: четкое разграничение влияний и типологических схождений. Здесь нужна значительная доля осторожности, которую, естественно, невозможно точно определить в теоретическом плане. Приведем несколько примеров. Долгое время считалось, что возникновение различных форм литературного барокко в XVII в., таких, как гонгоризм, маринизм,

эвфуизм, французская прециозная литература, «напыщенный немецкий стиль» — следствие определенных влияний. Более поздние исследования опровергли эти выводы, доказав, что мы имеем дело с явными типологическими схождениями. Что касается великих литературных течений, начиная с Возрождения и кончая различными формами реализма XIX и XX вв., то очевидно, что все они не могли возникнуть только в результате влияний. Так, например, итальянское Возрождение не могло само по себе обусловить появление французского, испанского или английского Возрождения. Безусловно, решающую роль в этих процессах сыграли прежде всего внутренние условия развития соответствующих обществ.

В этой связи считаю необходимым остановить наше внимание на неприемлемости некоторых методов и на имевшем место преувеличении роли передающей стороны и ее способности оказывать воздействие на другие литературы в ущерб воспринимающей. На самом деле такое воздействие возможно лишь при наличии у воспринимающей стороны соответствующих условий. Подобную ситуацию воспринимающей стороны наш Т. Виану удачно определил как «Коперникову революцию» в литературоведении.

Отсюда следует, что простое филологическое сопоставление текстов еще не дает возможности выявить влияния. Для этого необходимо тщательное их изучение в тесной связи с общественной жизнью.

В ходе этого изучения определяются специфические аспекты внедрения иностранных влияний на новую почву, а также значение национальных традиций при освоении иноземных элементов.

Попытки опровергнуть подобную позицию и предложить новый подход к проблеме влияний оказались несостоятельными. На Международном бухарестском коллоквиуме по проблемам романской цивилизации, ее языков и литератур (1959) итальянским профессором Джузеппе Петронио была предложена другая концепция — распространение идей в разных странах — результат простого подражания, которое имеет место до того, как в недрах воспринимающей стороны созрели необходимые внутренние условия. В качестве примера он ссылается на воздействие

немецкого романтизма на итальянский, происшедшее якобы до возникновения в Италии соответствующих условий. Между тем совершенно очевидно, что здесь мы имеем дело с поверхностными, мимолетными контактами, которые могли бы оказаться эффективными только в том случае, если это объективно необходимо воспринимающей стороне. Так, романтические воздействия на нашу литературу в начале XIX в. носили поверхностный характер, и только в условиях мощного политического, культурного и литературного подъема вызванного событиями 1848 г., они обрели особую, действенную силу.

Мы считаем важным обратить также внимание и на значение хронологического фактора, недоучет которого ведет порою к неприятным сюрпризам, как это и случилось у нас в Румынии. На страницах наших старых школьных учебников неоднократно высказывалась гипотеза о непосредственном воздействии стихотворения «Gefunden» Гёте на произведение Енэкицэ Вэкэреску «В саду». Между тем творение Гёте появилось позднее стихотворения нашего поэта, в основу которого лег весьма распространенный фольклорный мотив.

Наконец, следует подчеркнуть, что изучение влияний не может ограничиваться лишь сферой их воздействия и распространения. Конечная цель состоит в том, чтобы, выявив подлинную роль влияний и степень их эффективности, определить оригинальность, неповторимую сущность литературного явления.

Что же касается собственно исследовательского процесса, то его сведение к параллельному, формальному изучению текстов с учетом их хронологической последовательности и внешних схождений уже никого не может удовлетворить. Несомненное, хотя и не столь глубокое воздействие творения Ламенне на «Песнь о Румынии» отнюдь не обусловлено одним лишь знакомством с текстом французского писателя, оно вызвано общим климатом эпохи, идеологической атмосферой 1848 года. Очевидно, что основное внимание надо уделять воспринимающей, а не передающей стороне. Такой позиции придерживаются в настоящее время и представители французской компаративистской школы и исследователи-марксисты.

Переходя к проблеме заимствования, напомним, что здесь угол зрения иной — предпочтение отдается передающей стороне. Нас интересуют прежде всего источники различных аспектов литературных явлений — тематики, идей, чувств, композиции, стиля, тропов.

Паул ван Тигем предложил назвать эту область сравнительного литературоведения «кренологией» (от греческого «крене» — источник). Однако и данный термин не прижился. Тем не менее значение этой важнейшей области нашей дисциплины велико, и она сложнее раздела, изучающего влияния. Исследования источников также проводились неоднократно, и здесь не обошлось без преувеличений и искажений, что и обусловило возникновение в нашем литературоведении иронического термина «источникomania». Следовательно, и при изучении источников надо проявлять максимальную осторожность.

Исследование источников не может ограничиваться одним прочтением письменных текстов. Самое непосредственное отношение к созданию многих произведений имеет биография писателя, обстоятельства его жизни, природа, на лоне которой он вырос. Чувство любви к природе было особенно воспето романтиками, однако в истории мировой литературы значительное место оно занимало и раньше — от Феокрита до конца XVIII в. Всемирный расцвет пейзажной лирики был обусловлен не книжными источниками, а прежде всего прямым воздействием природы, о чем свидетельствуют и сами писатели, и посвященные им биографические очерки. Особое место в истории литературы принадлежит путевым заметкам писателей — этим важным источникам произведений. Общеизвестно, каким творческим стимулом был для романтиков уход в глубины истории или на просторы других, порой неведомых стран. Италия, Греция, Германия, Ближний или Дальний Восток постоянно присутствуют в их творениях. Путевые заметки Гёте об Италии, г-жи де Сталь о Германии, Теофиля Готье об Испании, Италии и России получили всемирную известность. При этом имеются в виду не только источники отдельных произведений, но и общее воздействие на все творчество того или иного писателя. Написанное Гёте в период 1816 — 1829 гг. «Итальянское путешествие» — это не только

свод впечатлений и воспоминаний, сохранивших пленительную живость и поныне, это рассказ-откровение о постижении классического искусства, о приобщении к духовной жизни Италии и Рима, ставшем источником идей, которые позднее обогатят творчество писателя и принесут ему желанное душевное равновесие. Проделанное Шатобрианом в 1791 г. путешествие в Америку, рассказ о котором был опубликован почти одновременно с воспоминаниями Гёте, также объясняет многие страницы его «Мучеников», «Замогильных записок», «Атала», «Рене». В путевых заметках Динику Голеску, И. Кодру-Дрэгушану или Григоре Александреску содержится множество высказываний, позволяющих выявить факторы, оказавшие решающее воздействие на формирование их мировоззрения и их культурную позицию.

Путешествия — не единственный род творческих импульсов. Бывают, казалось бы, совсем незначительные толчки, случайные встречи, как та, например, о которой рассказал столь возвышенно Александри в «Флорентийской цветочнице», незатейливая беседа, столь часто служившая для М. Садовяну источником вдохновения.

Письменные источники, зачастую ведущие свое начало от устного творчества, разумеется, представляют большой интерес. Но их исследование, как мы уже указывали, предполагает, помимо подробного сопоставительного анализа, учет биографии сравниваемых художников, а также всего комплекса условий, в которых они жили и творили. При этом исследование может охватывать источники произведения в целом — всей его структуры или определенных аспектов, как это имело место в работе Ш. Друэ, посвященной произведениям Александри, или еще раньше в трудах Н. И. Апостолеску. Порой в поле зрения исследователя-компаративиста оказывается не все произведение, а отдельная стихотворная строка, отдельный образ. Однако в любом случае исследователь должен соблюдать методологическую осторожность и при анализе текста обязательно учитывать биографические данные создателя, общее состояние развития культуры и литературы, время написания произведения.

Изучение источников любого аспекта содержания произведения представляет большой интерес. Исследователи неоднократно обращались, например, к сюжетам произведений Шекспира или Мольера. Мы уже подчеркивали, что этих сюжетов не так уж много, однако их число значительно возрастает в результате различных комбинаций и появления новых вариантов. В сюжете такого сложного произведения, как «Сон в летнюю ночь», можно обнаружить множество источников: Плутарх, Апулей, Чосер, колдовские книги, фольклор, мифология и т. д., — и поэтому отделить один мотив от другого просто невозможно. Не менее разнообразны источники сюжета «Гамлета» — это и Saxo Grammaticus (через посредство «Необычайных рассказов» Ф. де Бельфоре), и Томас Кид, и сюжет драмы, затерянной в конце XVI в. В этом смысле показательным и многоплановым эссе Ал. Одобеску «Псевдокинегетикос», черпающее разнообразный материал в самой природе и жизни общества, а также в художественных произведениях и трудах по истории искусств.

Источником, достойным внимания исследователей, является также общая атмосфера, содействовавшая формированию творческого багажа писателя. Речь идет об иностранных книгах, прочитанных художником, о его переписке с другими писателями, его библиотеке. Подобные библиотеки удалось выявить и изучить. Так, например, в труде А. Троншона, посвященном творчеству Ренана («Renan et l'étranger»), выявлены источники, связанные с изучением автором греко-латинской, французской, немецкой, английской и итальянской литератур. Все они увязаны с определенными периодами и важными моментами биографии писателя. Исследование Дж. Кэлинеску и других ученых на тему «Культура Эминеску» охватывает не только отдельные источники, но и всю культурную атмосферу эпохи.

Образ иностранца в различных национальных литературах

Изучение межлитературных контактных связей, о чем говорилось выше, и факторов, выступающих в роли посредников — знание иностранных языков,

книгообмен, знакомство с журналами и газетами, деятельность кружков и салонов, переводы, адаптации и переработки, влияние и источники — приводит к накоплению огромного материала, с помощью которого можно воссоздать — целиком или частично — синтетический образ различных народов в той или иной литературе мира. Итак, в нашей науке обнаруживается новый круг проблем, в исследовании которых многие ученые были склонны усмотреть возможность обновления компаративизма. В последние два десятилетия стали особенно практиковаться — прежде всего во Франции — подобные исследования, посвященные «национальным типам» и их отражению в разнообразных формах культуры, в политике, истории, социологии, литературе и искусстве и др. Конечно, отражение национального типа в литературе — в силу ее специфики — не может быть исчерпывающим, однако оно отличается особой выразительностью и убеждающей силой.

Французская литература, оказавшая столь мощное воздействие на различные национальные литературы проявляла в то же время постоянный интерес к облику других народов. С начала XVIII в. французская творческая мысль уделяла особое внимание сначала Англии, затем Германии.

«Английский тип» постоянно занимал внимание французских писателей — от Вольтера до Тэна и вплоть до наших дней. Восторженную оценку получили в их работах английские учреждения, конституционные принципы, эмпирические философские воззрения, литература, начиная с Шекспира. В недавней работе Пьера Ребуля, названной «Английский миф во французской литературе эпохи Реставрации» (1962)¹, доказывается, что облик Англии в общественном мнении Франции окончательно оформился в период 1815 — 1830 гг. Его отличительные особенности — реалистический образ мысли, некоторая двойственность, свободолюбие, стремление к господству над другими. М. Ф. Гюйяр, исследовавший творчество Поля Бурже, Абеля Эрмана, Андре Моруа, Валери Ларбо, Поля

¹ Pierre Reboul *Le mythe anglais dans la littérature française sous la Restauration*, Lille 1962.

Морана, Л.Ф. Седина периода 1914 — 1940гг., добавил новые штрихи к этому портрету. Затем в исследовании Жоржа Асколи было изучено французское общественное мнение о Великобритании до XVII в. Правда, работа эта, как и прочие, посвященные «общественному мнению», относится, скорее, к области истории.

«Немецкий национальный тип» начинает занимать воображение французов со второй половины XVIII в., особенно после появления «Вертера». С выходом книги г-жи де Сталь в 1813 г. взоры Франции активно обращаются к Германии. До второй половины XIX в. представление о Германии ограничивалось здесь рамками «республики культуры» с центром в Веймаре. Позднее начинает оформляться новое понимание страны, которое окончательно созреет в результате военных действий 1870 г. Таким образом, утверждаются два облика Германии: страны культуры и цивилизации, с одной стороны, Бисмарка и фельдфебеля — с другой. Наряду с этим у каждого писателя (у Ренана, Ромена Роллана, Жюль Ромена и др.) имеется свое представление о Германии.

После Англии и Германии французская творческая мысль обращается к Италии, Испании и другим странам. О них публикуются работы еще на заре нашего века, как, например, книга Ю. Менжэна «Италия романтиков» (1902).

О «русском типе», «американском типе» появляются различные диссертации и исследования после 1940 г. Не забытым во французской литературе оказался и образ нашего соотечественника. Остановимся на этом несколько подробнее, тем более что на эту тему имеется весьма убедительная работа Шарля Друэ, напечатанная в журнале «Mercure de France» (1924, № 1). По словам автора, он предпринял нечто вроде «экскурсии» по страницам французской литературы XIX и XX вв., просмотрев множество романов, рассказов, пьес в поиске «упоминаний о Румынии». Начал он с изучения некоторых мелодрам четвертого десятилетия прошлого века, например «Доспехи, или Молдавский солдат» Кювелье и Леопольди (1831), затем физиологических очерков в духе Бальзака, сочиненных Станиславом Беланже (1840), и, наконец героев эротического романа, популярного в 1848 г.

Но, как и следовало ожидать, особое место в работе Друэ уделено Мишле, который с большим энтузиазмом поддержал румынских борцов за независимость Родины. Сведения, приводимые Мишле — известным французским историком, — опирались на многочисленные источники; некоторые вещи он узнал из уст изгнанников, с которыми поддерживал тесные отношения, другие — от французских друзей, побывавших в Дунайских княжествах, кое-что из книг Элиаде и Бэлческу, переводов Войнеску, народных произведений и т. д. Используя эти источники, Мишле набросал национальный портрет румына, отметив мягкость и нежность его характера, созвучные печальной прелести дойн, любовь румына к природе, его терпеливость и стойкость в страдании, гостеприимство, красоту языка и т. д. И хотя во всем этом и есть некоторая доля идеализации, нельзя не отметить, что в основном черты национального характера схвачены верно, в них — сущность нашего исторического развития. Правда, в последнее десятилетие века и позднее портрет румына во французской литературе получает все более полное, но и более противоречивое отражение. Наряду с такими признанными положительными качествами румынского характера, как гостеприимство, культ прошлого, дружелюбие, французские писатели отмечают и склонность к роскоши, «сладкой жизни», приключениям, снобизму. Эти отрицательные черты особенно подчеркиваются такими писателями XX в., как М. Прево, Вийи, А. Батай, Бине-Вальмер, правда, не всегда понятно, какое отношение имеют герои книг к румынскому характеру.

Исследование Друэ завершается «галереей портретов румын в современной французской литературе», причем отмечается, что многие портреты соответствуют действительности, а другие нарочито искажены авторами. Галерея эта, разумеется, далеко не полна, работа напечатана в 1924 г. Автор, продолживший такое исследование, мог бы представить более полную картину.

Среди работ, посвященных образу румын во французской литературе, следует назвать исследование В. В. Ханеша «Формирование французского мнения о Румынии в XIX в.» (1929). Труд Ханеша носит пре

имущественно исторический характер и прослеживает различные отклики на румынский вопрос во Франции во втором и третьем десятилетиях минувшего века. Здесь же подчеркивается, что после 1840 г. интерес к Румынии все возрастает, объем информации о ней становится более обширным благодаря содействию таких путешественников, литераторов, ученых и дипломатов, как Вайян, Реньол, Депре и др. 1848 год — период наивысшего интереса французов к нашей стране; этому в немалой степени содействовала активная деятельность румынских эмигрантов в Париже и в других частях Франции, таких ярких представителей нашей культуры, как И. Гика, В. Александра М. Когэлничану.

Конечно, при рассмотрении этой общей большой проблемы надо помнить и о другом, противоположном аспекте процесса, а именно об оценке Франции творческой мыслью других стран. Известно, например, что в журнале «*Revue de psychologie des peuples*» были названы черты того портрета Франции, который сложился в Германии, Испании, Англии и Италии. Правда, этот анализ дан скорее в научном, нежели литературном плане. Следует также упомянуть любопытные заметки профессора Мюнхенского университета Роже Бауэра об «Образе немца во французской литературе и француза в немецкой литературе», опубликованные в «*Fraternité mondiale*». В этом небольшом исследовании убедительно прослежен процесс взаимной оценки двух стран, создание «немецкого типа» у французов и «французского типа» у немцев с начала XIX в. При этом рассмотрены политические, социальные и культурные факторы, сыгравшие важную роль в этих процессах.

Разумеется, предстоит еще многое сделать для того, чтобы выяснить портреты различных стран в литературах разных народов. В этом отношении анализ образа румына в других литературах и образа иностранца в румынской литературе мог бы представить, наверное, немалый интерес.

Считаю необходимым сделать несколько замечаний, которые могут оказаться полезными при проведении в будущем такого рода исследований.

Прежде всего заметим, что представления о той или иной стране не могут быть, и это естественно, одинаковыми, раз и навсегда данными. Германия начала XIX в. — это родина не только Гёте, но и других художников слова. И ограничивать ее только Пруссией или Баварией тоже невозможно. Затем, в различные эпохи образ страны неодинаков, что обусловлено самыми разнообразными факторами. Разумеется, социальный подход играет здесь первостепенную роль, чем и объясняется наличие образов «двух Германий», о которых говорилось выше, или «двух Франции», о чем писал у нас М. Раля. И наконец, следует постоянно помнить о субъективном характере оценок тех или иных писателей, об их личном опыте пребывания в описываемой стране, о неизбежном воздействии политических факторов, о литературных традициях и т. д. Все это обязывает нас с крайней тщательностью и осторожностью подходить к портрету той или иной страны в литературе.

Типологические схождения

Рассмотрев первую категорию межнациональных связей — непосредственные межлитературные контакты, — обратимся теперь к другой категории, охватывающей типологические схождения явлений, относящихся к разным историческим и лингвистическим эпохам. Заметим с самого начала, что эта область сравнительного литературоведения куда менее разработана, чем область контактных связей, источников и влияний. Лишь в последнее время исследователи стали проявлять растущий интерес к изучению сходства на основе типологических общностей, что выявилось на 5-м Конгрессе Международной ассоциации по компаративистике в Белграде в 1967 г. Здесь прозвучало немало сообщений на тему типологической общности некоторых литературных течений: Возрождения, романтизма, реализма и авангардистских школ.

Исследователями давно отмечалось, что между литературами существуют схождения, аналогии, совпадения, соответствия, которые невозможно объяснить только влияниями. Типологические схождения зачастую переплетаются с явлениями, относящимися к об-

ласти влияний и источников. Так, появление разнообразных литературных течений и школ, которые относятся к области типологических схождений, обусловлено также и влияниями, выступающими в качестве дополнительного стимула. Вот почему в любом сравнительно-историческом исследовании необходимо четкое разграничение межлитературных контактов и типологических схождений.

Как известно, поиск общности по типологическому сходству практиковался еще в древнюю пору и стал весьма распространенным риторическим упражнением в различных поэтических и философских школах. Плутарху принадлежит заслуга возведения этого метода в ранг литературного жанра в его знаменитых «Сравнительных жизнеописаниях». Античный писатель выстраивает последовательную цепь из 23 пар исторических лиц: греков — римлян — Демосфена и Цицерона, Перикла и Фабия Кунктатора, Александра Великого и Цезаря, Алкивиада и Кориолана и т. д. Эти параллельные жизнеописания строятся по одной и той же историко-повествовательной схеме, позволяющей выявить схождения и различия между историческими деятелями, и сделать общее заключение об их нравственном облике.

Затем этот жанр встречается во французской литературе, подарившей миру знаменитые произведения Боссюэ («Надгробные речи»), Лабрюйера («Характеры или нравы нашего века»), Шатобриана («Замогильные записки»). В нашей литературе такие параллели наблюдаются в произведениях Б. Делавранчи.

Все эти сведения, однако, скорее подходят для составителей истории этого литературного жанра, имеющего свои истоки в античной литературе и сохранившего до наших дней риторическую окраску, чем для сравнительного литературоведения. Здесь мы их приводим только потому, что они представляют определенный исторический интерес, являя пример творческого использования метода типологического сопоставления.

Более близка к предмету нашей дисциплины знаменитая полемика между сторонниками «древних и новых», протекавшая в 1683 — 1719 гг. Ее участники — такие известные деятели культуры, как Фонтенель,

Перро, Буало, аббат Дюбо, противопоставляли литературные, художественные и научные достижения двух великих эпох в истории человечества — античности и современного мира, — из которых первая к тому времени стала оказывать губительное воздействие на прогрессивные тенденции современного творчества. Фонтенель в знаменитом своем творении «Свободное рассуждение о древних и о современниках» (1688) доказывал, что античность — всего лишь детская пора человечества, а современная эпоха — период его зрелости. Он предсказывал, что настанет время, когда творения эпохи Людовика XIV будут оцениваться не ниже античных. В том же году в спор включится и Ш. Перро, который в диалогах «Параллели между древними и новыми в вопросах искусства и наук» будет доказывать на основе последних данных превосходство вторых над первыми. Противоположную позицию еще с 1674 г. занимал Буало, защитник древних, но и он к 1700 г. будет искать путей относительного примирения с Перро. Вторая фаза дискуссии начнется в 1711-м и закончится в 1719 г., однако ее отзвуки будут ощущаться и в конце XVIII в., когда в спор вступит Кондорсе. На этот раз речь шла уже не о собственно литературном жанре, а о подлинном сопоставлении идей и концепций, о сравнении, основанном на серьезных аргументах, несмотря на высокий накал дискуссии. Спор «древних и новых», хотя и не представляет типической фазы развития научного компаративизма, тем не менее является убедительным примером использования сравнительно-типологического метода исследований, благодаря которому были выявлены некоторые общие моменты, свойственные двум эпохам.

В прошлом веке этот метод был предан забвению, и — что особенно характерно и удивительно — на заре компаративизма такой исследователь, как Вильмен, весьма скептически расценивал его перспективы. Он придерживался мнения, что «писатель вдается в излишние тонкости, чтобы объяснить различия, и искажает черты во имя обнаружения сходств», что возможно только при неправильном сопоставлении. Однако игнорирование этого метода продолжалось, и в его оценке современные словники и энциклопедии при-

держивались скептических определений прошлого века, Лишь в последние годы стала очевидной необходимость реабилитации сравнительно-типологических изысканий. Можно назвать статью Леона Селье «Парадокс параллели», напечатанную в «Revue de littérature comparée», в которой автор решительно утверждает, что метод отнюдь не устарел, что к нему стоит вернуться, что сама природа вещей этого требует. Утверждение это соответствует истине, ибо типологические схождения — не субъективное построение человеческой мысли, они объективно существуют в действительности, и исследователи обязаны выявлять их и научно обосновывать.

Весьма убедительный аргумент в пользу типологических схождений — это крупнейшие литературные течения. Их появление трудно объяснить источниками и влияниями. Да и никто не станет утверждать, что Возрождение, например, возникшее в Италии, вдруг распространилось во все страны Европы наподобие некой всеобщей эпидемии. По крайней мере одно обстоятельство решительно опровергало бы подобные предположения. Мы имеем в виду разновременность возникновения и развития Возрождения в различных странах.

Как известно, Возрождение возникло в Италии в XIV в., затем в XV в. настала пора французского и испанского Возрождения, в XVI в. — английского, а в XVII в. — немецкого, где оно обрело форму Реформации. На востоке Европы, в частности в наших княжествах, признаки этого течения обнаружились в конце XVIII в., даже начале XIX в. («Трансильванская школа») одновременно с разнообразными формами просветительства. Если бы это мощное европейское течение возникло в результате влияний, то появилось бы оно почти одновременно во всех странах под заметным воздействием Италии. Между тем различие в сроках его возникновения свидетельствует о самостоятельности форм Возрождения, о необходимости возникновения внутренних условий (общественно-исторических предпосылок и соответствующего духовного климата в той или иной стране) для освоения внешних воздействий. Нет никакого сомнения, что и влияния имеют определенное значение, но

они представляют всего лишь вспомогательный фактор, некий импульс к возникновению в нужный момент типологически сходного явления.

Обратимся к более подробному анализу типологических сходжений и попытаемся наметить несколько основных типов их исследования.

Первая группа охватывает сравнительно-типологические исследования разнообразных аспектов литературных структур — тематики, чувств, идей, композиционных построений, стиля, форм стихосложения.

Еще раз остановим наше внимание на тематических сходжениях. Общеизвестно, что количество тем ограничено. Гоцци, например, считал, что в театре существуют всего лишь тридцать шесть трагических коллизий. Шиллер называл еще более скромную цифру, А. Моруа обнаружил в романах всего двенадцать основных тем, а наш Б. П. Хашдеу выявил двадцать восемь прототипов сказки. Мы не будем вдаваться в обсуждение точности этих цифр; для нас важен факт, что количество тем ограничено и, следовательно, тематические сходжения неизбежны.

Что касается эмоционального содержания произведений, то и здесь легко обнаруживаются типологические сходжения. Вспомним хотя бы, какой культ чувства характеризовал литературные направления XVIII в. — от Ричардсона до Руссо и Гёте, о чем писал Паул ван Тигем в статье, напечатанной в «*Revue de littérature comparée*» (1940). Здесь очевидны типологические сходжения, хотя определенная роль принадлежит и влияниям.

Не менее часто встречаются и идейные сходжения. Назовем среди исследователей, внесших значительный вклад в их изучение, П. Азара, который в двух объемистых трудах, посвященных эпохе Просвещения, описал многочисленные случаи идейных сходжений в рамках общего штурма «традиционных верований» средневековья. «Суд над христианством» происходит в эту пору не в пределах одной страны, эта критика носит всеобщий универсальный характер. Представители разных народов — Вольтер, Лессинг, Геновези, Хагедорн и др. — утверждают сходные концепции. В одно и то же время в Италии, Франции, Германии, Англии появляются теизм, горячий интерес к изуче-

нию естественных наук, естественного права, светской и общественной морали, всюду восхищаются «Энциклопедией», так же как и «Английской конституцией».

Весьма распространенное явление этого периода, естественно, схождения в области форм. Рассмотрим в этой связи кризисные явления, возникшие на закате эпохи Возрождения и нашедшие выражение в различных формах литературного барокко.

Выше мы уже упоминали о почти одновременном появлении в начале XVII в. ряда литературных школ, известных под названием гонгоризма в Испании, эвфуизма в Англии, маринизма в Италии, прециозной литературы во Франции, напыщенного стиля в Германии. Всем им свойственно влечение к изящной, но поверхностной идее, к вычурной элегантности стиля, к чрезмерной причудливости образов и тропов, к нагромождению сравнений, метафор, гипербола, антитеза, аллегорий, символов. Речь шла, иными словами, о подлинном культе формы, о явном и настойчивом отстранении от конкретной действительности. Это период своего рода нового александринизма, к которому пришло в своем развитии Возрождение. И хотя дело не обошлось без влияний, особенно со стороны Джамбаттисты Марини, каждая из названных школ возникла самостоятельно как следствие общего кризиса Возрождения и общественного развития эпохи. Они представляют ряд стилистических типологических схождений, в существовании которых не приходится сомневаться.

С такого же рода явлениями мы встречаемся, знакомясь с развитием литературных видов и жанров, например европейского романа — реалистического, натуралистического, или с произведениями более узкой тематической направленности, например крестьянским романом. Особого расцвета последний достигает в 1840 — 1860 гг. в Швейцарии, Франции и Германии (произведения Иеремии Готхельфа, Жорж Санд, Готфрида Келлера, Жоржа Элиота). Это пора, когда крестьянство впервые с конца средневековья вновь появляется на страницах литературных произведений в связи с его растущей социальной ролью а эпоху утверждения буржуазии. В произведениях

этого времени подчеркивается даже его революционная роль, о чем свидетельствуют творение де Костера «Легенда об Уленшпигеле и Ламме Гудзаке» (1867), или появившаяся еще раньше хроника Пр. Мериме «Жакерия» (1828), или «История Пугачевского бунта» Пушкина (1833). В этих произведениях жанровые сходжения сопровождаются идейно-тематическими, так как и в Голландии, и в России крестьянство поднялось против тирании феодалов.

Сравнительно-типологические исследования ведутся и в области психологии. Речь идет о выявлении «духовного родства» писателей, их «специфической близости», содействующей формированию тех «духовных кланов», о которых говорил Сент-Бёв. Примером может служить психологическая близость Титу Майореску и Гёте, о которой писал некогда автор этих строк. Отправной точкой послужило признание самого румынского критика, содержащееся в его «Ежедневных заметках» за 1858 г. «Я нашел у Гёте, — писал Майореску, — в истории его духовной эволюции черты, которые удивительно совпадали с моими, более того, порой казались выросшими в моей душе». В том же году, говоря о переписке Гёте, румынский критик отмечал, что некоторые характерные особенности немецкого поэта он «достоверно обнаружил и у себя». Типологическая общность Гёте и Майореску позволяет объяснить постоянный интерес нашего писателя к жизни и творчеству великого немецкого классика, предпочтение, которое он оказывал определенным произведениям. У этих двух литературных деятелей обнаруживается и сходство характеров — душевная открытость, уважение личности в обществе, особое внимание к нравственным проблемам, некоторый эгоизм, чувственность и сентиментальность и, наконец, ярко выраженный гуманизм. Подобные сходжения, разумеется, можно обнаружить и в ряде других случаев; их значение несомненно, как для более глубокого изучения каждого из сравниваемых художников, так и для выявления их психологической общности.

Сравнительно-типологические исследования могут охватывать и более сложные явления, нежели те, о которых шла до сих пор речь. Некоторые произведения отличаются тематической близостью, общими

источниками, сходными психологическими элементами, одинаковой политической направленностью и, наконец, общностью философских концепций. Так возникают многосторонние типологические схождения со сложной структурой, и интерес к ним, естественно, особенно велик. Одно из подобных исследований принадлежит Тудору Виану, и посвящено оно выявлению типологического сходства общественных, интеллектуальных и нравственных факторов, обусловивших создание двух выдающихся произведений: «Трагедии человека» Мадача (1861) и «Memento mori» М. Эминеску (1871 — 1872). Произведение венгерского писателя появилось на десятилетие раньше творения Эминеску, более того, его перевод на немецкий язык был опубликован в 1865 г., что делает вероятным знакомство с ним румынского поэта. Однако конкретных доказательств нет. Несомненным остается лишь сложное типологическое сходство, и Т. Виану изучил его со свойственной ему добросовестностью и скрупулезностью. Оно обусловлено прежде всего общей темой — изменчивость человеческой судьбы на фоне смены великих империй, что, в сущности, представляет собой один из вариантов старой формулы «for-tuna labilis» (изменчивая судьба). Затем в этих произведениях отражены сходные идейные и психологические позиции авторов: сочувствие революции 1848г., ненависть к реакции, пессимизм, обусловленный веяниями эпохи и отчасти влиянием Шопенгауэра, весьма сильным в 1860 — 1870 гг., идеология, основанная на романтическом толковании истории, и т. д. Типологические схождения в данном случае очевидны, и они в свою очередь помогают глубже постигнуть сущность каждого художника, не прибегая к исследованию источников и влияний.

Еще до появления работы Т. Виану была исследована общность по типологическому сходству между Эминеску и Леопарди, точнее, между «Посланием вторым» румынского поэта и «Гимном патриархов» итальянца, между «Посланием первым» и «Графу Карло Пеполи», между стихотворением «Что такое любовь?» и «Ведущей мыслью» Леопарди¹.

¹ Nicanor Rusu, Coincidențe: Eminescu și Leopardi, în Insemnări ieșene, 1939, № 10.

Но самыми характерными и комплексными формами типологических схождений, как мы уже заметили, остаются литературные течения и школы, начиная с Возрождения и до наших дней.

Своего рода предтечей таких исследований принято считать Г. Брандеса, опубликовавшего работу под названием «Главные течения европейской литературы 19 в.». Надо заметить, однако, что не сравнительно-типологический анализ составляет сущность этого исследования. Само содержание многих глав работы — «Литература эмигрантов», «Романтическая школа в Германии», «Натурализм в Англии», «Романтическая школа во Франции», «Молодая Германия», — постоянное полемическое обращение к фактам датской и скандинавской литератур свидетельствуют о выявлении не общеевропейских особенностей отдельных литератур, а прежде всего их специфических черт. Между тем сравнительно-типологические исследования ставят перед собой иную цель. В свете этих исследований Возрождение, например, предстает как движение, охватившее большую часть нашего материка в период XIV — XVI вв. Влияние средневековой литературы к тому времени было преодолено, разрыв традиционных отношений с античностью устранен, возник новый мир, уделявший особое внимание духовным ценностям человечества. Коренным образом преобразился общественный и нравственный климат. Изобретение книгопечатания, великие географические открытия, частые поездки писателей и художников в разные страны, бурные водовороты политических событий, вызванные войнами, решительное восхождение нового класса — буржуазии — вот что отличает все страны Западной, а затем и Центральной Европы. Латинский язык остается основным языком культурного общения, но на эту роль все настойчивее претендуют и национальные языки других народов. Это, как известно, эпоха гуманизма, эпоха эрудитов, воскресивших античные ценности в соответствии с потребностями нового времени. Литература и искусство приобретают преимущественно светский характер, всюду наблюдаются элементы панэстетизма. Среди наиболее важных особенностей европейского Возрож-

дения можно назвать новую тематику, в которой в отличие от средневековой основное место занимает не безликая толпа, а раскрепощенная человеческая личность, ее отличает постоянный поиск новых форм на основе античных норм прекрасного, особое внимание к стилю и художественным аспектам искусства, постоянное подчеркивание наиболее общих и существенных сторон жизни и, наконец, утверждение великих принципов гуманизма. Эти особенности обнаруживаются во всей Западной Европе, они и составляют характерный комплекс типологических схождений, а взаимные влияния лишь содействуют их усилению.

Вслед за Возрождением возникает в XVII и XVIII вв. классицизм — в сущности, его продолжение, имеющее, однако, свои отличительные особенности. В ходе его развития литературы разных стран постепенно теряют свой аристократический характер, все более приближаясь к буржуазной среде.

Исключительный интерес к сознательной внутренней жизни человека часто приводит к игнорированию внешней обстановки, одежды, внешнего вида и т. д. По-прежнему сохраняются связи с античностью, воспринимаемой как образец, но ведущей становится нравственная направленность произведений — воспитание человека, его этическое совершенствование. Всеобщий климат морального здоровья охватывает литературу. Высшим мерилом становится разум, в искусстве это приводит к утонченности вкуса. Ясность и четкость царят всюду, в том числе и в стиле; согласно картезианским образцам жанры и виды обретают четкие формы, правила соблюдаются неукоснительно. В условиях монархического правления писатель оказывается приобщенным к общественной действительности своего времени. Космополитические тенденции, наметившиеся во второй половине XVII в., приобретают всеобъемлющий характер в следующем веке. Разумеется, и в эту эпоху не обошлось без влияний, так как после владычества итальянской культуры в дни Возрождения следует господство французской культуры. Однако наличие сходных черт развития свидетельствует прежде всего о комплексных типологических схождениях.

В исследованиях Г. Мишо и Паула ван Тигема, посвященных романтизму, показано, что пришедшие к нему литературы различных стран — сперва немецкая и английская, затем французская — проделали поразительно сходный путь.

В этапах, темах, характерах проглядывают одни и те же направления предромантического развития. Романтическая доктрина в Германии — индивидуализм, обращение к миру природы, лиризм, свободная игра фантазии, культ средневековья — получает все более широкое обоснование на протяжении всего XVIII в. вплоть до эпохи «Бури и натиска». В Англии романтическая теория, обосновывающая сенсуализм, сентиментализм и индивидуализм, свободу вымысла, обращение к средневековью, появляется также еще до XIX в. Кое-какие антиклассицистические тенденции, отзвуки «спора древних и новых» дают себя чувствовать во Франции уже в начале XVIII в. Еще Фенелон и Мариво апеллировали в своих творениях к чувству, Руссо написал немало элегически окрашенных страниц — так закладываются основы романтизма и ... нового типологического схождения. На этом первоначальном этапе романтизма обнаруживаются удивительно сходные моменты в развитии английской и немецкой литератур. В своем знаменитом труде «Романтизм в европейских литературах» Паул ван Тигем недвусмысленно говорит о «полном типологическом сходстве» в период между 1798 и 1803 гг., то есть о схождениях в начальных этапах творчества Уордсворта, Колриджа, Саути, Скотта, с одной стороны, и Тика, Новалиса, братьев Шлегель, Brentano, Арнима, Клейста — с другой. Затем в пору утверждения романтизма как европейского течения (третье — пятое десятилетие XIX в.) во всех почти без исключения странах Западной и Восточной Европы можно обнаружить очевидные схождения, выявившие индивидуалистические стремления художников этой поры, их фантазию и страстность, яростное неприятие классицистических правил и всей доктрины в целом, либерализм, бурное чувство слияния с природой, особое внимание к национальной литературе в противовес космополитическим тенденциям и т. д. Возникновение всех этих типологических схождений обусловлено раз-

витием европейского общества под влиянием Французской революции и наполеоновских войн. Роль влияний в этот период менее значительна, чем раньше, во всяком случае, уже не приходится говорить о литературном господстве одной нации, ибо всюду с неудержимой силой утверждается национальное, самобытное. Подобные схождения выявляются и внутри других литературных течений и школ XIX и XX вв. — от реализма и до новейших литературных явлений нашего времени.

Приведенные выше примеры свидетельствуют о наличии двух четко разграниченных групп типологических схождений, а именно: совпадающие по времени схождения, например барочные школы начала XVII в., и схождения, расположенные в определенной последовательности, примером чего могут служить литературные течения. В обоих случаях влияния не играли решающей роли, они выступали как вспомогательные импульсы.

Все эти формы типологических схождений носят, несомненно, исторический характер, всей сущностью своей они связаны с соответствующими историческими эпохами, и появились они пусть в ряде случаев в разное время, но в сходных общественно-экономических условиях и при одновременно близких литературных традициях, иными словами, при сходных отношениях между базисом и надстройкой.

Однако сравнительное литературоведение не должно ограничиваться исследованием только исторических типологических схождений. Есть немало литературных явлений, разделенных огромным пространством и временем, но удивляющих нас поразительным сходством, которое никоим образом невозможно объяснить близкими социальными и историческими условиями. Мы назовем здесь лишь некоторые случаи, ставшие в последнее время предметом пристального внимания исследователей.

Р. Этиембль указывал однажды в своей работе «Сравнение — не доказательство» на очевидное сходство европейского романтизма конца XVII в. и китайской поэзии обширного исторического периода — от знаменитого Цюй Юаня (IV — III вв. до н. э.) до Сунской династии (XIII в. н. э.). Китайская поэзия этой

поры, особенно творчество Цюй Юаня, отличается, так же как и романтическая поэзия, возникшая две тысячи лет позднее, решительным обращением к народному творчеству, верностью народным традициям, высокой эмоциональностью. И китайская, и европейская романтическая поэзия развивались в эпохи бурных политических событий, отмеченных войнами, интригами, памятными событиями. Этим и объясняются прямо-таки поразительные совпадения той и другой поэзии.

Другой пример приведен в исследовании Ж. Монnero, на который он ссылается в своей статье о «Парадоксе параллелей» Л. Селье. Речь идет об интересном сопоставлении некоторых явлений александрийской эпохи (приблизительно 130 г. н.э.), например некоторых течений агностицизма и сюрреализма — литературного направления Франции 30-х годов XX в.

Исследователь пришел к выводу, что в эти столь отдаленные друг от друга эпохи возникли четко очерченные «синкретические типы». Он имеет в виду прежде всего школу гностиков, выступавших в первых двух столетиях нашей эры против некоторых течений в греческой философии, что во многом напоминает выступления сюрреалистов против критического реализма в литературе. Общность обусловлена здесь сходством некоторых теософических тенденций древнего гностицизма с поиском бессознательного при помощи сюрреалистического анализа.

Другой пример приведен в работе Т. Мелона, который выявил типологические схождения европейской литературы эпохи Просвещения и современной африканской литературы на французском языке¹.

Таких примеров немало, и объяснить их происхождение не представляет особой трудности. В основе таких схождений — общечеловеческая психология, которая существовала во все времена и на всем земном шаре. Это, кстати, подчеркивал и Маркс, говоря о непреходящей ценности античного искусства.

Исследование типологических схождений открывает куда более широкие перспективы, нежели изучение контактных межлитературных связей для воссоздания общей психосоциологии и вместе с тем — по мере все

¹ Revue de littérature comparée, 1964, № 2.

более углубленного изучения огромного материала, разбросанного в пространстве и во времени, и выявления характерных особенностей искусства — для становления всеобщей эстетики.

Отличительные особенности литератур как предмет сравнительно-исторического исследования

Завершая рассмотрение общих границ нашей дисциплины, и в частности форм межлитературных связей, мы должны перейти к анализу последнего типа отношений — «отношений независимости литератур», обладающих самобытной структурой, которые также могут быть выявлены путем сопоставлений. Нельзя сказать, чтобы этот аспект проблемы находился до сих пор вне нашего внимания. Так или иначе, мы его касались при анализе различных типов межлитературных отношений — непосредственных контактов и типологических схождений. В частности, рассматривая факторы, содействующие межлитературным контактам, мы подчеркивали роль исторической концепции философии культуры, нашедшей выражение в национальных идеологиях.

Далее, касаясь проблемы переводов, мы обращали внимание на методологическое значение бережного отношения к целостности оригинала. Такие высокохудожественные переводы, как Амиота из Плутарха, А. В. Шлегеля из Шекспира или работы М. Садовяну, Ал. Филиппиде, Т. Виану, Ч. Петреску в нашей литературе, представляют собой благодаря мастерству переводчиков и их бережному отношению к тексту произведения, достойные оригиналов.

Перейдя затем к проблеме влияний и заимствований, мы отмечали важность внутренних условий воспринимающей стороны, то есть ее специфических моментов, затем рассмотрели катализаторскую сущность некоторых влияний, которые играют роль возбудителя скрытых национальных особенностей. Наконец, мы указывали, что сама цель исследования влияний и заимствований заключается в том, чтобы отделить

заимствованное от собственного, что в конечном итоге помогает выявлению оригинальных структур.

При рассмотрении типологических схождений мы неоднократно обращали внимание на роль самобытного, специфического в каждой литературе и отмечали, что типологические схождения возникают при наличии определенных внутренних условий, благоприятствующих этому процессу. Надо ли доказывать, что аналогии, сходства никогда не бывают полными, и поэтому обязательно встает вопрос о различиях при типологическом схождении. Истина эта столь непреложна, что и в упоминаемой нами работе Брандеса «Главные течения европейской литературы 19 в.» основное внимание сосредоточивается на национальных моментах развития литератур, хотя, в сущности, цели работы были иные.

Итак, при рассмотрении различных категорий межлитературных отношений мы постоянно обращались к отношениям независимости литератур, их отличительным особенностям. Сейчас перейдем к более детальному рассмотрению этого вопроса.

Исследование межлитературных контактных связей и типологических схождений позволяет выявить общие моменты в развитии литератур: сходства, совпадения — и создать, таким образом, единую картину литературного процесса. Но мы также отмечали, что именно внутри этой единой картины обозначаются различия, несовпадения, несходные моменты и на общем фоне выделяются с удивительной выпуклостью, как писал Фриц Штрих в своем труде «Всемирная литература и сравнительная история литературы» (1930), национальные различия. По мнению того же автора, существуют литературы, которые отличает стремление к универсальности или по крайней мере к общеевропейскому единству, в то время другие литературы тяготеют к национальной замкнутости. Французская литература, например, относится к первой группе, она чаще всего выступает с позиций общности цивилизации и культуры европейских народов. Вообще утверждают, что такие выдающиеся умы Франции, как Монтень, Паскаль, Ларошфуко, представляют не французскую, а общеевропейскую культуру. Доля истины в этом утверждении есть, но в

целом оно. Конечно, преувеличено, так как и названные лица, и другие выдающиеся умы Франции представляют прежде всего французскую культуру, ее неповторимое своеобразие.

Как свидетельствует историческая действительность, национальное, самобытное, проявляется повсюду без исключения, более того, есть все основания утверждать, что и космополитические тенденции, о которых мы только что упоминали, тоже специфические проявления того или иного народа и поэтому также относятся к категории его отличительных особенностей.

Но с особой наглядностью обнаруживается национальное своеобразие в области международных литературных связей. Долгими веками тот или иной народ пассивно воспринимает культурные ценности других наций, но вдруг возникают условия, когда он предстает перед всеми культурами мира как яркая творческая сила, как открыватель новых путей. Так было с итальянской культурой в эпоху Возрождения, с французской в периоды классицизма и особенно Просвещения, немецкой — во времена Гёте и Шиллера. Это — следствие совпадения объективных условий — общественно-экономических и духовных — определенной исторической эпохи с творческими возможностями того или иного народа, обусловленными спецификой национального характера. Чувственность, яркая эмоциональность, «взрывной» оптимизм, веселость, склонность к бурлеску, индивидуализм, чувство прекрасного, доведенное до уровня подлинного панэстетизма, черты, свойственные «*homo singolare*» (своеобычному человеку), — все эти специфические черты итальянского народного характера оказались подстать историческим требованиям Возрождения и предопределили ту международную роль, которую сыграл итальянский народ в этой области. Или еще пример: культ разума, подвижный темперамент, пафос и определенная склонность к риторизму, скепсис, социальная терпимость, блистательное остроумие и ирония — общеизвестные черты «*homme du monde*» (светского человека), свойственные и французскому национальному характеру, содействовали развитию классицизма и просветительства, прежде всего в этой стране.

Что же касается специфики национальных характеров, то она существовала всегда, правда, особый интерес к ней стали проявлять лишь в XIX в., в процессе становления национального самосознания. Тогда-то и возникла новая дисциплина, названная в середине века Лазарусом «психологией народов» («Volkerpsychologie», 1851).

В то время наука эта носила чисто спиритуалистский характер, ее предметом считались психологические процессы, связанные с «духовными общностями». Автором концепции был Вильгельм Вундт, для которого «психология народов» была эволюционной наукой, прослеживающей развитие цивилизации от первобытной поры до переходного периода к современной культуре. Подход этот, хотя и опирался на некоторые документально-этнографические материалы, был все же дедуктивным в своей основе и умозрительным. Затем «психология народов» стала постепенно обращаться к индуктивным методам, накапливая многочисленные данные о жизни народов периода естественного состояния («Naturvölker»), полукультуры («Halbkulturvölker») и эпохи культуры («Kulturvölker»). В конце концов она отказалась от односторонней эволюционной концепции в пользу качественно-дифференцированного подхода в том смысле, что теперь она связывала с «первобытной стадией культуры» особое, существенно отличное от других стадий мирозерцание, но не видела в ней обязательно более низкую ступень по сравнению с собственно «культурной» стадией.

Нас же здесь интересует лишь тот факт, что как при старом, эволюционном подходе, так и при современном, индуктивном новая дисциплина настойчиво прибегала к сравнительно-историческому методу.

Начало нашего века отмечено значительным развитием данной науки, особенно второе и третье десятилетия, когда появляется много исследований; им предшествовал выход книги Альфреда Фурье «Психологический очерк европейских народов» (1903). Среди работ того времени особенно примечательны труды Ф. Тенниса (1917), Кейзерлинга (1919), Е. Бутру (1914), Арнольда ван Геннепа, автора «Сравнительного трактата национальностей», и, нако-

нец, психолога Р. Мюллер-Фрайенфельса (1930). Все они в основном описывают французский психологический тип в сравнении с немецким либо немецкий в сопоставлении с английским или итальянским. Р. Мюллер-Фрайенфельс разработал даже «беглую характеристику некоторых типов народов». Остановим наше внимание на некоторых аспектах предлагаемой им картины.

Касаясь «доминантной функции», немецкий психолог утверждает, что итальянцы — люди чувства; французы — носители здравого смысла, разума (*la raison*), англичане — инстинктивные практики; немцы — носители неопределенной воли. Что же касается темперамента, то итальянцы, по его мнению, стремительны; французы — подвижны и грациозны; англичане — флегматики; немцы — медлительны (*gemütliche Langsamkeit*), то есть неторопливы. В эмоциональном плане итальянцы полны огня, французы — патетики, англичане холодны и энергичны, а немцы выражают *Stimmung*. С точки зрения мирозерцания итальянцы — оптимисты; французы — пессимисты, скептики, англичане — мелиористы; немцы трагичны, а в плане отношения к действительности итальянцы — люди, в малой степени абстрактные; французы — обладатели общего смысла; англичане — прагматики, утилитаристы; немцы — фантасты, проявляющие, однако, склонность и к конкретному. Действительная картина национальных характеров, разумеется, несколько иная, но нас здесь интересует лишь метод психолога и его отражение в литературе.

Надо отдать должное Р. Мюллер-Фрайенфельсу: классификация не лишена правдоподобия, хотя в отдельных случаях его определения представляются спорными. Справедливым будет упрек и по поводу статичности представленной им картины. В ней нет развития, исторической обусловленности. Психология народов дана в застывших формах, а названные черты выдаются за нечто постоянное, между тем как произведения литературы неоднократно опровергали и опровергают подобные определения. В самом деле, можно ли считать, что в английском сентиментальном романе XVIII в. нашел отражение инстинктивно-прак-

тический дух англичан? А в творениях Шекспира, Байрона, Диккенса — их флегматизм, так же как в произведениях Леопарди и Фосколо — итальянский оптимизм, а в творчестве В. Гюго — французский скептический пессимизм? Конечно, мы не забываем, что литература самыми различными путями выходит за рамки общей психологии того или иного народа, что в ней всесторонне и сложно отражена личность художника. Но ведь названные нами писатели относятся к наиболее ярким и представительным творческим силам соответствующих народов, следовательно, их можно считать наиболее типичными выразителями их самобытности.

Что касается специфики духовных и художественных ценностей нашего народа, то о них, как известно, сказано уже немало, начиная с выступлений журнала «Dacia literară» и до наших дней. Сознание своей самобытности и своевременное ее утверждение в моменты особого усиления тенденций интеграции с другими культурами, боевая направленность литературных теорий в различные эпохи, постоянные связи нашей литературы с народным творчеством, отражение родной природы, народных обычаев, социальной структуры общества, выпавших на долю наших людей исторических испытаний, подчеркнуто реалистическая направленность, сказывавшаяся даже в эпоху нашего романтизма, специфическая гармония языка — вот некоторые черты, наиболее характерные для нашей литературы. Надо, однако, заметить, что такое описание самобытных психических и литературных ценностей того или иного народа «изнутри» не может служить гарантией абсолютной верности характеристики. Статистика, национальная психология, история той или иной литературы еще не могут обеспечить исчерпывающе достоверной картины. Отсюда очевидна необходимость сравнительно-исторического подхода, и это нетрудно доказать. Нет никакого сомнения, что не одна наша литература упорно утверждает свою самобытность, что отражение родной природы, социальной структуры общества, его истории, наличие реалистических тенденций отличают литературы и других народов. Особенно поразительны в этом смыс-

ле аналогии с литературами окружающих нас соседних народов, но это естественно. Этим-то и обусловлена необходимость всестороннего сопоставительного рассмотрения явлений до тончайших их оттенков, для того чтобы выявить подлинное своеобразие нашей литературы сравнительно с литературами других народов — соседних или более отдаленных.

Чтобы подтвердить еще одним более конкретным примером важность этой третьей задачи сравнительного литературоведения, помимо исследований непосредственных контактов и типологических схождений, обратимся к проблеме литературных направлений, в частности румынского романтизма, вызвавшего в последнее время столько разноречивых суждений и даже подвергнувшегося полному отрицанию в трудах Дж. К. Николеску¹.

Можно ли объяснить появление румынского романтизма только влияниями? Такое объяснение приводилось не раз еще во времена «Жунами». В конце прошлого века Помпилиу Элиаде в соответствии со своей чрезмерно высокой оценкой роли французского влияния на нашу культуру приписал этому влиянию и рождение нашей современной литературы. Утверждение это было затем поддержано Х. Саньелевичем, который считал, что сам Эминеску «только и сделал, что пересадил в нашу литературу миропонимание немецких романтиков»². И даже позднее, в период между двумя мировыми войнами, Базил Мунтяну писал, что «европейский романтизм предполагал наличие молдаво-валашского привеска», что западные влияния сыграли решающую роль в возникновении румынского романтизма, что начиная с 1825 г. наша литература заимствовала целиком атмосферу, выразительные средства, темы у Юнга, Байрона, из «Вертера», творений Ламартина, Гюго. Между тем Ион Пиллат в публикациях 1932 г., касающихся европей-

¹ G. C. Nicolescu, In Studii și articole despre Eminescu, București, Editura pentru literatură, 1968; Contribuții la definirea și delimitarea romantismului românesc, p. 169 — 198.

² H. Sanielevici, In Noua revistă română, 1901, № 3: Eminescu și școala romantică.

ского романтизма, с полным на то основанием утверждал, что возникновение и становление нашего романтизма никоим образом нельзя сводить к процессу простого подражания французскому. Поэт, эссеист, человек обширной культуры, Пиллат оказался открывателем пути, на который вступили и идут по сегодняшний день многие исследователи. Все убедительнее становятся утверждения о том, что румынский романтизм существенно отличается от европейского, хотя при этом никто не отрицает наличие влияний и типологических сходжений. Следовательно, именно сравнительное литературоведение должно исчерпывающе рассмотреть эти вопросы. Попробуем в этой связи изложить некоторые собственные соображения.

Ни для кого не секрет, что в нашей стране романтизм сыграл особую, удивительно масштабную роль. Паул ван Тигем, например, считал, что наша литература относится к тем, для которых романтизм выполнял в период 1800 — 1830 гг. функцию подлинного «путеводителя». Именно под знаком романтизма, утверждает он, протекает начальная стадия развития современной румынской литературы. При этом ван Тигем оставляет в стороне вопрос о влияниях и заимствованиях. Такого же мнения придерживается и Этьен Фурноль, особенно подчеркнувший значение романтизма для формирования национального самосознания в нашей стране. Ал. Филиппиде стоит на той же позиции. «Романтизм в нашей литературе был не ответной реакцией, — утверждает он, — а изначальным посвящением»¹.

Ван Тигему мы обязаны также утверждением, что освобождение от тесных рамок классицистических правил обусловило моральное и интеллектуальное освобождение человека, «а это было предвестником других, еще более важных свобод»². Ясно, что он имел в виду борьбу за социальное и национальное

¹ Al. Philippide, Tradiția literară românească, In Adevărul literar și artistic, 1936, № 819.

² Paul van Tieghem, Le romantisme dans la littérature européenne, Paris, Albin Michel, 1948, p. 125.

освобождение, которую романтизм вел повсюду, а в нашей стране с особой энергией.

По времени период романтизма у нас также не совпадает с европейским. Охватывая временной отрезок примерно с 1829 г. (появление журнала «*Dacia literară*») и до 1867 г. (журнал «*Convorbiri literare*»), румынский романтизм «старше» европейского на два десятилетия. Творчество же замечательного поэта М. Эминеску и вовсе длилось до 1890 г., что лишний раз подтверждает своеобразие этого направления в нашей стране. Конечно, к тому времени романтизм уже не представлял широкого, монолитного литературного направления, но личность Эминеску властно господствует над эпохой и диктует ей свой творческий «почерк».

Одно из наиболее полных и всеобъемлющих определений румынского романтизма принадлежит все тому же И. Пиллату. «Различия между западным и румынским романтизмом, — утверждал он, — вызваны не количественными, а качественными факторами, обусловленными разной сущностью каждого из них».

Назовем хотя бы некоторые из этих качественных различий.

Во-первых, наши исследователи единодушно признают, что румынский романтизм выступает не в чистом виде, а одновременно с другими течениями — классицизмом и реализмом, — часто переплетаясь с ними. Вся история румынской литературы прошлого века характеризуется подобными интерференциями, знакомыми, впрочем, и литературам других стран Центральной и Восточной Европы. По мнению Элиаде, в облике поэта должны превалировать не «взрывное» начало, дерзновенность, решимость, а уравновешенность, выдержка — словом, романтический портрет явно дополняется классицистическими чертами. В творчестве таких поэтов, как Гр. Александреску, а позднее К. Негруци и Ал. Одобеску, романтизм вырос на несомненной классицистической почве, и еще нагляднее это обнаруживается в романтических драмах Александри. Что же касается Эминеску, так еще Т. Виану заметил, что «его зрелая поэзия отличается величавой классицистической простотой. титанический элемент в ней уравновешен чувством

меры»¹. Все сказанное с несомненностью свидетельствует о своеобразии румынского романтизма.

В творчестве румынских романтиков — от Александреску до Эминеску — можно также обнаружить немало элементов реализма. Критическая направленность их произведений носит явно антифеодальный характер.

Ясно также, что романтизм в нашей стране не представлял — как это имело место на Западе — определенной реакции в отношении классицизма, по той простой причине, что у нас такого направления не было. Речь шла о другом — об освобождении от опеки восточного мира, новогреческого средневековья — и в этом надо видеть еще одну отличительную черту нашей культуры и литературы. Литературная борьба у нас затрагивала не чисто эстетические проблемы, она носила в первую очередь общекультурный и политический характер. Романтизм открыл возможность широкого, всеобъемлющего культурного общения, ознакомления со всеми европейскими литературными направлениями, как того желал, например, Элиаде. Но одновременно он призывал, как и в некоторых других странах Восточной и Центральной Европы, к осуществлению широких политических и социальных акций, чего нельзя сказать о западноевропейском романтизме, за исключением разве итальянского. Румынский романтизм был вообще свободен от элементов консерватизма (свойственных, например, Шатобриану во Франции, Колриджу и Саути в Англии), так же как и от мистических тенденций, отличающих творения Новалиса, Клейста, Брентано. Не свойствен нашим романтикам и уход в темные глубины души или, наоборот, на просторы экзотики, что также характерно для европейского романтизма. Нельзя сказать, чтобы у нас особенно увлекались фантастикой, болезненными наклонностями, неистовой одержимостью, с чем мы часто встречаемся в произведениях западноевропейских романтиков.

Ощущение пульса истории, чувство реальности приобщили романтиков к конкретным делам эпохи,

¹ T. Vianu, Despie originalitatea culturii românești, Gazeta literară, 1962, № 52.

помогли им преодолеть опасность бегства от действительности. Отсюда и подчеркнуто национальная окраска этого направления у нас, программное и конкретное художественное обращение к историческим и фольклорным темам, что позволяет ставить знак равенства между романтизмом и национальным своеобразием наших литератур. При этом следует самым решительным образом подчеркнуть значение внутренних условий, которые и определили облик романтизма, каким мы его здесь пытались обрисовать.

Итак, мы имеем все основания утверждать, что при изучении литературных направлений наряду с рассмотрением всевозможных случаев влияний и заимствований следует учитывать и специфические особенности каждой литературы, выявление которых возможно прежде всего сравнительно-историческим методом.

Рассмотрение самобытных черт литературы обогащает исследования, направленные на выявление того, что объединяет различные литературы, и это вполне естественно. Ведь анализ влияний и типологических схождений основывается, в сущности, на тщательном учете специфических особенностей воспринимающей стороны, которые в конечном счете обусловлены синтетическим единством национальных черт.

* * *

Мы уже отмечали, что среди общих задач сравнительного литературоведения особое внимание уделяется с давних пор изучению проблем родства, преемственности различных аспектов литературных явлений.

Попытаемся вкратце определить место этой проблематики в общем комплексе исследований. Разумеется, нельзя забывать, что речь идет о формах проявления межлитературных отношений, а именно о восприятии влияний, оказываемых отдельными аспектами произведений на творения более поздних эпох, а также об эволюции различных способов решения проблемы содержания и формы литературного произведения. Сейчас отметим то, что отличает

нашу концепцию от общепринятых теорий, касающихся содержания нашей дисциплины.

Для некоторых наиболее известных исследователей предмет сравнительного литературоведения ограничивается изучением непосредственных межлитературных контактов. М. Ф. Гюйяр заявляет буквально следующее: мой учитель Жан-Мари Карре полагал вслед за Полем Азаром и Фернаном Бальдансперже, что там, где нет непосредственной связи между человеком и текстом, между произведением и соответствующим фактором, кончается область сравнительного литературоведения и начинается территория критики, а возможно, и риторики. И автор маленького учебника по сравнительному литературоведению целиком присоединяется к этому мнению.

Гораздо более широкий подход к предмету отличает концепцию Паула ван Тигема, который двумя десятилетиями раньше утверждал в своей работе «*Littérature comparée*», что «область данной науки следует расширять до размеров так называемой «всеобщей литературы», единственно подлинной интернациональной литературы». В представлении ван Тигема сравнительное литературоведение охватывает преимущественно двусторонние межлитературные связи и является переходным вариантом от изучения национальных литератур к всеобщей литературе, в которую он включал и новую область, а именно литературные явления, возникшие в сходных общественно-исторических и культурных условиях (имеются в виду типологические схождения). Мы не видим необходимости создания новой науки, о которой пишет ван Тигем. Впрочем, его предложение и не получило широкой поддержки. Но, с другой стороны, не считаем целесообразным сводить предмет сравнительного литературоведения к изучению непосредственных межлитературных контактов — тем более только двусторонних. Полагаем, что сравнительные исследования должны вестись в трех основных направлениях — в области прямых межлитературных контактов (во всех их разновидностях, включая переводы, влияния и заимствования), типологических схождений, а также в сфере выявления специфических черт каждой литературы. Этой третьей области

исследований либо вовсе нет в построениях других теоретиков сравнительного литературоведения, либо она затрагивается вскользь при рассмотрении проблемы влияний и заимствований. В нашем же представлении это не только необходимая область компаративистских изысканий, но и весьма характерная для данной науки, которая в первую очередь опирается на синтез специфических особенностей воспринимающей стороны.

К вопросу об истории создания европейской литературы

Так как основные задачи сравнительного литературоведения сводятся к изучению взаимосвязей различных национальных литератур, точнее, непосредственных, многосторонних межлитературных контактов, исторических и неисторических типологических схождений и, наконец, самобытности каждой отдельно взятой литературы и ее вклада в мировую литературу, то все более ощутимой становится тенденция — вслед за многочисленными исследованиями отдельных сторон литературного процесса приступить к созданию широких — пусть не всеобъемлющих — синтетических трудов, посвященных крупным культурным и литературным ареалам мира: истории европейских литератур, истории литератур Азии, а позднее, возможно, и литератур других континентов. Наиболее реальной пока представляется попытка создания истории европейских литератур, так как здесь имеются более четкие представления о ее структуре, освященные долголетней традицией, да и работ в этом направлении опубликовано немало.

После предварительной анкеты, проведенной в марте 1967 г., Международная ассоциация по компаративистике предложила приступить к разработке первоначальных вариантов глав истории литератур Европы, и состоявшийся в сентябре того же года в Белграде конгресс поддержал эту смелую идею.

Конечно, на первый взгляд подобная акция, как и многие другие акции того же рода, кажется слишком смелой, однако надо заметить, что она пред-

принимается не в первый раз. Еще в XVIII в., в период расцвета Просвещения, аббат Денина опубликовал обширное исследование о «Революциях древних и современных литератур» (1760), ставшее довольно популярным в свое время. Он предложил читателю общий взгляд на развитие европейских литератур. После 1800 г., в пору становления романтизма, возникают благоприятные условия для подобного рода исследований. С выходом книги г-жи де Сталь «О литературе» интерес ученых к таким изысканиям значительно возрастает. Это эпоха, когда в ходе становления национального самосознания старая рационалистическая концепция культуры постепенно заменяется другой — исторической. При этом общее все чаще сочетается с частным, и история европейских литератур, будучи выражением широкого духовного единства, стремится вместе с тем максимально учитывать национальные концепции культур.

В названной выше работе г-жа де Сталь представила широкую картину чередования литературных эпох — от античной поры до Возрождения, а затем кануна романтической революции. Словно предвидя появление концепции дифференцированного подхода, она с настойчивостью напоминала о невозможности объединить в единую схему все многообразие литературных процессов в Европе и о необходимости учитывать по крайней мере различия, существующие между литературами ее северных и южных народов. В свою очередь теоретики романтизма А. В. Шлегель и Фр. Шлегель в своих лекциях по древней и новой литературе не только разрабатывали основы новой теории, но и прослеживали развитие европейских литератур от античности до начала XIX в. Примерно в это же время (1801 — 1819) Фридрих Боутервек тоже обнародовал свою «Историю поэзии», названную нами в начале этой книги. В его работе, получившей в свое время довольно большое распространение, рассматривается также развитие испанской, португальской и французской литератур в период между XIII и XIX вв. Наряду с попыткой восстановить дух минувших эпох и соответствующих литературных направлений автор стремится наметить различия, существующие между европейскими литературами.

Во всех названных здесь работах, которые, мы надеемся, и составят историческую основу будущего синтетического труда, применялся метод «сложения» национальных литератур. К их числу можно отнести и некоторые исследования второй половины XIX в., а также XX в.: Дж. Сэнсбери о «Периодизации европейских литератур» (1897 — 1907), затем сборник «Современная литература европейских народов» (1939), осуществленный под руководством Курта Вайса, труд Оскара Вальцеля (1924), а также «Энциклопедию „Плеяды”» Раймона Кено (1955).

Методу сложения национальных литератур была противопоставлена новая концепция французской школы о так называемой «общей литературе», в которой были бы органично и системно объединены общие черты национальных литератур. С этих позиций разработаны две теории: одну предложил Фернан Бальдансперже, который, говоря о литературе XVII и XVIII вв., утверждал, что европейское литературное движение — это цепь «маяков», представляющих отдельные страны, к которым затем присоединяются и другие страны. Маяки эти возникали в следующем порядке: сперва в итальянской, затем в испанской, французской, английской и немецкой литературах. Паул ван Тигем, автор другой теории, делал упор не на доминирующем положении одной литературы и ее притягательной силе в отношении других, а на общих сходных аспектах, которые в разные эпохи объединяют и связывают их в относительно прочные и стройные литературные совокупности, начиная с Возрождения и кончая современной эпохой. В подтверждение своей теории ван Тигем опубликовал книгу «Литературная история Европы от Возрождения» (1925), содержащую краткую историю жанров и художественных форм, а затем и труд «История литератур Европы и Америки со времен Возрождения и до наших дней» (1945), включающий и литературу народов Балкан, Центральной Европы, Прибалтики и Латинской Америки. Эта же концепция легла в основу его трудов по предромантической и романтической эпохам, в которых европейское литературное движение рассматривается в целом. До появления этих работ и одновременно с ними публиковались фундаментальные труды Поля

Азара: «Кризис европейского сознания» (1934) и «Европейская мысль 18 века» (1946), базирующиеся также на новой концепции.

Итак, можно с полным основанием утверждать, что как теория, так и практика опровергли концепцию «сложения» национальных литератур. Первые шаги в новом направлении свидетельствуют о смелости и глубокой убежденности исследователей.

Как мы уже говорили, Международная ассоциация по компаративистике развернула по этим вопросам широкую теоретическую дискуссию, в связи с чем нам хочется высказать здесь некоторые соображения.

Начнем прежде всего с выяснения отдельных понятийных категорий. Какое содержание вкладывается, например, в понятие «европейская литература»?

Ответить на этот вопрос пытались, используя прежде всего географический критерий. Это означало, что европейская литература в отличие от литературы Азии или Америки охватывала литературное движение в пределах нашего материка. Однако так называемая «европейская литература» возникла в Азии (гомеровские творения), а впоследствии она распространилась и на другие части света — Австралию, Южную и Северную Америку. Тогда был предложен вместо географического критерия другой — одновременно типологический и исторический. Исследователи пришли к выводу, что «европейская литература» выражает определенный духовный тип, кристаллизовавшийся не только в психологическом плане, но и под воздействием определенных исторических условий в отличие от азиатского или африканского типа. Тот факт, что гомеровские творения были созданы в Малой Азии, отнюдь не противоречит тому, что они творения европейского гения, а распространение европейской литературы в Австралии или двух Америках может быть принято во внимание лишь в той мере, в какой литературные движения на этих материках не оторвались от европейской традиции. На самом же деле, при всех языковых и исторических сходствах, литературы Австралии и двух Америк давно развиваются в своих собственных условиях, создали свои собственные традиции, отличные от европейских. Они отражают иную

географическую среду, иную историческую эпоху. Поэтому представляется очевидной истина, что в область «европейской литературы» можно включать лишь те явления, которые происходят на нашем материке, или те, что проявляются за его пределами, однако сохраняют при этом живые связи с исходной традицией, и в той мере, в какой эти связи сохраняются.

Небезынтересно напомнить в этой связи, что, по мнению некоторых исследователей, например Вернера Краусса, европейской литературы как таковой просто не существует в природе. Есть национальные литературы и всеохватная мировая литература (Weltliteratur). Конечно, никто не ставит под сомнение конкретное существование как национальных, так и всемирной литератур, чьи основы зиждутся на постоянных международных связях, особенно усилившихся в современных благоприятных политических условиях. Нельзя, однако, не удивляться утверждениям, отрицающим существование европейской литературы, когда общеизвестно, что такая европейская — в типологическом и историческом плане — структура, обусловленная экономическими факторами, давними специфическими традициями и четкими языковыми отличиями, все же имеется. Разве можно ее смешивать с азиатской или африканской, столь различными по своей сути и традициям? Вывод может быть только один: существует самостоятельный европейский тип, со своей психологической структурой и историческими традициями, сформировавшийся в определенных экономических условиях и на специфической языковой основе. Что языки народов Европы отличаются от языков народов других континентов — факт, не требующий доказательств. Что же касается специфических европейских традиций, то о них необходимо сказать подробнее. Это, во-первых, традиции классической, греко-латинской античности, глубоко отличные от традиций античного Востока, затем традиции христианского средневековья, византийского Востока, к которым следует прибавить отмеченные недавно Р. Этиembleм арабские, древнееврейские или даже исламские влияния различной степени интенсивности, которые, однако, нельзя связывать с теми частями света, где они не проявлялись постоянно.

Следовательно, невозможно отрицать наличие европейской литературы, вернее, европейских литератур, объединенных общими чертами, резко отличными от азиатских или, скажем, африканских литератур.

В этой же связи важное значение приобретает и вопрос об определении временных границ истории европейских литератур.

Каковы же «terminus a quo» и «terminus a quern» — исходная и конечная точки этой истории?

Что касается конечной границы истории европейских литератур, предложение остановиться на начале межвоенного периода не получило поддержки по той причине, что таким образом вне пределов исследования остается значительный отрезок развития современных литератур, особенно литератур социалистических стран. Вместо отвергнутого предложения было выдвинуто другое, более разумное — включить в предполагаемый труд всю половину нашего века и даже литературу последующих десятилетий, перспективы развития которой уже нетрудно предвидеть.

Гораздо сложнее оказалось определить исходную точку отсчета.

И здесь было высказано немало предложений.

Первым выступил Э. Р. Курциус, превосходный исследователь средневековых латинских традиций в европейских литературах, который настоятельно подчеркивал несомненную их важность. И мы не сомневаемся, что, начни он работу над историей европейской литературы, он бы такой исходной точкой считал античность. Такую же позицию занимает и Н. Сегюр, автор, кажется, предпоследней по времени пятитомной «Истории европейских литератур» (1948 — 1952), который начинает изложение материала с античной Греции и гомеровских творений.

Иную точку зрения высказывает Л. Магнус, который полагает, что, напротив, «начальный период истории европейских литератур относится ко времени отхода литературного движения от средневековых латинских влияний»¹.

¹ Laurie Magnus, A general sketch of european literature in centuries of romance, 1918.

Согласно утверждениям Дж. Сэнсбери, «европейская литература возникает сразу же после падения Романской империи на Западе, и потому она охватывает как средневековую латинскую литературу, так и самые древние памятники литературы существующих ныне народов».

Согласно концепции Паула ван Тигема, «европейская литература» начинается с Возрождения. К этому мнению присоединяются американцы Вернер Р. Фридерих и Дэвид Мелон (включающие в нее и последние отзвуки средневековья) и крупнейший советский востоковед Н. Конрад.

Нам представляется, что «Историю европейской литературы» следует начинать с литературы, в ходе развития которой сложились не только традиции, но и сами основы европейской литературы и впервые оформился европейский тип, как нечто рационалистическое, в отличие от древнего Востока, например, ставшего источником иной культуры и иной литературы. Если христианские, византийские источники — так же как в определенной мере и арабские, древнееврейские и исламские — влились в качестве «традиций» в более позднюю литературу Возрождения, то античная литература, продолжавшая развиваться по крайней мере вплоть до XVIII в., представляет, в сущности, подлинную основу «европейских литератур».

Что же касается методов изучения истории европейских литератур, то современные исследователи окончательно отказались от «сложения» национальных литератур, предпочтя синтетический подход, объединяющий несколько национальных литератур, но не игнорирующий при этом и специфический вклад каждой из них в мировую сокровищницу культуры. Эту попытку создать гармонический синтез национального и интернационального, разумеется, не легко осуществить. Было предложено излагать материалы по литературным направлениям, которые хотя и имеют международный характер, но не лишены вместе с тем и национальной специфики. Правда, крайне важно дифференцированно подходить к исследованию направлений, и это обусловлено множеством причин, из которых мы здесь назовем лишь некоторые.

Было замечено — и не без основания, — что одни

и те же произведения соотносятся с разными литературными направлениями, в зависимости от того, рассматриваются ли они с национальных или интернациональных позиций. В упомянутой нами анкете Международной ассоциации по компаративистике приведен случай с чешской писательницей второй половины прошлого века Каролиной Светлой, которая у себя на родине почитается реалистом, в то время как в истории европейской литературы ее относят к романтикам. Напомним также о своеобразном положении немецкого классицизма, который за классицизм признают лишь на его родине, в то время как за рубежом видят в нем более сложное явление. Противоречиво оценивается и румынский романтизм, существование которого вообще отрицается некоторыми учеными.

Известно также, что далеко не во всех национальных литературах, особенно в тех, что возникли позднее сложившихся литературных направлений, эти направления проявлялись в полной мере. Это характерно для целого ряда внеевропейских литератур.

Мы также отмечали, что сроки развития тех или иных литературных направлений в различных странах, как правило, не совпадают. Так, Возрождение возникло в Италии гораздо раньше, чем во Франции, Испании, Англии. Наш Эминеску считается «поздним романтиком», его творчество относится ко второй половине XIX в., но был у нас и романтизм — ровесник европейского (творчество Кырловы и поэтов движения 1848 г.). Итак, в разных странах литературные направления возникают в разное время, в зависимости от специфических условий развития каждой страны.

Все это подтверждает необходимость более тщательного изучения национальных аспектов международных литературных течений, которые существуют не над литературами, а проявляются в конкретных условиях каждой национальной литературы и отражают ее своеобразие.

Итак, у создателей истории европейской литературы немало серьезных трудностей. И эта работа не под силу одному человеку. До сих пор предпринятые в этом направлении попытки увенчались лишь частичным успехом. Здесь не обойтись без международного сотрудничества ученых, и именно к этому направлены

усилия Международной ассоциации по компаративистике.

Предварительно проводится работа по переоценке — с позиций современной науки — достижений отдельных национальных литератур. Во многих странах такая работа только начата, в других ее предстоит завершить. Немало проблем ждут своего решения: например, место барокко или рококо в литературном процессе, развитие Просвещения в Прибалтийских странах, восточные влияния на европейские литературы в разные периоды и т. д. Вряд ли, однако, стоит ждать, пока все эти вопросы получат надлежащее решение. В качестве подготовительной меры можно уже приступить к разработке серии предварительных исследований. Недавно Международная ассоциация по компаративистике, ее руководящее бюро наметили ряд таких исследований. Согласно официальным данным, полученным нами, это следующие работы: дополненное издание (до наших дней) перечня крупнейших писателей мира, составленного Паулом ван Тигемом. Эта работа поручена профессору Тасманийского университета Тишу, затем подготовка монографии, посвященной натурализму, которую будет разрабатывать Утрехтский институт сравнительного литературоведения под руководством профессора Брандта Корциуса, два исследования специфических проблем Возрождения в Восточной Европе (Институт литературоведения Венгерской академии, руководимый профессором Иштваном Шётером), два тома об экспрессионизме (Университет в Индиане, США), два тома на тему «Романтизм и фольклор» (рабочий центр Альбертского университета, Канада, руководимый профессором Димичем), сборник, посвященный символизму (под руководством профессора Анны Балакьян), книга об авангардизме (Пражско-Братиславский центр) и др.

Работа этих интернациональных коллективов протекает в следующем порядке: сперва составляется общий план исследования на основе тех или иных конкретных предложений, с указанием примерного объема каждой главы, затем главы эти редактируются каждая в отдельности, после чего следует работа по их объединению в одно целое и составлению

сборника, который будет прочитан специалистами по данной теме в разных частях света. Так, например, том, посвященный «Экспрессионизму», находящийся в последней фазе подготовки, будет прочитан в окончательном виде Р. Уэллеком и Ж. Вуaziном.

Думается, небезынтересно будет ознакомиться в самых общих чертах с планом работы над темой «Романтизм и фольклор». Вот он: 1. Романтизм и его временные и пространственные пределы, содержание направления. 2. Открытие романтизмом народного творчества. 3. Обзор важнейших сборников произведений народного творчества, отмечая их влияния на развитие национальной литературы и в международном плане. 4. Народная песня и ее влияние на письменную поэзию (формы, мотивы). 5. Народная сказка и ее влияние на романтические произведения; способность народной сказки к конкретизации философских идей. 6. Использование в романтической литературе некоторых фольклорных мотивов (например, мотив раздвоения, тени и т. д.). 7. Романтизм и народные суеверия. 8. Интерес, проявляемый романтиками к народной жизни. 9. Интерес, проявляемый романтиками к определенным аспектам народного творчества: к примитивизму, пессимизму, местному Колориту, экзотике, сверхъестественному, религиозному и мифологическому синкретизму. 10. Значение народного творчества для романтизма и пределы этого значения.

В заключение несколько слов о деятельности Румынского рабочего центра. В Институте истории и теории литературы им. Дж. Кэлинеску разрабатывается тема «Эстетическая ценность народного творчества стран Юго-Восточной Европы в XIX и XX вв.». Подготовлены два тома, отражающие румынскую позицию в этом вопросе: «Фольклорные источники в румынской литературе» (380 стр.) и «Фольклорные основы и европейские перспективы румынской литературы» (400 стр.), выпущенные под редакцией Овидиу Пападимы издательством Академии наук. Выводы и типология, намеченные в этих работах, будут затем сопоставлены с результатами аналогичных работ в других странах Юго-Восточного региона. Представители этих стран были приглашены на конгресс в Бордо

для совместного обсуждения результатов исследований по этой теме.

Кроме того, румынская сторона в лице Дана Григореску и Ал. Димы представила главу для сборника «Экспрессионизм». В сборник, посвященный натурализму, включена глава о стилевых особенностях этого направления, написанная нашим Сорином Александреску. В разработке темы «Романтизм и народное творчество» участвуют Вера Кэлин и Зое Думитреску-Бушуленга, к которым должны присоединиться и Ливиу Русу и И. Кицимия.

ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ И ПРАКТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ СРАВНИТЕЛЬНОГО ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

Даже краткий исторический обзор развития науки, приведенный нами в начале этой работы, дает представление о бурном ее развитии и неуклонном повышении уровня исследований. В предисловии к небольшому учебнику М. Ф. Гюйяра (1951) Жан-Мари Карре отмечал, что только в Сорбонне подготовлено 200 диссертаций на компаративистские темы. В последнее время появилось много новых работ, из которых мы здесь смогли упомянуть только некоторые. Показательны в этом отношении также статьи и исследования начиная с четвертого десятилетия XX в., касающиеся самой сущности данной науки. В них настоятельно подчеркивается необходимость четкого «узаконения» границ науки, уточнения ее тем и концепций, что случается лишь тогда, когда наука вступает в фазу окончательного становления и конкретные исследования не могут уже обойтись без стройной теоретической основы, которая служила бы им верным компасом. Впрочем, этой же цели посвящена и данная работа. Убедительным свидетельством бурного развития науки является также один из последних конгрессов Международной ассоциации по сравнительному литературоведению. Дело не только в расширении тематики и не в том, что старым концепциям были противопоставлены новые — произошли и другие изменения, свидетельствующие о стремительном развитии сравнительно-исторических исследований. Даже «кризис компаративизма», о котором

заговорили в последнее время, оказался в конечном итоге всего лишь «болезнью роста».

Напомним также, что в высших учебных заведениях, в том числе и в наших, сравнительно-историческим исследованиям уделяют все большее внимание. Возникают новые кафедры, проводятся научные конференции, интерес к сравнительному литературоведению постоянно усиливается.

Чем же это объясняется? В чем причины столь бурного развития данной науки как в плане теории, так и в области практики? Отметим прежде всего большую роль сравнительного литературоведения в разработке истории национальных литератур. Известно, что для выяснения некоторых внутренних проблем истории национальных литератур неоднократно обращались к другим литературам; причем эти экскурсы в инонациональные пределы зачастую носили эмпирический характер. Сравнительное литературоведение может придать им более организованный и действенный характер. Такие сопоставительные исследования касаются подражаний, переработок, переводов, влияний и заимствований, то есть разных аспектов контактных связей, но одновременно и типологических схождений различных национальных литератур. Кстати сказать, многие вопросы, связанные, например, с жанрами, направлениями или стилями, можно решать лишь в плане межлитературных сравнений.

Да и сама оценка литературных явлений с национальных позиций не всегда совпадает с их международной оценкой. У каждого из этих подходов свои особые акценты, свои теневые и светлые стороны. Разумеется, и при общеевропейской, и при всемирной оценках не должны игнорироваться национальные ценности (аксиологическая система пользуется постоянными критериями), но соотнесение национальных достижений с инонациональными создает условия для более четкого выявления национального своеобразия каждой литературы. Сравнительное литературоведение тем самым вносит весомый вклад в разработку истории национальных литератур.

Но конечно, цели сравнительного литературоведения этим не ограничиваются: его задача, собрав воедино наиболее характерные аспекты национальных

литератур, воссоздать духовный мир человечества. Речь идет не только о психологической характеристике того или иного народа, но и о его творческих возможностях. То, что не под силу одной или небольшому числу наций, может быть осуществлено усилиями многих народов. Духовный мир человечества, о котором столько говорят, есть совокупность разно-национальных специфических проявлений, и литература отражает их самым выразительным и конкретным образом. Причем в этой совокупности должны быть представлены не только самые главные свойства духовного мира человечества, но и различные по степени интенсивности оттенки этих свойств, все достоинства и недостатки, из которых и создается общая картина. Верно, что каждая нация, будучи частью человечества, отражает особенности целого, однако исчерпывающе полную картину целого можно получить, лишь синтезируя все национальные особенности. Чем полнее учтен вклад каждой нации, тем достовернее общая картина. Изучение различных форм межлитературных контактных связей, а также типологических схождений и специфических особенностей отдельных литератур вносит свою лепту в создание этой общей картины духовной жизни человечества.

В этих процессах соответствующее место занимают и так называемые «малые», то есть малочисленные, народы. Их творческие возможности ныне никем уже не ставятся под сомнение, вклад их во всемирную сокровищницу культуры общепризнан. При этом принимаются во внимание не те или иные количественные показатели, а их качественный вклад в развитие литературы и искусства. Не меньшее значение имеют и диалектные литературы, если только им удастся преодолеть свои чрезмерно узкие, областные рамки. Кто осмелится ныне лишить культуру мира творений провансальской литературы в лице Мистралья, «платдойча» в лице Рейтера, ломбардской в лице Порты, римской в лице Паскареллы?

Свой вклад в создание обобщенной картины духовного облика человечества вносят и языки мира. При этом особая роль принадлежит языкам широкого хождения. Так было с латинским языком на

Западе и славянскими на Востоке в средние века, итальянским — в эпоху Возрождения, французским — в XVIII и XIX вв. и вплоть до наших дней, затем с немецким и английским и, наконец, русским — с конца XIX в. и до нашего времени. При этом нельзя не видеть, что в последнее время получают все большее распространение и языки «малых» народов, что они привлекают все более пристальное внимание не только специалистов, но просто людей культуры, что содействует популяризации менее известных литературных ценностей.

Но этим не исчерпывается теоретическое значение сравнительного литературоведения. Оно помогает нам глубже проникнуть в сущность литературных процессов, особенности их развития. С помощью данных, полученных из инонациональных литератур, мы углубляем и обогащаем наши представления о произведениях, авторах, кружках, жанрах, литературных школах и течениях. Сегодня общепризнано, что тот, кто желает глубже узнать структуру и сущность романа как литературного вида, не может ограничиваться, например, только английским романом XVIII в., то есть аспектами одной национальной литературы, он должен изучить историю вида от средневековья и до наших дней, а эта история по своему характеру интернациональна. Кто хочет изучить нашу романтическую драму от Хашдеу до Александри, Давиды и Делавранчи, не может оставаться в национальных рамках, он должен обязательно обратиться к французской романтической драме, которая предшествовала румынской и заметно повлияла на нее. Следовательно, здесь возникает целый ряд проблем, связанных с влияниями и заимствованиями, даже типологическими схождениями.

Далее, наша наука должна выявить экономические, политические и социальные предпосылки и собственно литературные факторы, например традиции, обусловившие влияния и типологические схождения.

Изучение межлитературных контактных связей, то есть разнонациональных явлений, позволяет глубже проникнуть в сокровенную суть творческого процесса, обогащая исследования психологии творчества.

Сравнительное литературоведение заметно обогащает наши знания о сложных процессах, подчеркивая передающую роль некоторых писателей, прослеживая многочисленные направления их международного воздействия (Петрарка, Вольтер, Руссо, Толстой или Достоевский), изучая явления, подвергшиеся воздействию.

Добавим ко всему этому и очевидную практическую пользу, приносимую дисциплиной. Изучение межлитературных контактных связей и типологических схождений облегчает процесс духовного сближения между народами, взаимопонимания, укрепления международной солидарности. Объяснение сходных моментов в развитии культуры народов мира содействует постепенному установлению великого мирового содружества. Вместе с тем нельзя не отметить, что на общем фоне закономерно проступают различия между литературами и вся картина в целом остается убедительным подтверждением древнего принципа единства в многообразии. Одни разделы сравнительного литературоведения, как, например, те, что исследуют непосредственные межлитературные связи и типологические схождения, помогают выявить то общее, что объединяет литературы разных народов, другие, в которых речь идет о самобытных особенностях культур, служат обнаружению различий между ними, но, как известно, и эти различия становятся фактором, объединяющим народы.

Международная солидарность, о которой мы здесь говорим, не имеет ничего общего ни с абстрактным, наднациональным космополитизмом, порожденным неправильным пониманием общности, ни с узким шовинистическим национализмом, акцентирующим внимание только на национальных особенностях. Речь идет, в сущности, об органическом и, следовательно, более действенном духовном сближении, основывающемся на диалектическом соотношении общего и частного. При этом попытки изолировать народы путем подчеркивания различий между ними теряют всякую почву. Ныне такие отношения просто невозможны — с точки зрения политики, культуры и собственно литературы. Сравнительно-исторические исследования разных литератур подтверждают необходимость международных

контактов, помогают национальным литературам отчетливо осознать свои достоинства и недостатки и освободиться от националистической экзальтации.

Эти соображения в равной мере относятся и к высшим учебным заведениям, получающим с помощью сравнительного литературоведения более широкие познания как в области истории национальных литератур, так и в сфере мировой литературы. Практическую помощь данная наука оказывает политикам и дипломатам, предоставляя в их распоряжение материалы, позволяющие лучше узнать народы, образ их мысли, характер поступков и реакцию различных наций.

Сравнительное литературоведение призвано также помочь развитию синтетических исследований не только своими методами, но и самой своей сущностью. Оно базируется на материалах многих инонациональных литератур и, следовательно, располагает возможностью обобщающего охвата самых разнообразных проблем — тем, мотивов, идей, чувств, концепций, жанров и видов, литературных школ и направлений, обширных областей истории мировой литературы, например истории европейских литератур, и т. д. И наконец, сравнительное литературоведение может оказать посильную помощь в разработке истории мировой литературы. Разумеется, в этой области предстоит еще очень многое сделать, но при объединении научных сил многих стран такие исследования возможны. Позднее на их основе может быть разработана типология различных аспектов литературного процесса: тем, мотивов, идей, чувств, концепций, отдельных аспектов формы и т. д., а также психосоциология литературного процесса, и даже всеобщая поэтика и всеобщая эстетика. Очевидно, что перспективы у данной науки обширные и обнадеживающие.

Относительно обобщающих трудов, однако, высказывается ряд сомнений. Несколько слов об этом. Обычно понятие синтеза трактуется чрезмерно широко — такому труду приписывается характер всеобщий и окончательный, будто это некий философский венец, который невозможно ни изменить, ни превзойти. Отсюда и отрицательный характер многих обобщающих трудов, то нездоровое, тормозящее действие,

которое они оказывают при любой попытке подняться над их уровнем. Выдвигаются требования, чтобы обобщающим трудам обязательно предшествовали многочисленные предварительные исследования в виде монографий, без которых немислим якобы любой широкий синтез. Конечно, в идеальном виде все так и должно быть. Однако на самом деле ни один обобщающий труд не создавался таким образом. Нет такой области, где бы работа велась только строго индуктивным методом, где были бы предварительно собраны абсолютно все возможные данные и разработаны монографии. А попыток синтеза между тем немало. Это лишний раз доказывает, сколь важна творческая сторона работы исследователя, который должен умело использовать результаты более ранних — пусть не исчерпывающих — работ, но не ограничиваться только накоплением уже имеющихся знаний. Добавим к этому, что любой-синтез в науке носит, в сущности, временной характер — он сумма и сгусток знаний определенной исторической эпохи, а не вечная истина, равнодушная к течению веков.

ЗАДАЧИ, СТОЯЩИЕ ПЕРЕД РУМЫНСКОЙ КОМПАРАТИВИСТИКОЙ

В главе, посвященной развитию сравнительного литературоведения в Румынии, мы писали о наших достижениях в этой области и некоторых наиболее важных задачах на ближайшее будущее. Теперь в заключение всей нашей работы еще раз вернемся к этому вопросу и четко сформулируем основные цели, стоящие перед румынскими исследователями.

Мы уже говорили, что историко-сравнительные исследования получили развитие в нашей стране примерно в то же время, что и за рубежом. У нас вышли работы, представляющие почти все разновидности такого рода исследований — от рассмотрения проблем межлитературных контактных связей до выявления — правда, в более скромных масштабах — типологических схождений и специфических особенностей национальных литератур. Хотя работы эти немногочисленны, их качество не вызывает сомнения. Необходимо дальнейшее и всестороннее расширение этих исследований.

В той же главе о румынской компаративистике мы коснулись и некоторых организационных вопросов. Учитывая их несомненную значимость, мы снова вернемся к их рассмотрению. После образования Румынского национального комитета компаративистов, который вошел в Международную ассоциацию по компаративистике, на повестку дня встал вопрос об издании журнала, на страницах которого нашла бы Отражение деятельность румынских исследователей,

а также о проведении новых периодических встреч специалистов в целях обсуждения спорных положений науки и перспектив дальнейших исследований и, наконец, вопросов, касающихся публикации сборников компаративистских работ.

Несколько слов относительно содержания будущих исследований. Весьма важным представляется нам форсирование исследований в области культурных и литературных взаимосвязей Румынии со странами Юго-Восточной и Центральной Европы, несмотря на трудности, связанные с необходимостью изучения национальных языков этого ареала. Практическую помощь в этой области окажут, несомненно, труды румынского Института Юго-Восточной Европы. Причем здесь предстоит разработать проблемы не только письменной, но и устной литературы интересующего нас ареала.

Что же касается общих, международных проблем, выходящих за пределы указанного ареала, то здесь следует пересмотреть, обновить и дополнить в свете новейших достижений исторической науки работы, посвященные эпохе феодализма. Мы имеем в виду сравнительно-исторические исследования не только фольклора, но и народных книг. Затем объединить результаты этих работ в широкие обобщающие труды, посвященные, например, славянским, греческим и другим влияниям на культуру и литературу нашей страны, при постоянном учете, разумеется, самобытности и своеобразия развития нашей собственной культуры.

В разделе Литературы нового времени надо продолжить исследование отношений румынской литературы с другими литературами, прежде всего с немецкой, английской, итальянской, русской, ибо они меньше изучены, чем другие. Утверждения некоторых специалистов, что такого рода работы якобы уже не нужны, не основательны; в этой области еще множество белых пятен.

Мало сделано у нас и в плане изучения взаимосвязей между различными зарубежными литературами. Мы должны усилить работу в этом направлении, преимущественно уделяя внимание взаимоотношениям румынской литературы с другими литературами.

В таком же духе — количественного расширения и качественного углубления — должны вестись работы, посвященные преемственности и типологической общности литературных явлений, таких исследований у нас еще очень мало. Здесь перед нами широкое поле деятельности, плодотворные возможности выявления художественных достоинств нашей литературы. Особенно важно изучить со всей настойчивостью и убежденностью своеобразие нашей литературы в сравнении с литературами стран всего региона и более отдаленных районов земного шара. Подлинно научное определение нашей «национальной специфики», за которое мы ратуем вот уже больше столетия, со времени выхода журнала «Dacia literară» и до наших дней, возможно лишь при использовании сравнительно-исторического метода. Иначе мы рискуем отнести к «специфическим» особенности черты, свойственные литературам других народов.

Мало разработана также проблема отражения образа румына в инонациональных литературах и иностранца в румынской литературе. Оба аспекта представляются особенно привлекательными, интересными не только в чисто литературном, но и в общепсихологическом и культурно-философском планах.

Мы должны уделять постоянное внимание теоретическим проблемам сравнительного литературоведения, разработка которых ведется усилиями ученых многих стран. Только с учетом всех достижений теоретической мысли мы сможем продолжить наши изыскания на современном уровне и в соответствии с международным развитием данной дисциплины. В поле зрения теоретиков должны постоянно находиться проблемы методологии предмета науки, ее взаимосвязей с другими науками.

Что же касается взаимоотношений сравнительного литературоведения с фольклористикой, историей национальной литературы, то их надо изучать упорнее, глубже, настойчивее, исследуя разнообразные аспекты этих связей. Сегодня уже нельзя удовлетвориться шумными заявлениями об общности черт, типологическом схождении явлений румынской и инонациональных литератур, основанными на ненаучных сопостав-

лениях. Чувство меры и научной достоверности ни должны оставлять нас ни на мгновение. Только в таком случае фольклористика и история румынской литературы смогут воспользоваться поистине нужными и подлинными достижениями сравнительного литературоведения.

Пожелаем же румынскому компаративизму достойного развития в соответствии с его значением и творческими способностями его представителей.

КОММЕНТАРИЙ

К стр. 25

Михаил Драгомиреску (1868 — 1942) — румынский литературовед, критик, переводчик, автор учебников для средней школы. Основой его идеалистической эстетической концепции служил тезис о незыблемости и автономии прекрасного, свободного от воздействия действительности.

К стр. 26

Георг Брандес (1842 — 1927) — датский литературовед, критик. В его взглядах эклектически сочетались культурно-исторический подход И. Тэна и психолого-биографический метод Сент-Бёва. Сторонник правдивого изображения действительности в искусстве, Брандес подверг критике творчество немецких, французских и английских реакционных романтиков, прослеживая одновременно процесс становления реализма до 1848 г. под воздействием революционных и освободительных движений.

Фернанд Брюнетьер (1849 — 1906) — французский критик, историк и теоретик литературы. Был профессором в Высшей педагогической школе. В начале литературной деятельности пытался применить к изучению истории литературы методы естественных наук, в частности, теорию Ч. Дарвина к проблеме развития жанров. Согласно его концепции, литературные жанры, пережив полосу расцвета, «клонятся к упадку и умирают».

Гарабет Ибрэилян (1871 — 1936) — крупнейший румынский критик-демократ XX столетия, руководитель журнала «Вьяца ромыняскэ». Внес существенный вклад в разработку проблем реализма, общественной природы искусства, национальной специфики литературы.

К стр. 27

Александру Д. Ксенопол (1847 — 1920) — румынский историк, академик. Автор 14-томной «Истории румын в Траяновой Дакии». Считал знания «копией» действительности, науку «проектированием целесообразности вещей в человеческом разуме». Историю трактовал идеалистически, в близком к риккертIANству духе.

Школа Риккерта и Виндельбанда — Баденская школа — идеалистическое, неокантианское направление в немецкой буржуазной философии конца XIX — начала XX в., возглавлявшееся Вильгельмом Виндельбандом (1848 — 1915), а затем Генрихом Риккертом (1863 — 1936). В ее концепции естественные науки — науки о законах, а исторические — об отдельных, неповторимых событиях. Тем самым закономерности исключались из исторического познания.

К стр. 28

Фредерик-Теодор Фишер (1807 — 1887) — немецкий эстетик.

«*Ut pictura poesis*» — «поэзия как живопись». Изречение заимствовано из 361 стиха «Науки поэзии» Горация. Ошибочно трактуется многими литературоведами, в том числе и Уэллеком, как призыв к уподоблению поэзии живописи.

Рене Уэллек (род. в 1903 г.) — американский литературовед, выступавший сперва с позиций культурно-исторической школы, а затем сблизившийся с «новой критикой». Ныне признанный глава американской школы компаративистов.

Остин Уоррен — американский литературовед, написавший вместе с Р. Уэллеком «Теорию литературы» (1949). В своих изысканиях делает акцент на «внутреннем», сугубо текстологическом анализе художественного произведения.

К стр. 30

Паул ван Тигем — крупнейший французский литературовед, профессор Сорбонны. Автор большого числа работ, посвященных предромантизму и романтизму, проникновению зарубежных произведений во Францию, а также истории европейской и американской литератур.

К стр. 31

Михаил Эминеску (1850 — 1889) — крупнейший молдавский и румынский поэт XIX в.

К стр. 35

...в другой связи — речь идет о книге А. Димы «Понятие всеобщей литературы и сравнительного литературоведения».

Оскар Вальцель (1864 — 1944) — немецкий теоретик и историк литературы. Сыграл важную роль в издании коллективного многотомного труда «Руководство по литературоведению» (1923 г. и далее).

Курт Вайс — немецкий литературовед, профессор Тюбингенского университета, ведущий компаративист Западной Германии. Организовал издание ряда коллективных работ по сравнительному литературоведению: «Современная литература европейских народов» (1939), «Исследовательские проблемы сравнительного литературоведения» (1948 и 1951).

Раймон Кено (род. в 1903 г.) — французский писатель-литературовед. С 1955 г. руководит изданием «Энциклопедии „Плеяды“».

К стр. 36

Ион Крянгэ (1837 — 1889) — молдавский и румынский писатель, выходец из крестьянской семьи. Автор замечательных «Воспоминаний детства», сказок и реалистических рассказов,

К стр. 39

Тудор Виану (1897 — 1964) — румынский литературовед, академик, автор большого числа работ в области эстетики, истории румынской литературы, стилистики, философии культуры. Среди них — «Искусство румынских прозаиков» (1941), «О стиле в искусстве» (1965), «Эстетика» (1968).

Плотин (ок. 202 — 270) — древнегреческий философ, главный представитель неоплатонизма.

Элиаде (Ион Элиаде Рэдулеску) (1802 — 1872) — румынский писатель, лингвист, педагог, театральный деятель, публицист, переводчик. Участник литературных обществ 20 — 30-х годов, один из основателей «Филармонического общества», заложившего основы румынского национального театра. Автор предромантических элегий, размышлений, поэм, сатирической прозы, мемуаров.

Тудор Аргези (1880 — 1967) — крупнейший румынский поэт XX в. От довоенных стихов — сб. «Нужные слова» (1927), «Цветы плесени» (1932), — в которых воспел страдания маленького человека, придавленного враждебностью окружающего мира, поэт приходит в годы народной власти к поэме «1907 год» (1955) — гимну борьбе за освобождение человека, и к «Песни человеку» (1956), в которой воспекает разум, труд, человеческие руки, творящие добро.

К стр. 41

...относительно близости его «Сида» — сюжет «Сида» Корнель заимствовал у Г. де Кастро («Юность Сида»), Выход в свет этого произведения вызвал бурную полемику. В 1638 г. было опубликовано «Мнение Французской академии о трагикомедии „Сил“», содержащее осуждение пьесы за отступление от поэтики классицизма и атмосферу рыцарской вольницы, царящую в пьесе.

...тема «Сида», прозвучавшая впервые в XIII в. — «Песнь о моем Сиде» была создана около 1140 г. певцами-хугларами.

К стр. 42

Джакомо-Карло Денина (1731 — 1813) — итальянский историк и литературовед.

К стр. 43

Фридрих Боутервек (1765 — 1828) — немецкий философ и писатель. Автор «Истории поэзии и красноречия у современных народов» (1801 — 1819),

К стр. 44

Жан-Жак Ампер (1800 — 1864) — французский писатель и историк, профессор Коллеж де Франс, академик. Автор ряда работ по истории французской литературы.

Филарет Шаль (1798 — 1873) — французский литературовед, автор работ, посвященных влиянию испанской литературы на французскую и итальянскую.

Эдгар Кине (1803 — 1875) — французский писатель, историк, философ. Его перу принадлежит ряд работ по истории религий и революций, написанных в духе идей демократического либерализма и антиклерикализма, а также по сравнительному литературоведению,

К стр. 45

Пикколо Уго Фосколо (1778 — 1827) итальянский писатель и литературовед, автор ряда работ о Петрарке, Данте, Боккаччо.

К стр. 46

Эрнст Роберт Курциус (1886 — 1956) -- немецкий литературовед, историк и философ культуры, автор трудов, посвященных Бальзаку, М. Прусту и другим французским писателям.

Поль Азар (1878 — 1944) — французский историк литературы и культуры, был профессором кафедры сравнительного литературоведения Лионского института, Сорбонны, Коллеж де Франс, Автор крупных работ, посвященных идейной борьбе в Европе XVII — XVIII вв.; в его трудах, к сожалению, игнорируется вклад русской культуры.

К стр. 48

Хэтчисон М. Познетт — английский литературовед. В его труде «Сравнительное литературоведение» (1886) использован широкий литературоведческий материал, охватывающий огромный период от индийского эпоса до литературы конца XIX в.

Макс Кох (1855 — 1931) — немецкий литературовед, автор работ по немецкому Возрождению, истории немецкой литературы.

К стр. 49

Жозеф Текст (1865 — 1900) — французский литературовед, автор историко-сравнительных исследований франко-английских литературных связей, немецкого влияния на французскую литературу, творчества Ж.-Ж. Руссо и др.

Эрих Шмидт (1853 — 1913) — немецкий историк литературы. Большинство его исследований посвящены творчеству Гёте и движению «Бури и натиска».

Фернан Бальдансперже (1871 — 1958) — французский литературовед, автор ряда трудов, посвященных освоению творческого наследия отдельных крупных писателей за пределами их стран, а также книг по эстетике, истории французской литературы XX в. и др.

К стр. 51

Жан-Мари Карпе (1887 — 1958) — французский литературовед, ученик и последователь Паула ван Тигема и Бальдансперже. Сменил последнего в 1936 г. в редакции «Revue de littérature comparée» и на кафедре сравнительного литературоведения Сорбонны. Автор (помимо названных в книге произведений) труда «Французские писатели и немецкий мир», вышедшего в Париже в 1940 г.

Марсель Батайон (род. в 1895 г.) — французский литературовед и переводчик, профессор Коллеж де Франс, автор исследования «Эразм в Испании» и др.

К стр. 56

Вернер Фридерих — американский литературовед швейцарского происхождения, руководитель Института сравнительного изучения литературы при Университете Северной Каролины и пе-

риодического издания «Ежегодник сравнительной и всеобщей литературы».

К стр. 57

Гарри Ремэйк (род. в 1916 г.) — американский литературовед, видный представитель американской школы компаративизма, теоретик и библиограф, продолживший работу Бальдансперже и Фридериха. Профессор Университета в штате Индиана.

К стр. 59

Рене Этиембль (род. в 1909 г.) — французский писатель и литературовед. С 1956 г. возглавляет кафедру сравнительного литературоведения в Парижском университете.

К стр. 61

Иштван Шётер (род. в 1913 г.) — крупный венгерский литературовед и писатель. Академик, руководитель Института литературоведения Академии наук ВНР, в 1970 — 1973 гг. был президентом Международной ассоциации по сравнительному литературоведению. Автор работ, посвященных проблемам романтизма и реализма, творчеству Мицкевича, Петефи и др.

Дьёрдь Махай Вайда (род. в 1914 г.) — венгерский литературовед, профессор Сегедского университета, автор ряда работ по современной немецкой и австрийской литературе, в том числе по истории и методологии литературной науки. В ряде статей стремился проследить исторические связи компаративистики с гётевской идеей «мировой литературы».

Ян Мукаржовский (1891 — 1975) — чешский литературовед и искусствовед, академик, видный представитель Пражского лингвистического кружка. Руководил академическим изданием «Истории чешской литературы». Первые работы в духе структурализма были посвящены стилистическому анализу чешской прозы и поэзии. Позднее, опираясь на принципы марксистской эстетики, писал о проблемах социалистической культуры, о народности литературы, о культурном наследии и др.

Юлиус Полонский (род. в 1903 г.) — чешский историк литературы, профессор Карлова университета в Праге. Посвятил ряд работ творчеству Мицкевича, Петефи, взаимоотношениям чешской и русской литератур,

К стр. 62

Казимеж Выка (род. в 1910 г.) — польский литературовед, академик. Автор работ по польскому романтизму, модернизму, а также современной прозе и поэзии.

Рита Шобер (род. в 1918 г.) — немецкий литературовед и критик, член Академии наук ГДР, ответственный редактор журнала «Проблемы романской филологии». В своих научных трудах, посвященных преимущественно творчеству французских писателей XIX и XX вв., ведет полемику против формалистических теорий «новой критики».

Вернер Краус (род. в 1900 г.) — немецкий литературовед, академик, крупнейший специалист по литературе XVIII в., проблемам

немецкого и французского Просвещения, Профессор Университета им. Карла Маркса в Лейпциге.

К стр. 63

Робер Эскарпи (род. в 1910 г.) — французский литературовед, профессор Университета в Бордо, специалист по проблемам истории и социологии литературы, сравнительному литературоведению. Автор Международного словаря литературных терминов, президент «Общества французских друзей Байрона».

К стр. 64

Последний конгресс состоялся в 1970 г. в Бордо — последний конгресс по сравнительному литературоведению состоялся в 1976 г. в Будапеште.

К стр. 66

Помпилиу Элиаде (1869 — 1914) — румынский историк литературы, член-корреспондент Румынской академии наук, автор трудов по французской литературе и румыно-французским связям.

Николае Йорга (1871 — 1940) — выдающийся деятель культуры дореволюционной Румынии, историк, литературовед, политический деятель. Автор огромного числа работ по истории Румынии, в том числе десятитомной «Истории румын», многотомных историй румынской литературы XVIII, XIX, XX вв., «Истории романских литератур». Ментор движения «семэнэторизма» («сеятельства»), призывавшего к изображению жизни крестьян в идиллически-патриархальных тонах. Исторические и литературные взгляды Йорги были эклектичны, носили на себе печать национализма.

Йоргу Иордан (род. в 1888 г.) — румынский лингвист, крупный специалист в области романской филологии, а также современного румынского языка.

К стр. 67

Думитру Попович (1902 — 1952) — румынский литературовед, профессор мужского университета. Автор исследований, посвященных румынскому романтизму, творчеству И. Э. Рэдулеску, М. Эминеску и др.

Секстил Пушкарю (1877 — 1948) — румынский филолог, член Румынской академии наук, основатель Музея румынского языка, журнала «Дакоромания». Автор работ по румынскому языку, романскому и общему языкознанию, истории румынской литературы.

Николае Картожан (1883 — 1944) — румынский историк литературы, специалист в области древней румынской литературы.

К стр. 68

Базил Мунтяну — французский литературовед румынского происхождения, автор исследований в области современной румынской литературы и румыно-французских литературных связей.

Эуджен Ловинеску (1881 — 1943) — румынский критик и историк культуры, Основатель журнала и литературного кружка

«Збурэторул». Сторонник автономии эстетического, создатель теории «синхронизации румынской культуры с европейской». Способствовал развитию румынского модернизма. Автор ряда монографий, посвященных творчеству Гр. Александреску, Т. Майореску, а также работ по истории румынской литературы и современной румынской цивилизации.

Джордже Кэлинеску (1899 — 1965) — видный румынский литературовед, писатель, публицист. Автор фундаментальных трудов по истории румынской литературы, а также работ, посвященных творчеству М. Эминеску, И. Крянгэ и многих зарубежных писателей. Академик, был профессором Бухарестского университета, руководил Институтом теории и истории литературы Академии наук СРР, носящим теперь его имя.

Лазэр Шэйняну (1859 — 1934) — румынский лингвист и фольклорист. Автор исследований по истории румынской филологии, влиянию восточных культур на румынскую, работ о румынских сказках.

Богдан Петричейку Хаи́деу (1838 — 1907) — молдавский и румынский писатель, филолог, историк, публицист. Член Румынской академии наук. Первый румынский лингвист, широко использовавший сравнительно-исторический метод, один из основателей сравнительной фольклористики.

Овид Денсушяну (1873 — 1938) — профессор Бухарестского университета, академик, автор «Истории румынской литературы», монументального труда «История румынского языка» (на французском языке), ряда фольклорных исследований.

К стр. 70

Михаил Садовяну (1880 — 1961) — крупнейший прозаик XX в., автор ста с лишним книг, в которых отразил важнейшие этапы исторического развития румынского народа, жизнь современного ему крестьянства, чиновничества провинциальных городков. Автор замечательных переводов «Записок охотника» И. С. Тургенева, рассказов Мопассана и др.

К стр. 71

Ион Богдан (1864 — 1919) — румынский филолог и историк. Видный организатор славистских исследований в Румынии. Издал ряд сборников исторических документов и летописей.

Петре Панаитеску (1900 — 1967) — румынский историк-медиевист и славист. Был профессором Бухарестского университета.

Петре Константинеску-Яшь (1892 — 1974) — румынский историк. Член Академии наук СРР. В довоенные годы активный участник демократического и антифашистского движения, возглавляемого Румынской коммунистической партией. Автор работ, посвященных советской культуре и советско-румынским культурным связям.

К стр. 72

«Ардяльская школа» («Трансильванская») — широкое просветительское движение в Трансильвании последней четверти XVIII и первых двух десятилетий XIX в., выступавшее за «ла-

тинизацию румынского языка и сближение с культурой других романских народов».

Поэты семьи Вэкэреску — Иенэкицэ Вэкэреску (1740 — 1797), его сыновья Николае Вэкэреску и Алеку Вэкэреску и племянник Янку Вэкэреску (1791 — 1863) — просветители, содействовавшие развитию школы, театра, прессы, типографского дела в Валахии. Авторы слезливо-сентиментальных, любовных стихотворений. В некоторых произведениях звучат мотивы гражданские и патриотические.

Динику Голеску (1777 — 1830) — автор первого в истории новой румынской литературы путевого дневника «Заметки о моем путешествии, проделанном в 1824 — 1825 годах», в котором высказывал просветительские идеи.

Ионикэ Тэуту (1798 — 1828) — автор патриотических памфлетов, в которых отражены непримиримые противоречия между латифундистами и трудовым крестьянством.

Василе Погор (1792 — 1857) — просветитель, последователь энциклопедистов, автор сатир, в которых разоблачал феодальные порядки в стране, и незаконченной поэмы «Видение схимника Варлаама».

«Цыганиада» — героико-комическая эпопея трансильванского просветителя, участника «Ардяльской школы» Иона Будай-Деляну, написанная в 1792 — 1812 гг. Сатирически заострена против феодалов, духовенства и сановников.

К стр. 73

Костике Конаки (1778 — 1849) — поэт и переводчик. Автор стихов в духе неонакреонтизма, маленьких стихотворных сатирических комедий.

К стр. 74

Василе Александры (1821 — 1890) — молдавский и румынский писатель и политический деятель. Участник революции 1848 г., директор Национального театра, руководитель журнала «Румыния литерарэ» («Румынская литература»). Издал первый большой сборник народной поэзии. Воспел в стихах героическое прошлое народа, природу, труд крестьян. Был удостоен звания Мирчештского барда. Автор сатирических комедий и исторических драм, а также романтических произведений в прозе («Флорентийская цветочница» и Др.).

Дмитрие Болинтиняну (1819 — 1872) — румынский писатель, автор романтических баллад, эпических поэм, политических сатир, исторических легенд. Считается также одним из предтеч румынского романа.

Николае Апостолеску (1876 — 1918) — румынский литературовед, автор «Истории румынской литературы» и ряда исследований, посвященных румынской поэзии и влиянию на нее европейского романтизма.

К стр. 74

Шарль Друз (1879 — 1940) — румынский литературовед, француз по происхождению, был профессором Бухарестского университета.

Григоре Александреску (1810 — 1888) — румынский поэт, автор сатир, басен, патриотических романтических размышлений. Участник борьбы за объединение Дунайских княжеств.

Константин Стамати (1786 — 1869) — молдавский и румынский писатель. Был знаком с Пушкиным, перевел «Кавказского пленника», произведения Жуковского, Державина, Крылова, Лермонтова и других русских писателей.

Костаке Негруци (1808 — 1868) — молдавский и румынский писатель. Переводчик произведений Пушкина, Кантемира, Гюго. Автор романтических повестей и первой исторической новеллы «Александру Лэпушняну», занявшей видное место в развитии молдавской и румынской прозы.

Николае Бэлческу (1819 — 1852) — румынский революционер-демократ, историк, экономист, один из вождей революции 1848г. Автор ряда работ по истории военного искусства, экономике Дунайских княжеств. Относительно поэмы «Песнь о Румынии» см. Алеку Руссо, к стр. 91.

К стр. 78

«Жунимя» — литературное общество, основанное Титу Майореску, В. Погором и другими деятелями культуры Румынии в 1863 г. Хотя его создатели и придерживались консервативных политических взглядов, «Жунимя» в определенной мере содействовало утверждению подлинных художественных ценностей в культурной жизни страны.

Титу Майореску (1840 — 1917) — видный румынский критик, политический деятель, руководитель литературного общества «Жунимя» и журнала «Конворбирь литераре» («Литературные беседы»). Сторонник теории «искусства для искусства». Своей конкретной критической деятельностью, однако, содействовал в определенной мере повышению художественного уровня румынской литературы.

Михаил Когэлничану (1817 — 1891) — политический деятель, историк, писатель, журналист. Сыграл значительную роль в борьбе за объединение Дунайских княжеств. Издатель древних летописей. Руководитель журнала «Дация литерарэ» (1840), в котором выступал против засилья переводной литературы, за развитие национальной культуры. Автор «Истории Молдавии и Валахии».

Штефан Зелетин (1882 — 1934) — румынский деятель культуры, главный проповедник неолиберализма в Румынии, веривший в возможность устранения противоречий капитализма с помощью реформ и примирения классов.

К стр. 79

Джеордже Топырчану (1886 — 1937) — румынский поэт, автор лирических, юмористических стихотворений, пародий. Переводил произведения Гомера (отрывки из «Одиссеи»), Шекспира и др.

К стр. 83

Лучиан Блага (1895 — 1961) — румынский поэт, драматург, историк культуры, философ. Автор «Трилогии познания», «Трилогии культуры», «Трилогии ценностей», пронизанных идеями фи-

лософского иррационализма. В поэзии вышел за узкие пределы своих философских построений.

К стр. 90

Клод Пишуа и *Андре М. Руссо* — французские литературоведы, авторы «Сравнительного литературоведения» (1967), которое они рассматривают как продолжение работы Гюйяра (см. комментарий к стр. 92). Всячески преуменьшают достижения ученых стран социализма.

К стр. 91

Алеку Руссо (1819 — 1859) — молдавский и румынский публицист и писатель, участник революции 1848 г. Автор сатирических пьес, очерков, поэмы в прозе «Песнь о Румынии» и статей о народном творчестве.

Александру Одобеску (1834 — 1895) — румынский писатель, археолог. Автор исторических новелл и «Лжетрактата об охоте», в котором рассматривает различные произведения искусства, воплотившие тему охоты.

Барбу Делавранча (1858 — 1918) — румынский прозаик и драматург. Автор реалистических рассказов, исторических драм и ряда работ, посвященных народному творчеству.

К стр. 92

Мариус Франсуа Гюйяр — современный французский литературовед, продолжил в послевоенных условиях компаративистские исследования Бальдансперже и Паула ван Тигема. Автор работ о Ламартине, Гюго, П. Клоделе, а также небольшой книги «Сравнительное литературоведение» (первое изд. 1951 г., четвертое — 1965), в которой набрасывает краткий очерк истории компаративистики и рассматривает актуальные проблемы этой науки. Однако вопросы, касающиеся сравнительного изучения литератур Восточной Европы, в том числе и славянских литератур, а также проблемы развития современных литератур, особенно многонациональных, автором игнорируются.

К стр. 93

...исследования затрагивают и другие явления — более широкое определение предмета сравнительного литературоведения предложено советским исследователем Л. С. Кишкиным (журнал «Советское славяноведение», 1968, № 8).

К стр. 104

Ливиу Ребряну (1885 — 1944) — крупнейший представитель румынского критического реализма периода между двумя мировыми войнами, автор романов «Ион» и «Восстание», посвященных жизни крестьян в буржуазно-помещичьей Румынии и крестьянскому восстанию 1907 г.

Марин Преда (род. в 1922 г.) — видный современный прозаик, автор романов о жизни крестьянства до второй мировой войны и в условиях народной власти («Семья Моромете»).

Ион Лэнкрэнжан (род. в 1928 г.) — современный прозаик, автор трехтомного романа о коллективизации, «Кордованы» (1954).

К стр. 108

Чезар Боллиак (1813 — 1881) — румынский поэт и публицист, революционер-демократ, участник национально-освободительного движения 40-х годов в Валахии и революции 1848 г.

К стр. 111

Василе Кырлова (1809 — 1831) — румынский поэт, автор нескольких романтических стихотворений, посвященных героическому прошлому народа, и «Марша румынского воинства». Считается одним из основоположников новой румынской поэзии.

К стр. 120

Ласло Галди (род. в 1910 г.) — венгерский литературовед, романист, автор ряда работ, посвященных румынской литературе и румыно-венгерским литературным связям.

Дософтей (1624 — 1693) — молдавский митрополит, ученый-книжник, поэт, автор «Стихотворной псалтыри» (1673) и истории молдавского княжества в стихах (1681).

К стр. 124

Николаус Олахус (1493 — 1568) — гуманист, живший в Венгрии, он поддерживал тесные связи с западноевропейскими гуманистами, в том числе с Эразмом Роттердамским. Автор исторического труда «Хунгария» и стихотворного сборника «Хроникой»,

К стр. 127

Александру Мачедонски (1854 — 1920) — румынский поэт, крупнейший представитель символизма, основатель журнала и литературного общества «Литераторул».

К стр. 131

Георге Лазэр (1779 — 1823) — румынский просветитель, открыл первую в Валахии школу с преподаванием на румынском языке (1818). Участвовал в народном восстании под руководством Тудора Владимиреску (1821).

К стр. 132

Джеордже Мурну (1868 — 1957) — румынский писатель, автор стихотворных сборников, лингвистических исследований. Подлинную славу принесли ему переводы «Илиады» и «Одиссеи».

К стр. 139

Александру Давила (1862 — 1929) — румынский драматург, театральный деятель, директор Бухарестского национального театра. Автор исторической драмы «Князь Влайку».

К стр. 142

Джеордже Кошбук (1866 — 1918) — видный румынский поэт, уроженец Трансильвании, автор баллад и идиллий на темы из

жизни крестьянства. Его перу принадлежат стихотворения, ставшие образцами социальной лирики («Хотим земли» и др.).

Иоан Войнеску Второй (1816 — 1855) — румынский общественный и литературный деятель, секретарь «Литературной ассоциации», основанной в Бухаресте в 1845 г. Переводчик Мольера, Коцебу и др. на румынский язык, стихотворений В. Александри — на французский язык. Автор биографии Н. Бэлческу, изданной в Париже в 1853 г,

К стр. 152

Ион Гика (1816 — 1867) — румынский общественный и литературный деятель, основал вместе с И. Бэлческу общество «Фрэция» («Братство»), участвовал в революции 1848 г. После ее поражения эмигрировал. Автор мемуаров «Письма к В. Александри».

К. стр. 172

Джеордже Крестя Николеску (1911 — 1967) — румынский литературовед, профессор Бухарестского университета, автор работ, посвященных В. Александри, М. Эминеску, М. Когэлничан) и др.

Хенрик Саньелевич (1875 — 1951) — румынский литературный критик, социолог, биолог. Сторонник концепции особой роли нравственного начала в художественном творчестве.

Ион Пиллат (1891 — 1945) — румынский поэт, эссеист, проделавший путь от символизма к реалистической манере. Автор «Антологии современных поэтов»,

К стр. 181

Джордж Сэнсбери (1845 — 1933) — английский литературовед автор трудов, посвященных Теккерею, Филдингу. Мармонтелю истории английской и французской литературы.

К стр. 185

Вернер Фридерих (см. комментарий к стр. 56) и *Дэвид Мелон* — авторы труда «Основы сравнительного изучения литератур от Данте Алигьери до Юджина О’Нила».

К стр. 189

Зое Думитреску-Бушуленга (род. в 1920 г.) — румынский критик и историк литературы, профессор Бухарестского университета директор Института им. Дж. Кэлинеску. Главный редактор журнала «Revista de istorie și teorie literară» и нового компаративистского издания «Synthesis».

К стр. 197

...встал вопрос об издании журнала — с июля 1975 г. выходит румынский компаративистский журнал «Синтезис» («Синтез»)

Доступно также на сайте http://sbiblio.com/biblio/archive/dima_principi/01.aspx